

[Polaris]

НИКОЛАЙ БОРИСОВ

УКРАЗИЯ

кино-роман

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

IX

Salamandra P.V.V.

Николай Борисов

УКРАЗИЯ

Кино-роман

Salamandra P.V.V.

Борисов Н. А.

Укразия: Кино-роман. Послесл. и прим. А. Шермана. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 180 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. IX).

Лихие погони, перестрелки, чудесные побег, бесстрашные подпольщики и со вкусом описанное «разложение» офицерства в кабаках белогвардейской Одессы... И над всем витает тень таинственного «7 +2» – неуловимого и хладнокровного агента красных в белогвардейской контрразведке.

«Кино-роман» Н. Борисова «Укразия» не только лег в основу одного из самых успешных фильмов 1920-х гг. – впервые в советской литературе автор создал запоминающийся образ «своего среди чужих», Штирлица времен Гражданской войны.

В 1937 году Н. Борисов был расстрелян, кинофильм «Укразия» запретили к показу, а книги писателя на долгие десятилетия исчезли из магазинов и библиотек.

УКРАЇНІЯ

КІНО-РОМАН **БОРБОВА І СТОЛОНОВА**

ТОВАРИЩИ!
 Висвітлюючи історичну правду про Україну, це кіно-роман розкриває перед вами життя українського народу в боротьбі за свободу і незалежність. Це кіно-роман є великим внеском у справу національного відродження України.

Ваша справа —
 свідати про це!

Дізнайтеся про Україну!

ТОВАРИЩИ!

УКРАЇНІЯ
 БОРБОВА І СТОЛОНОВА

УКРАЗИЯ

Кино-роман

Посвящается С. Е. Марголиной-Карельштейн.

ПРОЛОГ

Глава I.

Злоключения мистера Дройда.

Выселенный из первой классной гостиницы на шестой чердачный этаж, журналист Дройд страдал.

Зима острым холодом проникала в щели разбитых стекол. Паровое отопление не действовало. «Буржуйке» он скормил весь паркет и теперь кутался в свое некогда шикарное пальто с оторванными боковыми карманами от частого засовывания туда мерзлых рук.

Просвистал типерери.

Не помогает. Хочется есть. Засунув руки в карманы, Дройд сумрачно вышел из комнаты. Его силуэт поглотил длинный, грязный, загруженный чемоданами, дровами и всякой рухлядью коридор. Постучал в забитую войлоком дверь.

— Жарь, без стуку!..

Вошел... Сосед, сидя на корточках перед «буржуйкой», топил ее разрубленными кусками кресел, паркета, книгами...

— Что, лопать хочется?.. Ничего нет!..

Настойчивый Дройд, всунув две монеты в руку соседа, выпроводил его из комнаты, а сам сел к печке. Наслаждаясь теплом, Дройд сосредоточенно подкладывал в печь книги. Одну книгу развернул и охнул перед великолепными офортами, но все же засунул книгу в печь. Сосед скоро вернулся с краюхой хлеба и двумя таранями.

Тоска душила Дройда, когда он видел окна и двери магазинов, переkreщенные деревянными досками. Некоторые магазины были уже давно разбиты, разгромлены и все деревянное давно сожжено в «буржуйках».

— Не хватает больше сил, я решил бежать, — глотая хлеб, говорил Дройд.

А потом поезда, переполненные солдатами, мешочниками, бабами, мужиками, вшами. Остановки на станциях со стрельбой. Путешествия на крышах вагонов, замерзание... бои за места в теплушках, обыски орточеки... Все это сме-

шалось в мозгу Дройда, как в калейдоскопе. Он даже устал переживать и нервно пускал залпы махорочного дыма... Наконец Одесса, но там добровольцы собирали дань не только с «благодарного» населения, но и с «иностранцев».

Вечер. Дройд шел по Дерibasовской, чмокая трубку, пуская дым... По Дерibasовской тянутся какие-то обозы, мчатся почему-то в карьер казаки, испуганно быстро движутся одинокие люди, избегая экзотических групп: корниловских, дроздовских и волчьей сотни офицеров Шкуро... И всюду на рукавах трехцветные углы. Всюду сияют погоны. Всюду слышатся культурные французские слова. Всюду шикарные женщины... К Дройду подошли три офицера, на рукавах мертвые головы, перекрещенные костями...

— Паззвольте прикурить...

Залп дыма.

— Плиз... — вежливо протянул трубку Дройд. Так же вежливо офицеры, прикурив папиросы, как бы случайно направляют на него наганы.

— S'il vous plaît... Пальто, часы, золото, — или два золотника двадцать одна доля...

Мимо прошел рабочий.

— Большевик...

Один из офицеров повернулся и спокойно выстрелил в затылок рабочего...

Кровь, куски мозга брызнули во все стороны... На минуту раздалась толпа, обходя труп...

После такого вступления Дройд не решился протестовать. Охотно, очень охотно снял пальто, отдал часы, вынул десяток золотых монет... Офицеры, отдав честь, спокойно ушли дальше...

Толпа... Движение... Суэта... Флирт...

Дройд, вздохнув, быстро свернул с Дерibasовской на Греческий базар.

Его душила злость. Неожиданно для себя нашел в кармане затерявшуюся монету. Подбросил ее на ладонь и спустился в подвальчик.

Двадцать ступеней вниз, и в лицо пахнул спертый воздух спирта, кислых огурцов, дыма...

С гречанкой, хозяйкой подвальчика, флиртовал офицер-летчик... И больше никого, — только из соседней комнаты доносилась пьяная песня, крики... Летчик встал, повернулся.

— Дройд!

— Лисевицкий!

— Какими судьбами?

— Бежал сюда из Москвы...

И Дройд рассказал летчику все свои злоключения...

А потом Лисевицкий, подумав и отведя Дройда в угол лавки, предложил:

— Сколько за перелет через границу на самолете?

Вместо ответа Дройд вывернул свои пустые карманы и протянул на ладони уцелевшую монету...

— *Omnia mea mecum porto.*

— Чепуха... Уплатишь за границей...

— Идея... — обрадовался Дройд.

Лисевицкий сейчас же достал перо, чернил, бумагу и предложил Дройду написать обязательство:

«По перелете границы я, нижеподписавшийся, Виллиам Дройд, обязуюсь в первом же немецком городе выдать г-ну Лисевицкому чек на сумму 1.000 фунтов стерлингов на Лондонский королевский банк.

Виллиам Дройд.
1918 г. Одесса».

Лисевицкий внимательно прочел, свернул записку, положил ее в бумажник...

— Игра стоит свеч...

Крепкое пожатие рук... Лисевицкий, подойдя к стойке, налил две рюмки водки...

— За удачный полет. — Дройд чокнулся с ним. — Мы сейчас поедем к ангарам, а через два часа вылетим. Угодно...

— Yes... Я готов... Мне ваш воздух вреден... — Они вышли из лавочки.

На улице та же толпа нарядных женщин, экзотических офицеров, сытых людей волной катилась мимо кафе и сверкающих роскошью и золотом магазинов.

Обрывки фраз, смех, шутки...

Впереди шли два артиста с шансонетками. Один, в пенсне, постоянно его поправляя и поддергивая носом, говорил:

— А здорово этот Карин с эстрады... У нас один шиллинг, да и тот со штемпелем.

— Ну, не поздоровится... Арестуют...

— Уже арестовали...

— А этот Павел Троицкий — душка... А пропос, Люси, разгадай загадку: в английском фунте десять шиллингов, сколько фунтов у Шиллинга?..

Смех. Артисты замешались в толпе...

Лисевицкий и Дройд подошли к извозчику.

Извозчик, увидя офицера, ударил по лошадям.

Тогда Лисевицкий вынул наган, выстрелил в воздух, и испуганный извозчик остановился...

— Дурак!.. Хам!.. Тебе будет уплачено вперед... Получай... — Лисевицкий вынул донскую бумажку и протянул извозчику... Извозчик, кряхтя, уныло посмотрел на бумажку и пробурчал:

— Что на нее купишь? Дырку от бублика, что ли?..

— Стрельбище... — сказал Лисевицкий, усаживаясь с Дройдом в пролетку.

Извозчик еще раз вздохнул, спрятал деньги в карман и неохотно ударил по лошадям.

Улицы сменялись улицами, потом шоссе, деревья, дачи... Вечер сменился ночью...

За городом пахло морем, и мертвенная луна делала зелеными лица проезжавших мимо офицеров. Луна обращала их в трупы.

В поле было холодно... Дройд ежился, а Лисевицкий жадно вдыхал свежий воздух...

— К черту, мне надоел этот хаос... Командование ничего не знает, все воруют. Ваше обмундирование не доходит до фронта... Зато весь тыл обмундирован шикарно... Жалованья не платят... Офицеры охотятся за большевиками...

— Как это!? Охотятся?..

— Да так... Просто... Зухтер наводит на след большевика, и баста... Начинается ловля...

— А если поймают?..

— Шлепнут, и только...

Ангары вынырнули из тьмы... Блеснул штык часового, и окрик хлестнул воздух.

— Стой, кто идет?..

— Свои... Штык... — крикнул Лисевицкий.

Соскочили с пролетки. Подошли к одному из ангаров. Часовой мерно отошел в сторону и утонул в полумраке...

Выкатили из ангара аппарат. Усадив Дройда, Лисевицкий завел пропеллер и вскочил в аппарат в тот момент, когда он, задрожав, тронулся по площадке.

— Доложишь утром, что я вылетел по экстренному приказу командующего в Очаков, — крикнул Лисевицкий.

Глава II.

Ераплант.

Лирика... Густые купола деревьев, стог сена, квадраты сжатых полос, грязные улицы с беленькими хатами, ставни с вырезанными сердечками...

Пыль... Крик детворы...

А вверху над всем рокот самолета...

Ветер свистел в уши и бил в глаза, Дройд жмурился.

Аппарат стал давать перебои... Лисевицкий выключил мотор и начал планировать, описывая спираль, над селом... Детвора, подняв крик, бросилась бежать по дороге... Пыль... Пыль... и топот сверкающих пяток...

Аппарат спланировал на опушку леса, в кустарник.

— Спланировали неизвестно куда, — крикнул Лисевицкий...

— Лететь нельзя?

— Да, в баке течь...

Энергично втянули аппарат в плечи густого орешника и, беспокойно оглядываясь, начали маскировать его ветками...

А дорога гудела под веселым, ласковым клубом пыли... Мчалась колоритная, загорелая, оборванная, горластая детвора посмотреть вблизи невиданную птицу...

Дройд и Лисевицкий притаились в кустах, зорко следя за каждым движением следопытов, которые рассыпались по всему полю...

Милые, но опасные следопыты...

— Ничего нет... — разочарованно повернули следопыты обратно в деревню... Забыв об аэропланах, помчались по дороге, поднимая мягкую пыль. Только один сильный, коренастый мальчик остался, исподлобья разглядывая еще небранное сено, покрывающее землю.

Зоркий взгляд заметил легкий след самолета, скользнувшего по селу, и мальчик радостно устремился в кустарник. Лисевицкий не сводил с него глаз и, с беспокойством следя за каждым его движением, пробирался к нему. Мальчик продвигался к самолету через орешник, ломая непокорные сучья, издающие такой шум и треск, что не слышал осторожных шагов Лисевицкого. А позади немного усталой и развинченной походкой шел Дройд, наблюдая эту сцену и посасывая трубку...

— Ераплант! — радостно крикнул мальчик.

Лисевицкий бросился и, схватив его за горло, стал душить.

В голове мальчика зазвенело, глаза налились кровью и, задыхаясь, он, сделав невероятное усилие, вырвался из рук Лисевицкого и утрем скользнул снова в орешник. Лисевицкий, задыхаясь, бежал за ним. Мальчик, подгоняемый опасностью, неся птицей. Его грудь распирало торжество и, не выдержав, он на минуту остановился в пробеле кустов и звонким прерывистым голосом крикнул:

— Белая сволочь! Что!

Это был его последний крик. Лисевицкий, почти не целясь, выстрелил из браунинга.

Выстрел хлестнул свежий воздух, отдался эхом в орешнике и где-то далеко еще раза два гулко перекликнулся с лесом... Мгновение мальчик постоял, а потом бессильно упал на землю...

— В сердце, — крикнул Лисевицкий Дройду.

— Убили?.. — задыхаясь спросил Дройд, смотря на кровавое пятно, расплзающееся на груди мальчика...

Лисевицкий жестко улыбнулся, и все лицо на мгновение осветилось волчьим оскалом.

— Это война... Не выдаст щенков!..

Глава III.

Организованное знакомство с белыми.

Вернулись к самолету. Лисевицкий устало присел, развернул карту и стал рассматривать. Дройд посасывал трубку.

— Где мы находимся? Плиз.

— А черт его знает, где.

Встал, швырнул карту в аппарат, потянулся, снял кожаную тужурку, срезал погоны, вынул свои документы и тщательно спрятал в самолет.

— У вас документы большевистские?

— Yes... А зачем вы сняли погоны?

Лисевицкий пожал плечами.

— Если здесь красные, то нас спасет ваш мандат, если же белые, то нам обоим будет крышка...

Пошли к шоссе.

Прежде чем выйти, тщательно оглядели местность. Ничего подозрительного. Деревня как деревня. Лес как лес. На шоссе никакого военного движения. Лес, спокойный, тихий, никак не выдавал присутствия какого-нибудь отряда. А по шоссе медленно, лениво тянулись возы с сеном...

— Идиллия. Тут все вверх тормашками перевернулось. А они хоть бы что. — Лисевицкий плюнул и, взяв Дройда под руку, вышел на шоссе, к возам, медленно тянувшимся к деревне.

Остановили первый воз. Крестьянин недоверчиво оглядел обоих, скользнув хитрым взглядом по жетону летчика. Хитрая усмешка пробежала по губам, и он остановил лошадь.

— Кто занимает деревню? Кто-нибудь есть?

— Есть, как не быть.

— Войска? Чьи?

— Известно, наши.

Лисевицкого передернуло от такого ответа. Он знал, что от крестьянина сейчас ничего не добьешься. Крестьянин отвечал языком, выработанным гражданской войной.

— Кто ваши?

— А откуда я знаю. Одним словом, наши.

— Подвези нас.

— Садитесь.

Через минуту Дройд и Лисевицкий качались на мягком ароматном сене и, с удовольствием вытянувшись, наблюдали облачное небо. Их отдых прервал крестьянин.

— А вы кто будете?

Лисевицкий, приподнявшись на локте и улыбаясь, ответил:

— Мы тоже ваши.

И, увидев скачущую по шоссе группу офицеров, он нервно сжал руку Дройда.

— Втяпались в историю.

Одним прыжком Лисевицкий и Дройд соскочили с воза. Крестьянин ударил кнутом, и лошади помчались.

Шоссе. Голое поле, ни кустарника. Спасаться некуда. Дройд и Лисевицкий остановились. Подлетели офицеры и спешно начали обыск.

Минута, и документ был в руках полковника.

А на документе:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Выдан сей мандат Московским Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов английскому журналисту Виллиаму Дройду в том, что он является представителем английской прессы и пользуется беспрепятственным пропуском в Совет».

Полковник побагровел.

— Большевики... Я вас расстреляю, сволочи. Взять... — закричал и задохнулся.

Окруженные казаками Дройд и Лисевицкий вошли в деревню, сопровождаемые лаем собак, бегством гусей и кур, взглядами молодых и стариков. Наконец подошли к площадке, на одном конце которой, над белой хатой, развевался трехцветный флаг и толпились казаки. Подошли к хате...

— Дежурный, прими большевиков, — закричал казак.

— Чего их тащил, пашки не было? — выругался толстый казак на крыльце.

— Гаврило, отведи их куда надо.

Гаврило, дюжий казак, крикнул, сплюнул в сторону и, поправив папаху, неохотно принял арестованных...

— Иди... туды-т твою мать!

И здоровым ударом по шее толкнул Дройда в ворота. Лисевицкий, не ожидая приглашения, быстро пошел вперед...

Во дворе толпились группами казаки. Смех, ругань прерывались клокотаньем в горле самогона. В глубине покосившийся флигель охранялся двумя казаками, которые сумрачно раскуривали собачьи ножки, мысленно переносясь в пьяную компанию товарищей.

Появление арестованных не поразило их, только сапоги обратили на себя внимание часовых.

— Смотри в оба... Черт сиволапый. Я те дам сапоги...

— Я, може, уже давно их наметил...

В углу, под светом, падающим из окна, сидел на соломе раненый, обросший волосами партизан, массиравший в это время шрам от пули около локтя левой руки. Шум, произведенный беглецами, заставил его поднять голову, и партизан медленно поднялся с соломы. Густая борода обрамляла его молодое мужественное лицо, во всей фигуре — решительность и энергия. Голова гордо поднята, воротник рубахи расстегнут. Не поправив рукавов, закатанных выше локтей, партизан подошел к ним.

— Ну, как насчет бегства?.. А?

Партизан приложил палец к губам... Все втроем уселись на соломе и начали совещание.

Часовые у дверей хаты совсем заскучили: махры уже нет, всю выкурили, да и казаки разошлись со двора кто куда. Одни барахолить пошли, другие уехали в связь, а третьи крепко спали у крыльца. Только по двору еще качался один пьяный казак, держа фляжку в руках... Солнце начало припекать, и пьяный, облюбовав тень у хаты, подошел, уселся и только что хотел еще подкрепиться разок, как часовой поста № 1, у двери, выхватил фляжку и стал жадно пить...

— Отдай... Тебе говорю...

А часовой только булькал и отпихивал свободной рукой пьяного. Часовой с поста № 2, у окна, быстро подбежал и сурово выдернул фляжку.

— Будет, честь надо знать...

И сам припал к фляжке.

Хозяин фляжки, покачиваясь, встал и, утвердившись по-тверже на ногах, вступил в борьбу за обладание фляжкой.

Глава IV.

Колокольня святого великомученика Дройда.

Борьба... Шум...

Окошко на посту №2 распахнулось. Молнией выскочили Дройд, партизан и Лисевицкий и помчались по огородам.

Показавшийся на крыльце дежурный офицер «привел в чувство часовых». Загремели выстрелы вслед бегущим. Два офицера выскочили из штаба, к ним присоединились озлобленные часовые и еще один из спавших казаков.

Улицу оживила стрельба... Лихорадочные выстрелы хлестали воздух.

Пули чмокали то около ног Дройда, то просвистывали мимо.

Партизан ловко перескочил через церковную ограду. Лисевицкий и Дройд немного задержались, но, перескочив,

догнали партизана. Одно желание, одна мысль о спасении спаяла этих трех разных людей.

Бежали быстро. Подбежали к колокольне, между каменными стенами которой стояла скользкая, узкая лестница.

Взбираясь по лестнице, Лисевицкий споткнулся о большое бревно, подвешенное одним концом к веревке, шедшей от языка колокола. Бросились к бревну и начали отвязывать веревку от языка колокола. Лихорадочная работа. Веревка привязана к перилам, между амбразурами колокольни.

Лестница глухо стонала под подковами сапог преследователей.

— Бревно вниз!

И, втроем схватив бревно, раскачали и, когда показались казаки, ухнули его по лестнице. Бревно, скользнув по ступеням, сбilo врагов с ног. Вместе с бревном они покатились вниз.

Раздались выстрелы.

Лисевицкий первый начал спускаться по веревке вниз, за ним Дройд. Партизан спокойно стоял, наблюдая за лестницей и подбадривая Дройда.

Два разъяренных офицера вбежали вверх, наганы цокнули пулями по штукатурке около партизана.

Партизан поднял руки вверх.

Офицеры подскочили к нему. Сильно и метко нанес первому офицеру удар ногой в живот, и тот, падая, сбил второго. Оба упали. Один из них выронил наган и не успел опомниться, как сильные руки партизана, подняв его в воздух, встряхнули. А затем мимо спускавшегося с колокольни вниз Дройда пролетел офицер.

Веревка раскачивалась, ветер рвал волосы, выстрелы глушили, когда партизан начал спускаться по веревке.

Казаки ворвались наверх.

Пусто.

Часовые, взглянув в амбразуру вниз, побежали по лестнице, чтобы перехватить арестованных.

Гаврило привел в чувство офицера, и оба, перегнувшись через перила, начали гипнотизировать спокойным взглядом нагана раскачивавшегося на веревке Дройда.

— Прыгай! — закричал партизан, прыгая вниз вместе с Лисевицким.

На мгновение закачались на земле, пошатнулись, а часовые казаки, сбежавшие вниз, в упор навели на них винтовки.

Веревка рвала Дройду руки, и он никак не мог спуститься ниже, так как офицер и Гаврило тянули веревку вверх.

Дройд поднял голову и больше не мог отвести глаз от нагана.

Дройда втянули наверх.

А потом всех торжественно повели в штаб.

Дройд не мог понять того, как в этот солнечный день, на этих мирных улицах, покрытых мягкой пылью, среди лирики сельской жизни, среди нарядной колоритной группы дивчат, среди смеха жизни его расстреляют.

Шли втроем твердо, и только Дройд иногда втягивал голову в плечи.

— Угробить сукиных сынов.

— В штаб к Духонину.

— Смали, ребята, прямо в лоб из винта. Не дрейфь.

Приставили их к стенке церковного дома. Офицеры и казаки отошли на пять шагов и, смеясь, стали заряжать винтовки.

Дройд оглянулся. К месту расправы подъезжал автомобиль с веселым шофером, глаза которого искрились от предстоящего удовольствия. Рядом возы с сеном и группа спокойных крестьян, покуривавших и мирно беседовавших.

— Бей между глаз.

Вскинулись винтовки. Замерли.

Дройд тяжело перевел дыхание...

Из одного воза высунулось дуло пулемета...

Момент, и пулеметная дробь смела офицера и казаков.

Шофер кубарем скатился с автомобиля и залез под него.

Из воза сена появляется лицо партизана отряда Галайды и расплывается в широкую улыбку...

— Тикай...

Остолбенение нарушено.

Сели в автомобиль, Лисевицкий за руль, и только свист ветра в ушах, мелькание хат и прохожих, а затем гладкое, ровное шоссе...

Глава V.

Неорганизованное знакомство мистера Дройда с партизанами.

Свист в ушах.

Мелькание деревьев, позади пыль, впереди лес. Внизу гладкое шоссе. Полным ходом мчал автомобиль к аэроплану.

Из-за поворота появилась деревенская свадьба: цветы, ленты, яркие плахты, статные чернобровые парубки. Свадьба мчалась под неумолкаемые визги гармоники.

Задорные лица песней хлестали воздух.

Я на бочке сижу,
Та бочка вертится;
Повернусь я к Колчаку —
Махно сердится...

Смех, шутки. Возки промчались вихрем. Лисевицкий затормозил мотор и авто, качнувшись, остановился. Партизан побежал со свадьбой. Дройд выскочил на шоссе. Лисевицкий пожал плечами, схватил бак с бензином и побежал через кустарник к аэроплану.

Партизан напрасно кричал вслед свадебным возкам, они быстро промчались, точно сдуло с шоссе. К автомобилю вернулись одновременно. Лисевицкий шепнул Дройду.

— Бензин есть, можно лететь.

— All right!

— Довезите меня до лесу, — сказал партизан.

Уселись, и только тронулись с места, и только замелькало шоссе, как из леса прямо на авто выскочил отряд партизан. Удадь, ухарство, задор выбивали копыта лошадей. По ветру развевались длинные уши шапок, каждый партизан был цветным пятном в общей группе на фоне поля, шоссе и леса.

Отряд мчался, занимая все шоссе.

Лисевицкий затормозил, и автомобиль презрительно пофыркивал на мчавшихся партизан.

— Здорово, Галайда! — закричал партизан.

Первый всадник сразу легко остановил лошадь, подняв на дыбы. Быстрый взгляд из-под бровей окинул всех.

— Здорово! — и слегка щелкнул плеткой по автомобилю.

— Заработал вот с ними, — сказал партизан.

Галайда взглядом взвесил Дройда и Лисевицкого, остановив на мгновение взгляд на значке летчика.

Четкие выстрелы донеслись из деревни. Прямо с коня Галайда вскочил в авто.

— Жарь всюю!..

Лисевицкий посмотрел на Дройда, Дройд пожал плечами, подчиняясь обстоятельствам.

И снова вихрь, и снова деревня приближалась с неумолимой быстротой, а сзади цоканье копыт, обозы, шашки и партизанская удадь людей простора степей, людей, скрывающихся в лесах, людей, воспоминание о которых вызывало ужас даже в хорошо дисциплинированном отряде.

Глава VI.

Сентиментальная свадьба.

Шофер едва пришел в себя, прихрамывая бросился по площади к стоящему с группой офицеров полковнику. Полковник хлопнул хлыстом по ботфортам, смакуя последний

анекдот о Биллинге.

Прямо к площади мчалась свадьба.

Подбежал шофер, но полковник остановил его.

— После... Посмотрим, какова невеста.

Посреди площади свадьба остановилась. Лошади хрипели, грызя удила. Со всех сторон площади бежали офицеры и солдаты, привлеченные свадьбой.

В честь невесты, сошедшей с возка, офицеры салютовали выстрелами. Невеста спокойно взяла поднос и весело поглядывала на группу офицеров в ожидании, когда жених нальет в стакан водки. И только тогда, потупив глаза в землю, невеста пошла к полковнику. Полковник приосанился, поправил усы, левой ногой тихо позванивал шпорой, бросая на невесту быстрые взгляды.

Когда она подошла к полковнику, в группу солдат и офицеров врезался автомобиль, злобно дрожа от нетерпения всем корпусом.

— Первая мне, — крикнул Галайда, выхватывая левой рукой чарку почти из рук полковника, а правой из нагана в упор.

Вся площадь оцетинилась оружием.

Невеста выхватила из-под юбки обрез, сбросила платок и обратилась в бравого партизана, а вся свадьба открыла огонь по офицерам.

— Это Галайда! — крикнул, падая, офицер.

Выстрелы. Рубка. Пулеметный диалог. Трупы... Ворвавшаяся конница свистом сабель решила бой.

Галайда овладел деревней.

Веселые хороводы, смех, пляска, шум. Партизаны кружились среди молодых и молодых, а вокруг деревьев маячили конные разъезды, неся сторожевую службу, высланные железной рукой Галайды.

Осторожность. Посты. Связь.

За столом в хате сидел Галайда, давая распоряжения командирам своих сотен. В комнату вошли партизан, Дройд и Лисевицкий. Партизаны в упор уставились на вошедших. Дружеский разговор, общая трапеза, но тем не менее зоркие глаза Галайды наблюдали за ними. Дройд, не стесняясь,

записывал в блокнот свои наблюдения.

— Кто вы такие? Откуда такая смелость и решительность?
— спросил Дройд.

— Мы беднота, — усмехнулся Галайда.

В хату быстро вошел буденовец.

— Кто здесь тов. Галайда?

— Я...

— Приказ из штаба 12-й армии, — четко сказал, передавая запечатанный конверт, буденовец. Галайда прочел приказ.

— Завтра, ребята, наступаем.

Крики одобрения. Галайда скользнул взглядом по Лисевицкому.

— Ты куда дел значок?

— Какой?

— Даешь ераплант! — стукнул Галайда кулаком по столу.

— Какой? — удивился Лисевицкий.

— Мы это посмотрим, какой!

Лисевицкий вскочил, опрокинул стол и выскочил в открытую дверь, за ним быстро, проклиная свою судьбу, бежал Дройд. Опрокинутый стол, неожиданность вызвали смятение и некоторую суету. Пока выскочили за беглецами и отвязали лошадей, Дройд и Лисевицкий уже далеко бежали через огороды.

Вечерний сумрак проглатывал силуэты бегущих. Густой орешник трещал под ногами, расступаясь перед их неистовым бегом.

А вдали шоссе стонало от гула скачущих лошадей. Иногда выстрелы гулким эхом рикошетировались от далекого леса.

Дройд вскочил в аппарат, Лисевицкий завел пропеллер. Самолет вздрогнул, побежал несколько шагов, и Лисевицкий на ходу вскочил в аппарат. По шоссе неистово мчались партизаны. Увидав поднявшийся самолет, группа партизан оцетинилась винтовками, и выстрелы беспорядочно-возбужденно нарушили прелесть вечера.

Самолет поднимался вверх, уменьшаясь с каждым мгновением.

Глава VII.

«Коммунистический Интернационал» в гараже по Варвик-стрит.

Шофер сэра Роберта Барлетта Джон Фильбанк возился около автомобиля. Несколько задорное приветливое лицо, какое бывает у боксера, давшего решительный удар противнику, — такое было у Джона Фильбанка. Между зубов торчала коротенькая трубка. Прибавить к этому сильный торс, мускулистые руки и крепкие ноги, привыкшие к футболу — вот и весь портрет Джона Фильбанка. Все движения его были энергичны и быстры. Бросив возиться у автомобиля, Джон Фильбанк засвистал, потянулся, искоса взглянув на другого шофера, который лениво сосал трубку, наблюдая за ним.

— Дай почитать журнал, только хороший, — сказал шофер.

Джон быстро подбежал к окну гаража, где стопкой лежали книги и журналы, выдернул оттуда один журнал, ткнул его скучающему шоферу.

— Читай, хороший журнал. Я его достал у русского рабочего.

Шофер перелистнул журнал и остановился на портрете Ленина. Джон, бросив взгляд, хлопнул по плечу шофера.

— Вот это вождь, не нашим чета, — сказал Джон.

Шофер с усилием оторвал голову от статьи.

— Здорово пишут. И все это правда?

— Да, правда. Ты читай, а я поеду к хозяину.

Джон Фильбанк мчался по длинным неприветливым улицам города. Длинные ленты автомобилей, экипажей мчались друг за другом. Под улицей гудел метрополитен и тысячная толпа улицы впитывала в себя из каждого дома, из каждой улицы новую струю людей. Чтобы не ехать в хвосте за авто, Джон свернул в переулок. Там было меньше движения.

Вечерний лондонский туман окутывал улицы.

Туман пронизывал холодом люмпен-пролетариат Лондона, проникая сквозь заплаты их бедного костюма. Это были безработные. Они стучали ногами от холода, прятали руки в карманы, втягивали шею в плечи, закутывая ее в грязные изорванные шарфы.

Стоя на бочке, капитан армии спасения, худощавый, с острым носом, свисавшим на острый, выдающийся подбородок, выкатывая мутные безжизненные глаза, потрясая руками в воздухе, призывал граждан уплатить 15 центов за кровать ночлежки для одного из безработных. Сидевший у ног капитана секретарь его деловито писал квитанции, передавая их жертвователям.

— Только 15 центов, леди и джентльмены. Удобный случай приблизиться к царствию небесному. За 15 центов койка в ночлежном доме.

В то время, когда Джон, медленно лавируя по улице между экипажами и людьми, проезжал мимо, он видел, как один из буржуа, прижимая левой рукой к себе раскрашенную кокетку, вынул бумажник и старательно искал среди крупных купюр маленькую монету, чтобы приблизиться к царствию небесному.

Сердце Джона сжалось при виде бедности и унижения тех, кого нужда заставляла пользоваться милостынями своих врагов.. Взгляд его, скользя по группе сытых, зажегся ненавистью. Он судорожно нажал сирену и направил свой автомобиль прямо на эту группу, которая толкалась даже на мостовой...

Всю дорогу до дома Барлетта Джон думал только об одном: о большевиках и рабочей революции. И в его мозгу никак не укладывались сведения о России в английских газетах и статьи в «Коммунистическом Интернационале».

«Проклятые. Они скрывают правду... Вся наша пресса куплена... Ничего... Здоровое сердце и сильные руки... Организуемся, а тогда...» — авто Джона подкатило плавно к парадному входу дома мистера Барлетта.

Глава VIII.

Азиат.

Великолепный паркет кабинета отражал размеренный шаг пожилого представительного мистера Барлетта. Он сел и стал разбирать почту, разрезывая ножом конверты и просматривая письма. Одно письмо обратило его особенное внимание. Он сразу оживился. Зажав нож в правой руке, мистер Барлетт, постукивая им по столу, углубился еще раз в чтение письма.

«Великобританский Главный
Генеральный Штаб 1919 г.
г. Лондон

Предъявитель сего, Роберт Барлетт — полковник армии Его Величества в отставке, назначается в ставку Верховного Главнокомандующего добровольческой армии представителем интересов Великобританской Империи и инспектором всех союзных войск.

Начальник Штаба
Дежурный генерал».

Барлетт закурил сигару и не успел целиком отдаться мысли о назначении, как в комнату влетел бомбой Дройд.

— Виллиам Дройд.

— Мистер Барлетт.

Крепкое пожатие рук и невозмутимый дым трубки. Барлетт не выказал никакого радостного волнения.

Паркет с удивлением отражал несколько неровную походку Дройда.

Усевшись в большое кожаное кресло у камина и смотря на огонь, Дройд закурил трубку с настоящим кепстеном.

Его тело отдыхало от ласки кожи, и дым кепстена неохотно выдыхался Дройдом.

Клубы дыма.

Молчание...

Нервный залп дыма и Дройд прервал молчание.

— Я приехал вчера вечером, и первый мой визит после редакции к вам, мистер Барлетт.

— Good... — кивок головы... дым... спокойствие и созерцание Дройда, нервного журналиста. А мистер Барлетт привык быть невозмутимым.

Дройд, увлекшись, пояснял рассказ жестами, вскочил и, нервно ходя по комнате, бросал отрывистые фразы.

— Улетели... Да... Улетели... к дьяволу. Если бы вы видели, что делается на Украине... Там все кипит, бурлит, перемешалось. Никто ничего у них не поймет. Кровь, кровь и кровь.

Барлетт, вынув трубку изо рта, презрительно усмехнувшись, процедил:

— У к р а з и я...

— Да... Да... Укразия... Я счастлив, что это все в прошлом... в прошлом, и я могу наконец зажечь культурной жизнью. Мистер Барлетт, вы мне не одолжите на сегодня ваш «бенц»? Я хотел бы прокатиться, насытиться впечатлениями культурного центра мира, Лондоном...

— Охотно.

Барлетт подошел к письменному столу и позвонил.

Бесшумный лакей остановился в дверях.

— Узнайте, автомобиль подан?

— Слушаюсь, сэр, — поклонился лакей.

Барлетт задумчиво стукнул несколько раз концами пальцев по своему мандату, повернулся к Дройду.

— Постойте, Дройд... А вы не хотели бы поехать со мной еще раз в эту У к р а з и ю?

Дройд засмеялся.

— Я предпочитаю быть повешенным, но добровольно никогда в этот ад не вернусь, мистер Барлетт.

— Вот как! — улынулся Барлетт.

— Да, и вам я не рекомендую ехать в эту страну разбоя.

Бесшумный лакей почтительно поклонился сэру Барлетту.

— Автомобиль подан, сэр.

— All right!..

Дройд простился и пошел к выходу. Барлетт проводил взглядом Дройда, улыбнулся своим мыслям. О, он знает, что есть такие убедительные аргументы, против которых не может устоять ни один человек.

Барлетт сел в кресло, снова задымил, и в его мечтах представилась карта Российской империи, разделенная на ряд колоний.

«Да, из нее вышла бы прекрасная колония» — и, взяв «Таймс», погрузился в чтение.

Дройд вышел. Швейцар с чувством достоинства подал Дройду пальто и трость. Дройду все импонировало: и подъезд, и лестница, и лакеи, бесшумно скользящие по лестнице, устланной коврами, и великолепный швейцар. Дройд положительно упивался комфортом и порядком.

— Все, как по нитке, — вслух подумал Дройд.

Швейцар не понял, но из вежливости утвердительно кивнул головой, распахнув настежь двери. Автомобиль Джона беззвучно подкатил к подъезду. Дройд с удовольствием откинулся на мягкие кожаные подушки.

— Прямо в Пикадилли-стрит.

Автомобиль мчался по улицам, опьяняя Дройда культурой европейской жизни. Мимо мелькали магазины, великолепно убранные витрины, красивые дома, ряды сэндвичей с громадными афишами.

«La folie des femmes».

«Das Indische grabmal».

«Die bettlerin Stambul».

Мимо мелькали экипажи, автомобили. Один из прохожих, увидев Дройда, удивленно раскланялся.

— Откуда? Каким образом?

— Оттуда... бежал...

— Ну, и как?

— Ужас... Сейчас я счастлив.... После тех ужасов, что я пережил, я счастлив, что еду сейчас в этом прекрасном авто

по улицам, где ходят живые, культурные люди... Ты только представь себе...

И Дройд, забыв обо всем, с увлечением рассказывает приятелю:

— Темно... Идет проливной дождь, и я, денди, кумир дамского общества, блестящий фельетонист, иду по улицам, полным грязи и выбоин после обстрела. Всюду разрушенные дома. По улицам тянутся телеги, запряженные худыми, хромыми клячами. Эти рысистые кони чуть меня не задавили, но зато здорово обдали грязью, и я, спасаясь, попал в выбоину, наполненную водой, сплюнул в сторону, наткнулся на обломок и упал прямо в грязь... Но это... пустяки. Там все живут в грязи, и мой вид мокрого оборванного денди не обратил на себя ничего внимания.

— Какой ужас... — удивляется собеседник.

— Все это в прошлом уже и, к счастью, никогда не повторится больше.

И Дройд покатил дальше. Джон сумрачно слушал рассказ Дройда, и в его уме рождалась мысль, что этот изящный журналист просмотрел красоту и величие революции. Для него революция только грязь и голод.

При повороте на Strand Дройд издали увидел прекрасную леди Гартнер. О, сколько приятных вечеров было проведено вместе... Дройд остановил авто и ринулся к ней.

— Миледи, какая встреча... Как рад!

Леди Гартнер удивленно посмотрела, ахнула, мило улыбнулась и протянула руку. Дройд нежно подносит ее руку к своим губам. Леди Гартнер обрадована, она сразу заболтала о разных новостях, о том, кто вышел замуж, кто женился. Стоя на фоне витрины большого дамского конфексионна, леди казалась одной из моделей, сошедшей на улицу для демонстрирования туалета. Дройд не успевает отвечать... Наконец передышка... и вопрос:

— А вы откуда?

Неопределенный жест в пространство — из России.

— Да, сейчас только.

— Счастливей... Вы видели собственными глазами все эти ужасы, которые делаются в этой бедной, несчастной быв-

шей России... А гророс, великий князь Георгий Михайлович служит приказчиком в конфекционе... Такой милый... Там отбою нет...

— Да, милая леди, там интересно. О, какая жизнь. Голод, холод... Вот, например, вы представьте, на улице стоит оборванная худая женщина, на руках ребенок, плачущий от голода. Вот такой маленький, грудной. Она только безмолвно протягивает руку... А мимо нее идут прохожие с пайками.

— Что такое паек?

— Это... это четверть фунта хлеба в день на человека. И больше хлеба негде достать. Ведь подумайте, нет продажи...

— Это ужасно, ничего нельзя купить...

— Так вот, мимо проходят эти чиновники-совслужащие, как-то боком, мимо, чтобы даже не посмотреть на нее, чтобы не дать хлеба. А я стою и наблюдаю. Ведь это жизнь, миледи, и мне здесь за мои заметки дадут много фунтов...

— Это интересно. А сколько фунтов получите?

— За строчку шиллинг... Стою и наблюдаю. Мимо проходит рабочий, грязный, закопченный, в фартуке, в руках небольшой кусок хлеба, ну, фунта в два... Увидел, остановился, отломил кусок и отдал женщине.

— Ну, а дальше...

— Это все... Вся сценка. Не правда ли, колоритно?

— Это неинтересно. Скажите, Дройд, а какая там мода? Что носят дамы общества?

— Мода...

Дройда этот вопрос неприятно поражает, по его губам скользит усмешка. О, он уже видит, что его любовь чрезвычайно ограничена, и невольно удивляется, как он этого раньше не замечал.

— Ну скажите, Дройд, что носят дамы общества?

— Носят... Ах, да... Носят на Сухаревку свои старые платья и *objets des luxe* продавать.

— Вы смеетесь, Дройд.

Дройд не успел ответить, так как их диалог прервала старуха нищая, протягивая руку за подаванием.

Леди Гартнер брезгливо сторонится, но Дройд, вынув из кармана несколько пенсов, дает старухе.

Старуха не верит своим глазам и бросается к Дройду с намерением поцеловать его руку.

— Не надо... Это что такое... — запротестовал Дройд.

— Ну, вот... — пожимает руку старухи.

— Вы очень опростились, Вилли, — сказала леди Гартнер, брезгливо морщась.

— Почему? Она просто хотела поблагодарить.

— Но это зараза... До свиданья, Дройд... Нет, нет, я вам руки не подам, я боюсь заразы, а у меня двое детей... Вы обязательно продезинфицируйте руки. Я боюсь передать заразу... В Англии не подают рук... нищим... Если вы хотите проститься, то...

Леди Гартнер протянула свою руку к губам Дройда для поцелуя, мило засмеявшись...

Рука леди Гартнер осталась висеть в воздухе.

Дройд сухо приподнял на голове шляпу, холодно поклонился.

— В России не целуют... — и, повернувшись, отошел к автомобилю и сел.

Джон, наблюдая всю эту сцену, искренно улыбается, он доволен, что Дройд так отделал аристократическую даму.

— На Флит-стрит № 75.

Автомобиль медленно покатил.

Леди Гартнер, презрительно улыбнувшись, бросила вслед:

— Азиат... — и, передернув плечами, пошла по тротуару.

Глава IX.

Подписной лист.

Огромный металлургический завод. Громадный зал, переполненный машинами с топками, трансмиссиями, поглощал совершенно группы рабочих, дававших жизнь всей этой

машине. Биение пульса и вздохи машин заставляли сотрясаться громадное здание.

От группы к группе проходил:

«Подписной лист
товарищам революционной России
от английских товарищей рабочих».

А под этим заголовком шел ряд четких, сильных подписей и против каждой фамилии стояло от шиллинга до трех.

Взяв лист, рабочий приложил его к машине, и его рука, выхваченная из полумрака красным светом, написала:

«Ред Айрой — три шиллинга».

А за ним снова потянулись новые десятки рук, и скоро весь лист был усеян подписями.

Автомобиль. Улица. Окраина.

И Джон Фильбанк на другом заводе собирал подписи.

Тысячи рук потянулись к подписному листу и покрывали его своими подписями.

Семья Джона, живущая в подвале одного из небоскребов, поджидала его к ужину.

Отец Джона, старый моряк, в матросской рубашке, весь покрытый татуировкой, курил громадную трубку, подслеповато щурясь то на жену, сидевшую в кресле на колесах (ногу она потеряла на одной из текстильных фабрик мистера Пинча-старшего), то на младшего сына, работающего в слесарной мастерской и вытачивающего какую-то ось по чертежу в книге, в которую он то и дело заглядывал. Дочь вертелась около матери, передвигая ее по комнате. Отец пускал дым, ворчал на мать, на сына, на дочь.

В комнату влетел Джон. Неистово поздоровавшись со всеми, он закричал:

— Завтра еду в Россию... Забежал проститься... Там я узнаю правду о революции.

Брат Джона пришел в восторг, бросил станок и, вытирая руки фартуком, бросился к Джону. Сестра захлопала в ладоши, и отец одобрительно выпустил такой столб дыма, что даже Джон отшатнулся и бросился к заплакавшей матери

и, обняв ее, стал шептать ей слова о том, что борьба на Востоке также и их борьба, и от победы революции в России зависит и их жизнь и их будущее. И постепенно глаза матери прояснились, и она, улыбаясь, с грустью обняла своего Джона.

Глава X.

Клуб «голубых фраков».

Около двери в клуб два лакея неодобрительно косятся на свои розетки, прикрепленные к левому лацкану фрака. Розетки изображают в миниатюре шелковые, маленькие модные дамские панталоны.

— Что это значит? — спросил один.

— Верх цивилизации! — засмеялся другой.

Но сейчас же их лица приняли суровое выражение, и они, согнувшись, распахнули двери перед членами клуба, на черных смокингах которых сидели элегантные розетки клуба.

В кабинете клуба уже собралась компания скупающих английских аристократов.

Гладкие, идеально ровные приборы, черные смокинги, с розеткой клуба в петлице, стояли, сидели, группируясь то у буфета, то около столиков.

Ряды чинных бутылок виски, сифоны с сельтерской, фужеры, фрукты в высоких вазах на тонких ножках, всюду цветы и на всех лампах красные абажуры, спускающиеся кружевной пеной, как сборки дамских панталон. Мягкие диваны, кресла, уютный камин с красным светом внутри, создававшим иллюзию горящего камина.

Выпито уже было много, когда в клуб вошли Дройд и сэра Барлетт.

Клубмены пришли в движение, и скоро центром всего клуба сделался Дройд.

За его появление снова в культурной стране, за его бегство из страны варваров — было выпито много.

— Расскажи о стране этих большевиков, — подошел к нему редактор «Таймса». Острый пронизывающий взгляд нащупал Дройда, желая оценить его стоимость для газеты... и, мысленно прикидывая тираж газеты, редактор мучился мыслью: прибавить ему гонорар или еще воздержаться...

— С удовольствием... — чокнулся с ним Дройд.

Столики устали таким образом, что они образовали полуовал около столика Дройда, редактора и Барлетта. Барлетт заметно отличался своей выдержанностью, он был холоднее всех, тверже всех и, севши в кресло, с удовольствием откинувшись, заложив ногу за ногу, приготовился слушать с совершенно бесстрастным лицом.

— Я, как сейчас, помню все... Летим... ветер, свист в ушах...

И Дройд развертывал перед слушателями увлекательно грандиозную картину гражданской войны. Он яркими красками описывал русских санкюотов, бессознательно рисуя в противовес их героизму подлость и трусость белых.

— Поставили к стенке... А я не привык еще к расстрелам, джентльмены. Удовольствие не из приятных, и, кроме того, без всякого подобия суда.

И слушатели то мчались с Дройдом в автомобиле по шоссе, то мчались с возами свадьбы, то восхищались партизаном Галайдой.

Дройд устал от пережитых им заново приключений. Мистер Барлетт встал, налил два бокала вина и один из них предложил Дройду.

Чокнулись...

Странно-четко в тишине прозвенело стекло.

Джон вздрогнул, опомнился и, стряхнув с себя впечатления рассказа, отошел к двери, вытянулся и стал бесстрастно ждать.

Мистер Барлетт выпил бокал.

— Я повторяю свое предложение... Дройд, вы поедете со мной в эту Укразию. Я получил туда назначение.

И Барлетт протянул Дройду свой мандат.

Заявление Барлетта поразило членов клуба. Дройд не успел ответить, как к нему подбежал редактор «Таймса» с раскрытой чековой книжкой в руках.

— Каждое слово шиллинг... Поезжайте... Даю аванс в размере пяти тысяч фунтов, сейчас же.

— Ваши аргументы очень убедительны, сэръ... — сказал Дройд, принимая чек и выпивая бокал.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
7+2

Глава XI.

Рады стараться.

Красные перестали отступать. Группа войск под командою Якира билась в тылу белых. Шли бои.

Отряд Галайды метался по белому фронту.

Лихие набеги, рубка... Тачанки поспедали всюду, были неуловимыми. Тачанки несли с собой ужас и смерть штабам белых.

В последние дни счастье изменило Галайде, и он сам с партизанами, после сильной схватки, был захвачен в плен. Часть отряда ушла, пробив дорогу.

Пленных партизан, под конвоем волчьей сотни князя Ахвледзиани, отправили в Одессу, где улицы пестрили разодетой элегантной публикой и офицерами.

Мыльный пузырь белых армий был уже прорван, но на углу Дерибасовской и Преображенской, в магазине «Нового Времени» трехцветный шнур продолжал создавать победу добровольческой армии.

Красная армия заняла уже Харьков и продвигалась мощным ударом вперед, тесня сбитого врага к морю.

В штабе генерала Биллинга текла штабная интенсивная жизнь. Офицеры кокетничали с женщинами, брали взятки, крали обмундирование, а сам командующий Новороссийской областью, генерал Биллинг, упивался любовью.

Генералу однако мешали эти беспокойные рабочие: вечно митинги, вечно забастовки, и он дрожал при мысли о неуловимой пятерке ревкома.

Под громадной картой с остановившимся трехцветным шнуром, за громадным письменным столом, генерал Биллинг, морщась, читал сухие отчеты и сводки побед «доброй армии».

Сегодня его все раздражало. Нервно стуча пальцами по столу, Биллинг думал о своих подчиненных, перешедших на сторону красных банд. Он вспоминал Сушкова, комбри-

га 42, генерала с наглым смехом.

— Поймите, генерал, я добровольно вступил в красную армию, а не мобилизован, и я не нуждаюсь в вашем снисхождении.

Генерал хрустнул пальцами.

— Молодец Энгер, он его собственноручно расстрелял. Это — ротмистр с железными нервами и стальной волей.

И, вспомнив о нем, генерал позвонил.

— Передайте это донесение Энгеру, и пусть он самолично разгромит явку этой сволочи.

Адъютант, вылощенный, с пробором до затылка, щелкнул шпорами и схватил почти на лету донесение. Медленно вышел из кабинета.

В коридорах стояли группами офицеры, звучал смех сестер милосердия с георгиевскими ленточками.

Адъютант вошел в кабинет ротмистра Энгера — личного адъютанта и правой руки генерала Биллинга. На адъютанта глянули холодные стальные глаза. Рука, сжатая в кулак, лежащая на плане города, разжалась и взяла донесение из рук адъютанта.

— Его превосходительство приказали вам лично ликвидировать это дело.

— Есть. Что нового?

И Энгер быстро пробежал записку:

«Ваше Превосходительство!

Боясь могущих быть последствий от неразумных выступлений рабочих, слепо идущих за вожаками, я, находясь в их рядах, осмеливаюсь донести Вам о том, что по улице N... сегодня, в 7 час. вечера, состоится заседание Ревкома. Надеюсь, что Вы сумеете меня отблагодарить как следует...

Л».

Ни один мускул не дрогнул в лице Энгера. И, оборотясь, смотря в упор на капитана Иванова, по виду полного неврастеника, бросил:

— В 8 часов вечера, ни минуты ранее, ни минуты позднее, окружить вот этот дом.

В план уперся один палец Энгера.

— И взять всех живьем.

Капитан Иванов немного отшатнулся. Его глаза с любопытством и напряжением впивались в Энгера и мягкая улыбка освещала его лицо.

— Хорошо, Энгер. А не лучше ли этот район занять раньше?

— Чтобы спугнуть? Никогда!

На мгновение лицо Энгера осветилось жуткой улыбкой, и он еще более выпрямился на своем стуле.

А на улицах кипела жизнь. Толпы рабочих выходили с заводов, быстро и молчаливо растекаясь по улицам.

Улица жила своей жизнью. Падавшие от истощения люди в провале стен кричали свое дикое:

— Я хочу хлеба!

Катя и Макаров шли молча, и только иногда их пальцы с хрустом сжимались в кулаки.

— Когда же все это кончится?!

— Чем хуже, тем лучше, — сказал Макаров.

Два пьяных офицера шли так, что Макарову и Кате пришлось, чтобы не столкнуться с ними, прислониться к стене. Отборная ругань элегантно одетого офицера висела в воздухе, ударяясь в стены и исплеванные плиты тротуара.

— Белая сволочь!.. — сквозь зубы процедила Катя.

— Тсс... — сильно сжал ей руку Макаров.

Около них зазвенело разбитое стекло. За окном раздался полузадушенный крик. Макаров и Катя прильнули к окну. Толстый фельдфебель благодушно кушал со своими солдатами, а перед ними на коленях стояла еврейская семья. Фельдфебель милостиво совал для поцелуев свою волосатую, жирную руку и причмокивал, наблюдая, как один из

бравых унтеров, схватив кричавшую девушку, тянул ее от окна к кровати, срывая платье. Она цеплялась за все, она выбивалась из всех сил, но унтеру удалось вывернуть ей руки назад и тем самым лишить ее возможности протеста.

Макаров и Катя, как бы по уговору, встретились взглядами. В их взглядах можно было прочесть все — от ненависти до бессильной ярости. Крепко до боли их руки впились одна в другую.

Девушка вырвалась. С дико раскрытыми глазами, зрачками, залившими весь глаз, метнулась снова к окну, и ее рука снова пробила стекло. Кровь...

Матовая бледность на ее лице, глупо маслянистая улыбка унтера, сильные руки, и девушка снова билась уже на кровати.

— Пооо-могите!

Старики в отчаянии бросились целовать руки фельдфебеля, а он только хохотал, запивая икорку вином.

Два офицера вскочили в дом мимо Макарова и Кати. Фельдфебель и солдаты вытянулись в струнку.

— Отлично, молодцы, — крикнул поручик.

— Рады стараться, ваше благородие!

Макаров и Катя отшатнулись от окна.

— Недолго им куражиться, скоро наши придут.

Улица. Гуляющие, спешащие люди, мчащиеся извозчики, автомобили захватили в свой водоворот Макарова и Катю. Макарову и Кате некогда было дольше наблюдать, они спешили на заседание Ревкома.

Глава XII

Первая записка за подписью «7 + 2».

Через окна явки была видна паперть с толпящимися нищими. Высоко в небо врезался крест, в вечернем небе казавшийся черным. Иногда через окошко врывалось пение,

и тогда досада мелькала в глазах сидящей около стола пятерки.

— Сегодня будет день доклада о проделанной работе.

Председатель Ярославцев, пожилой рабочий, с мягкими волосами, приветливо кивнув головой Кате и Макарову, продолжал:

— Итак, товарищи, на повестке стоит: доклады по работе и текущие дела. Докладывать кратко.

Железнодорожный техник Рубин, немного вспыхнув, коротко сказал:

— Испорчены еще два паровоза.

Председатель сделал отметку.

— Фаддеев.

Сухой, жилистый, со вздувшимися на руках венами, Фаддеев, прищутив глаза, коротко чеканил слова.

— Маневрировал состав. Увидели вагоны с оружием, прицепились, увезли в тупик, осталось только взять оружие.

— Военный организатор.

Подошел Макаров. Весь он сейчас олицетворял собою ловкость, силу и энергию.

— Сформирована десятая дружина.

— Доклад связи.

Катя с места быстро сказала:

— Связалась с новой пятеркой. Славные крепкие ребята.

— Очень хорошо! Работа идет у нас, товарищи, вот только связь с телеграфом нарушена. Убили телеграфиста, когда снимал копию сводки.

В явке стало тихо. И только через форточку доносилось церковное пение. А по всей улице, по углам, стояли они, невидимые никому, не замечаемые никем, глаза явки, ее связь, ее часовые.

Под их охраной можно было всегда довести собрание до конца.

В комнату прихрамывая вкатилась хозяйка. Толстая, подслеповатая, она бросилась к своему жильцу Фаддееву.

— Ах я, глупая, совсем запамятовала, письмецо вам давече принесли, сказывали: от родителей.

Фаддеев развернул письмо и замер.

«Сегодня, в 8 часов вечера, явка будет разгромлена
контрразведкой.

7+2».

— Тебе поклон, — косясь на любопытную хозяйку, сказал Фаддеев, передавая записку Ярославцеву. Взглянув в записку, Ярославцев замер, а рука судорожно сжалась в кулак.

— Когда им будешь писать, передай ответ от меня.

— А я думала еще давече передать, да заспалась как-то, — оправдывалась хозяйка.

— Ничего, ничего, дело не к спеху.

Квартирная хозяйка, переваливаясь с ноги на ногу и бормоча под нос, вышла из комнаты.

Сразу лихорадочное оживление.

— Что?

— Записка.

И все головы, все взгляды в записку...

— Через 5 минут восемь часов, — сказал Макаров.

Ярославцев долго смотрел в записку, думал: провокация или нет? И в первый раз за все время в голове появилась мысль о провокаторе. Тряхнул головой и сказал:

— Расходитесь по два, без шума.

Часть вышла в двери, часть, отодвинув шкаф, вошла в провал стены, часть бросилась к окнам, готова револьверы.

Глава XIII.

Белые платки.

Церковная служба близилась к концу. Истоиво и набожно крестился староста после каждой проданной свечки, покупаемой то богомольной старушкой, съедающей заживо свою бессловесную прислугу, то положительным, с осанистой бо-

родкой купчиком, членом союза истинно русских людей, то чиновником с Владимиром в петличке, с плешивой головой, то коллежским регистратором, желающим выслужиться перед начальством. Дьякон махал кадилом и иногда, воздев руку с орарем, в промежутках ронял свое отрывистое:

— Господу помолимся!

Здесь, в затхлых стенах, проеденных ржавчиной и сыростью, отживал свои последние дня старый мир, а на улице, в крови, в нетерпении, захлебываясь темпом жизни, бился мир новый.

Громадный дом всеми своими восьмьюдесятью четырьмя глазами уперся, тяжело вздыхая, в заложившего руки в карманы молодца с распахнутым воротом, в сбитой набекрень шапке, читавшего внимательно афишу.

Автомобиль, пыхтя, мчался, отравляя скверным бензином улицу.

Человек, читавший афишу, вынул платок, быстро отер лицо; платок мелькнул в воздухе белой птицей и исчез в кармане.

Не расторговавший товар бубличник, стоявший на другом углу, нервно рванул платок из кармана, нервно вытер лицо, не обращая внимания на покотившиеся по земле бублики.

И платок, мелькнув на мгновение в воздухе, исчез в кармане.

Автомобиль мчался, раскачиваясь и дрожа, везя с собою смерть нескольким революционерам, так называемым «внутренним врагам».

Фельдфебель Руденко, после блестяще проведенного в погроме еврейской семьи дня, заплывшими глазками услужливо наблюдал за «их благородиями», готовый каждую минуту вытянуться и замереть, в одном беспросветном чувстве преданности царю и отечеству.

Газетчик даже выронил газеты, но зато платок взвился вверх, на мгновение мелькнув ярким бликом в вечернем сумраке. Это был угол третьего квартала.

А на четвертом — четвертый, отирая пот белым платком, бросился бежать по улице к дому с табличкой «Новосельская, 101».

В воротах столкнулся с уходящими Катей и Макаровым.

Обрывки фраз, глаза.

— Спасайтесь, едут!

— Знаем. Беги сам.

Прощание глазами, и разошлись в разные стороны.

Автомобиль примчался и остановился, дрожа от бешенства.

Разгром явки не был долгим. Поломали мебель, побили стекла, выбросили мебель в окно и во время перестрелки успели все-таки убить двух коммунистов и двух извлечь из подвала.

Привели.

В утрюмые глаза рабочих уставились холодные стальные глаза Энгера и улыбающиеся с искрой мягкости Иванова.

— Прикажете расстрелять?

— Повесить, — бросил Энгер.

— Не надо вешать, сначала допросить, а повесить всегда успеем, — сказал, мягко улыбаясь, Иванов.

Ротмистр Энгер вскинул глаза, глянул, и два холодных его глаза утонули в ответных глазах Иванова.

— Хорошо. Повесить убитых для примера.

Фельдфебель засуетился.

— На фонаре, — бросил Энгер, — а этих в гостиницу.

Глава XIV.

Ожерелье белых.

Вечер...

В центре уже зажглось электричество и кипела полным темпом жизнь. Сверкали валюта, бриллианты, текло золото и лилось вино.

Там, в кафе, ресторанах, подвалах решалась жизнь десятков тысяч людей, там запродавались в рабство иностранному капиталу сотни тысяч людей.

А около фонарного столба, против Новосельской, 101, стояли четкие фигуры двух офицеров. Фельдфебель суетился, махал веревкой, выбирая поудобнее фонарь...

Нашел...

Под фонарь притащили трупы Фаддеева и Колосова. Фельдфебель любовно опустил около трупов и, с удовольствием жмурясь, накинул петли на шею.

— Он похож на Биллинга. Не правда ли? — спросил Иванов.

— Нет. Обман зрения.

И им представился Биллинг, с пьяной улыбкой, любовно застегивающий ожерелье на шею своей любовницы.

И снова скрестились взгляды обоих офицеров и снова ничего не прочли. Ничего...

Четким шагом прошли к автомобилю, сели.

Из раскрытых дверей церкви, в тот момент, когда в воздухе, раскачиваясь, поднимались трупы коммунистов, отчетливо донеслось «Христолюбивому воинству многая лета... Мнооогая лееааа».

Трупы повесили.

Живых повели под усиленным конвоем.

Автомобиль уехал, солдаты ушли, а из церкви на паперть вышли молящиеся.

Толпа охнула, закрестилась, но не без любопытства рассматривала качающиеся трупы.

Что безразличной толпе до убитых коммунистов?

И только редко кто за чашкой чая в домашнем уюте вспомнит о посиневших трупах и, перекрестясь, прошепчет: «Спаси, господи, от наваждения».

По Пушкинской улице спешили Катя и Макаров. Шли, почти не разговаривая, и только шум отдаленного автомобиля заставил их ускорить шаги.

Быстро вошли в типографию.

Машины ровно, однообразно шуршали бумагой, ворочая барабанами на краску.

Разговор... Быстрый, неуловимый, тот разговор, когда слова угадываются по движению губ.

— Разгромили.

— Жертвы есть?

— Наверное.

Так разговаривать умеют люди, находящиеся в постоянном напряжении, люди, всю жизнь находящиеся начеку.

Автомобиль остановился у типографии.

В дверях остановился Энгер.

— Приказ готов?

— Печатается.

И, когда ротмистр Энгер подошел к машине, в дверях появился Иванов.

Лица, полувываченные из тьмы, замерли в одном движении, в одной мысли.

Ротмистр Энгер четко сфотографировал взглядом рабочего, скользнул по Макарову и, наклонившись, взял с машины листок.

«ПРИКАЗ

Войскам Новороссийской Области
27 сентября 1919 г.

№ 33

г. Одесса».

Прочел. Потрепал Макарова по плечу...

— Молодец. Старайся!

«Постараюсь. Как же, всюю», — думал Макаров, накладывая лист за листом.

Энгер, сделав распоряжение, быстро окинул взглядом типографию и, повернувшись, вышел. Иванов, мягко улыбаясь, пошел за ним.

— Софиевская, 19, — сказал Энгер, садясь с Ивановым в автомобиль.

Иванов внимательно рассматривал небо, молчал...

Макаров свободно вздохнул и, схватив пачку отпечатанных приказов, подошел к Кате.

— Ну, идем. Теперь у нас есть пропуск.

— Откуда узнал?

— Да вот, — Макаров похлопал по пачке приказов. Мы несем приказ о мобилизации для распространения его на заводах.

— Ты, наверное, умеешь работать и во сне?

— Конечно, — улыбнулся Макаров.

Глава XV.

Случайности, которые могут быть при бегстве коммунистов.

Здание знаменитой контр-разведки было раньше обыкновенной гостиницей. Теперь здесь была контр-разведка.

Часовой маячил у ворот и думал горькую думу о проданной чести.

Всею душой ненавидел каждого офицера, входившего во двор, а еще более ненавидел ротмистра Энгера и капитана Иванова. Ненавидел той жуткой ненавистью, которая всегда вызывает мысль о расплате.

И, когда в ворота белые вводили новые жертвы, в его глазах вспыхивало неутолимое желание садануть штыком ротмистра или прикладом обрушиться на голову вечно улыбающегося мягкого капитана.

Так хотелось бы крикнуть:

— Беги!

Но часовые молчали.

Мимо них проходили десятки пленных рабочих, красноармейцев, но часовые молчали, сознавая свое бессилие. Но все-таки ввели в обычай ворота контр-разведки не запира-
ть.

Автомобиль Энгера и Иванова опередил арестованных коммунистов на пять минут.

Шаги двух офицеров заставили вытянуться в струнку часового.

Прошли. Вошли в один из свободных номеров. Грязь. Никакой мебели. Окна с выбитыми стеклами. Исцарапанные гвоздями и карандашами стены.

Ротмистр Энгер подошел к окну и задумчиво, озабоченно глянул вниз.

— Убежать отсюда невозможно, — сказал Иванов.

— Я думаю иначе, — немного холодно прозвучал ответ.

Ввели арестованных.

Весь красный от желания выслужиться, фельдфебель Руденко, захвативший с собой остаток веревок от повешенных, отрапортовал.

Ротмистр Энгер озабоченно скользнул взглядом по арестованным, по фельдфебелю, на мгновение задержался на капитане Иванове. Их глаза встретились настороженно, чутко и спокойно.

— Связать покрепче, — сказал Энгер.

На коммунистов, смотрящих с ненавистью, набросились, свалили и с радостью стали обкручивать их веревками. Веревки не пожалели. Скрутили сильно, связали руки за спину.

Как бы по уговору, одновременно Энгер и Иванов наклонились над связанными, и их пальцы впивались в веревку, проверяя крепость узлов, одновременно у обоих. Потом выпрямились, на мгновение задумались и снова проверили веревки, проверенные уже другими.

Руденко ткнул ногой ближе лежащего коммуниста и вывел свой наряд из комнаты.

Еще раз окинув взглядом помещение, Энгер и Иванов вышли.

Часовой снова замер при виде офицеров, а фельдфебель старательно запер дверь и, отдуваясь, пошел по коридору, вытирая клетчатый платком пот.

Тихо...

Коммунисты подкатились друг к другу. Глаза в глаза, а потом спина к спине, и их пальцы живо растянули узлы веревок.

Вскочили. Рубин, схватив веревку, прикрепил ее к подоконнику. Александров, посмотрев на свой рукав, из которого торчал клочок бумаги, вдруг побледнел.

Рубин выхватил бумагу.

Жадные глаза двух — в записку.

«Установите со мной связь в курильне Ван Рооза.

7 + 2».

Подняли глаза, уставились в упор, — мелькнула одна и та же мысль, одна и та же фраза застряла в горле.

— Кто же из них?

Но думать и говорить было некогда.

Через окно, по веревке, вниз, во двор, к свободе или, может быть, к смерти.

Но и смерть приятнее, в тысячу раз приятнее в борьбе.

По коридору шел часовой, заглядывая в глазки камер.

Взглянул, ахнул, увидя силуэт Рубина, скрывающийся в окне. Растерялся, рванул дверь, но, вспомнив о свистке, зашвырнул.

Прибежали, задыхаясь, фельдфебель с разводящим.

Открыли дверь. Захлопали выстрелы в окно.

Но Рубин и Александров, достигнув второго этажа, вскочили в раскрытое окно.

Выстрелы вернули во двор садившихся в автомобиль ротмистра Энгера и Иванова.

Ротмистр Энгер, вбегая, выхватил у часового винтовку.

По веревке из окна третьего этажа спускался человек.

Не колеблясь, ротмистр Энгер навскидку, почти не целясь, выстрелил.

К его ногам, на мостовую, упал фельдфебель Руденко с простреленной головой.

Энгер и Иванов наклонились к трупу. За их спинами, из двери черного хода, вышли Рубин и Александров. На мгно-

вение остановились, а потом тихо, не спеша, прошли до ворот контрразведки. Вышли из ворот, задерживая дыхание, силой воли заставляя себя идти, а не бежать.

Переулок. Через забор.

Спасены. И бегство... Безумный бег гнал их через огороды, через заборы, дворы к пустынным улицам.

Глава XVI.

Приказы для нужд революции.

Наступила ночь. Улицы города захлестывала жажда жизни и наслаждения. К ресторанам мчались экипажи, автомобили, из которых выходили полураздетые женщины в сопровождении чопорных сюртуков или блестящих френчей.

В «Золотой рыбке» или в «Максиме» иногда целую ночь, не смолкая, гудело «боже, царя храни» и «Сильва, ты меня...» В этих ресторанах за ужины платились целые состояния. Клубы, открытые на каждом углу, звали, уговаривали зайти в открытую дверь, поставить на зеленое поле пару тысяч.

Самая сильная игра шла в «Литературке» и «Жокей-клубе».

Предприимчивые офицеры, не вступившие в добрармию, устроились в клубах на должностях крупье, кассира и просто дежурных, получавших за представительство ужин.

Торг телом, мундиром шел вовсю.

Вино лилось через край, и отовсюду оркестры гремели гимн этой эпохи, гимн развала, гимн предвестника эвакуации: «Сильва, ты меня не любишь».

Люди упивались расслабленной декламацией Вертинского и парфюмерией Северянина. Разложение, гниль давали себя чувствовать. Офицерство дезертировало не только с фронта, дезертировало в тылу, не желая считаться ни с чем,

ни с кем. Штабы полков, находящиеся в Одессе, не знали, где их части.

Бестолковщина.

Хаос.

Напрасно друг за другом назначались коменданты города.

Развал отравлял все, и офицерство пропивало свои мучительные сны о возмездии в бессонных ночах, в эротических кутежах, набивая носы белым порошком.

Кокаином торговал весь город.

На улицах гниль развала, а в глубине подвалов, при свете шестнадцати-свечевой лампочки, шла упорная работа организаций.

Из явки в явку металась Катя, разнося инструкции Ревкома. Пятерки делили город на районы. Рабочие вооружались и, скрипя зубами, ждали сигнала.

Катя и Макаров, сжимая пачки приказов в руке, спешили в железнодорожное депо.

Патруль, неожиданно вынырнувший из тьмы, остановил их.

— Кто идет? Обыскать.

— Мы несем приказ о мобилизации.

Офицер нервно выдернул лист приказа. Фонарь на мгновение осветил

«ПРИКАЗ Войскам Новороссийской Области».

— Ступайте.

И отряд расплавился в улице.

Катя и Макаров благополучно дошли до железнодорожного депо. С облегчением, с радостью открыли дверь в милую, простую комнату, где сидело уже человек шесть железнодорожников. В углу на гектографе быстро печатал прокламации рабочий. Товарищ Савелий давал инструкцию двум рабочим.

— Нужно, товарищи, отвезти пакет к бронепоезду, да обратно в два счета.

Макаров подошел и, отведя Савелия в сторону, тихо сказал:

— Явка разгромлена.

Как ни тихо он сказал, но его слова услышали все. Крепко сжались кулаки, а из глаз столько ненависти, столько желания скорей выступить, отомстить, ненависти, которую нельзя выразить словами.

Катя оторвалась от работы, подошла к Савелию, спросила:

— Я иду в губком. Что у вас слышно?

— Мы организованы. Ждем сигнала.

Катю проглотила дверь.

Рабочие обступили Макарова.

— Ну, рассказывай.

— Не томи.

Рассказ Макарова длился недолго. Записка «7 + 2» произвела ошеломляющее впечатление.

— Бумаги нет, — сказал гектографшик.

Савелий, скользнув взглядом по приказам Биллинга, взял один, перевернул и, увидав чистую сторону, улыбнулся.

— Валяй на обороте.

В комнату ворвались Рубин и Александров.

— Вырвались, ребята?

— Ну, и жарко было.

— На, Макаров, прочти и присоедини.

И Рубин всунул Макарову вторую записку.

Глаза всех рабочих в один фокус — на черные буквы по белой бумаге:

«Установите со мной связь в курильне Ван-Рооза.

7 + 2».

Молчание. Только шелестели приказы, получая на обороте:

«К товарищам рабочим!»

— Значит, среди белых есть наш, — сказал Савелий.

— А также среди нас, значит, есть провокатор, — ответил Макаров.

Жуткое слово, огненно-липкое, обожгло всех, и глаза всех устремились, не мигая, друг на друга, желая прочесть, узнать, кто же он.

Где он?

В каком друге, в каком товарище ждате врага, ждате измену?

Глава XVII

Записка генерала Биллинга.

Во двор штаба ввели пленных партизан. На лошадях гордо гарцевали шкуровцы, и особенно играл конь под командиром, князем Ахвледзиани. Князь, жаркий брюнет, переживал острую радость при воспоминаниях о милых шалостях шкуровцев. И сейчас, сосредоточенно попыхивая папиросой, старался выдумать игру с пленными.

— Мудыт-хан, осады!

Замахнулся плетью князь на гордую голову партизана Галайды. Галайда с презрением посмотрел на князя так, что тот побагровел. Хлестнув плеткой коня и перегнувшись с седла, князь только и мог выпалить в лицо:

— Сволыч, я тэбэ сам сэшь шкур спущу.

На крыльцо вышел генерал Биллинг, за ним, суетясь и немного размахивая руками, начальник контр-разведки Каменщиков, а следом, как всегда, вышли четкие, вечно насто-роже, ротмистр Энгер и капитан Иванов.

Отстранив рукой доклад князя, генерал прямо уперся глазами в пленных.

— Кто такие?

— Молчи, ребята, — крикнул Галайда.

Князь налетел, выхватив шашку, но генерал остановил его, и тот, захлебываясь от ярости, на мгновение не мог сказать ни одного слова.

— Всех вывести в расход, всех, кроме вот этого. А этого допросить, чтобы вот именно он и сказал, кто они такие.

Князь, соскочив с седла, вцепился руками в горло Галайды. Свистнула плеть, рассекая воздух и тело. Вздрыгнул Галайда, отряхнулся, но насмешливых умных глаз не оторвал от генерала.

— Вашә прэвосходитэ́льство, разрэши мнэ... Я эго сам израсходую, — делал честь Ахвледиани.

Генерал, загипнотизированный взглядом Галайды, опомнился. Засунув руки в карман, в ярости пробежал несколько раз мимо пленных и, иногда останавливаясь, срываясь на фальцет, кричал:

— Негодяй!

— Мерзавец!

Офицеры застыли. Ротмистр Энгер чуть презрительно косился на генерала, но зато весь делался камнем, когда его взгляд останавливался на Галайде. Капитан Иванов, напротив, скользил мягким взглядом по пленным и, поглядывая на ротмистра, улыбался странной улыбкой.

— Горяч этот князь.

— Я бы на его месте не приводил эту сволочь.

— Но надо же их допросить.

— Глупость, лишняя трата времени.

Генерал остановился от своего бега, и снова князь, вытянувшись в струнку, чеканил:

— Разрэши, ваше прэвосходитэ́льство, разрэши.

— Хорошо, очень хорошо, князь, но только после допроса.

И вынув блокнот, генерал быстро черкнул:

«Пленного, числившегося за князем Ахвледиани, выдать по первому его требованию.

Г.-л. Биллинг».

Генерал успокоился, он сделал свое дело. Зачем волноваться, что какой-то мерзавец партизан осмелился встать

против? Неприятно для самолюбия и только. Через две минуты их не будет.

Оскорбление будет омыто кровью. Дал записку князю.

— Этого в тюрьму, а остальных в расход.

И, махнув рукой, генерал почти весело взбежал на крыльцо.

Два казака сразу схватили Галайду. Их сильные руки с удовольствием впились в сильную шею, так что из-под ногтей показалась кровь.

Князь Ахвледiani, сатанея от каждого удара, бил Галайду плетью.

— Я тэбэ покажу, покажу!

Остальных пленных казаки, окружив кольцом, повели вглубь двора штаба, к гаражу. По дороге казаки делили одежду, и иногда вспыхивал острый спор из-за сапог пленного.

— Рожа кривая, мои сапоги с этого.

— Твои, а я во что переобуюсь!

Пленных раздели и поставили к стенке.

Подошел князь, хлопая плетью по сапогу.

— Стул! Сволочи, забыли?

Через пару минут на стул, вытащенный из гаража, уселся князь и, усмехаясь, поглядывал на пленных, медленно раскуривая папироску.

Неудовольствие мелькнуло в лице князя. Он видел, он чувствовал одно спокойствие, одну волю, опирающиеся на силу, на массу таких же, как и они. Потускнели глаза князя, вспыхнула папироска.

Загудел автомобиль, и этот угол дворика наполнился невыносимым гудением.

Привычные казаки стояли. Их не тяготил этот расстрел, но они не понимали, почему медлит князь, и иногда, скосив глаза на него, искали ответа на этот вопрос.

— Подожди, не стреляй, команда будут.

Усевшись поудобней, князь, попыхивая папироской, еще раз обежал лица пленных, и улыбка засветилась на его лице. Он увидел тоску, тоску, рвущуюся из сердца двух пленных.

Стиснув друг другу руки, они вжались в стенку. Они хотели жить, их манило поле, лес. Тоска о жизни заставляла их скрипеть зубами.

— По мышэням, постоянный.

И остановился князь, с наслаждением затянулся папирской. Автомобиль гудел, гудел, заглушая рев другого автомобиля, мчавшегося по Пироговской, к штабу командующего.

— Пальба шерен-гой!

Звякнули ружья.

— Пли!

Автомобиль перестал гудеть. Казаки приходили в себя. Некоторые невольно потирали лоб.

Князь, довольный, сияя, вскочил со стула, подбежал к бьющемуся на земле пленному и, не торопясь, наклонившись над ним, отстегивал свой стейер.

Его одинокий выстрел был заглушен ревом автомобиля, остановившегося у подъезда штаба.

Это приехал его светлость сэр Барлетт, представитель Англии, вместе со своим секретарем, журналистом Дройдом.

Глава XVIII.

Почтение, почтение и почтение...

Генерал Биллинг с величественным видом слушал доклад дежурного генерала. Он слегка морщил лоб и неотвязно думал о том, почему его Люлю не звонит.

А дежурный генерал бубнил.

— Снаряжения нет. Соответствующие доклады и сметы здесь. Положение очень затруднительно.

Раздетые солдаты мрут от тифа. Сыпняк косит нашу армию. Нужны героические меры.

А генерал Биллинг думал, морща лоб:

«Ах, матушка, где же она провалилась!»

Доклад дежурного генерала тек плавно. Он докладывал так же деловито, как деловито слушал сам командующий.

— А скажите, Николай Иванович, ваша жена вам звонит?

Неожиданный вопрос сразу сбил дежурного генерала. Проглотив последний параграф приказа о мобилизации, дежурный генерал сразу обратился в любящего мужа.

— Ну как же, как же, ваше превосходительство, я думаю.

Четко щелкнув шпорами, в дверях остановился щеголеватый адъютант.

Дежурный генерал растерянно вскочил и, торопясь, начал захихивать в портфель все свои бумаги. Генерал Биллинг подбежал к карте.

— Просите, просите, не заставляйте же их ждать, — а сам принялся переставлять трехцветные флажки побед добровольческой армии на карте.

Дежурный генерал остановился рядом.

— Нет, уж вы, Николай Иванович, как они войдут, ступайте. Субординация прежде всего. И для декорума неплохо.

Вошли сэр Роберт Барлетт и журналист Дройд. Дежурный генерал поклонился и плавно вышел из кабинета, косясь на англичан. Генерал Биллинг с серьезным видом оторвался от карты и радостно поспешил навстречу. Весь обратился в улыбку, генерал потерял свой генеральский вид и, как какой-нибудь прапорщик, поздоровавшись с ними и припрыгивая петушком, семенил позади англичан. Придвинул стулья.

Чопорный сэр Барлетт невозмутимо поглядывал на генерала и Дройда. Сэр Барлетт сел, положив портфель на стол, а цилиндр поставил на левое колено. Дройд, уже успевший сочинить потрясающую корреспонденцию задолго до приезда в Одессу, теперь морщился. Его статья расходилась с действительностью.

— Вот мой мандат, генерал.

— Зачем же? Право, не стоит беспокоиться, — мельком взглянув в мандат и возвращая его, говорил генерал.

— Честь имею представиться, корреспондент газеты «Таймс».

— О, Англия, наша дружественная держава, должна знать о доблести добровольческой армии.

— Надеюсь, генерал, эта поддержка как раз кстати?

Генерал взглянул в портфель, наполненный пачками английских фунтов.

— Прикажете расписочку? Я сейчас.

Поведение генерала страшно поражало Барлетта. Он привык видеть почтенных офицеров своей доброй старой армии, имеющих большой такт и чувство собственного достоинства. Его коробил этот генерал Биллинг.

Встали.

И снова генерал семенил за ними петушком, вприпрыжку, забегая вперед, чтобы открыть дверь

Еще раз поклон.

И за дверью Барлетт сказал Дройду:

— Укр-азия...

Генерал Биллинг, захлопнув за представителями Англии дверь, бросился к столу. Высыпал из портфеля аккуратные пачки денег, стал складывать в ящик стола. На мгновение остановился и, улыбнувшись мысленно своей Люлю, положил две пачки в карман.

— На личные расходы.

Потом не удержался и взял еще.

Весь сияя, и погонями, и лицом, генерал молодецкато позвонил и приказал вошедшему адъютанту:

— Экстренно созвать штаб.

Не только штаб и командующий учли приезд Барлетта. Весть о приезде англичан вызвала в железнодорожных мастерских грандиозный митинг возбужденных рабочих. Говорил, пламенно чеканя слова, четкий энергичный Макаров, организатор повстанческих дружин. Его голос эхом отдавался от железных балок, скользил между машинами, и иногда казалось, что вся мастерская повторяет его слова.

— Товарищи, прибыли представители Англии помогать белым душить рабочий класс. Ждать больше нельзя. Помните наш метод: подготовка, организация и восстание!

Море рук, море волнующихся лиц.

— Восстание!!

По улицам шмыгали офицерские отряды. Мчались в автомобилях генералы с женщинами. На углах маячили вечно что-нибудь читающие шпики или зухтера, высматривающие большевиков.

Иногда в штабе гудел автомобиль и изредка виднелись отряды конвойных, ведущие арестованных.

В автомобиле мчался Джон Фильбанк, увозя Барлетта и Дройда.

Джона Фильбанка мучила одна мысль: как связаться с подпольной организацией.

Мчался. Ветер целовал лицо, а в глазах Джона все еще катился грузовоз с трупами, покрытыми рогожей.

— Это сыпняк, — сказал один из офицеров своей даме.

«Сыпняк, — думал Джон, — а почему же запеклась кровь на некоторых лицах и почему с автомобиля кровь капает длинной струей?»

По штабу шел приказ:

— К нам прибыл эмиссар Великобритании. Помните: почтение, почтение и почтение...

Глава XIX.

Сэр Роберт Барлетт делает «смотр» добровольческой армии.

С 11 часов начался рабочий день в кафе-шантане «Максим».

В ночь улицы глядела огненными буквами вывеска, и к этому огоньку отовсюду стремились одиночные женщины, счастливые пары, мчались автомобили, экипажи. В подъезд то и дело входили десятки лиц.

Сверкали погоны и ордена всех государств и слышался жаргон, привезенный сюда из всех уголков мира.

Пьяные восклицания, поцелуи на ходу, смех кокоток, пришедших сюда, в шантан, продавать свой товар — свое тело.

Женский товар не высоко ценился, здесь ценилось только одно — деньги. И даже не золото, а приятно шуршащие американские доллары и английские фунты. За них можно было купить все.

Дройд сразу же так и впился глазами в ротмистра Энгера. Его поразила гордая посадка головы и сильный торс.

«О, этот не похож на всех. Этот импонирует силой».

Ротмистр повернулся небрежно спиной к Дройду и пошел за Ивановым в шантан.

На круглом помосте, покрытом цветным паркетом, тщательно отшлифованном, отражавшем в себе каждую мелочь, изгибались в неизменном танго черный фрак и изящная женщина.

Кругом помоста столики, а в глубине уютные ложи, полузадернутые портьерами.

В одной из лож кутила компания князя Ахвледиани.

Энгер и Иванов, искусно лавируя между столиками, кланяясь знакомым, на лету целуя протянутые руки, пробрались в ложу, где были встречены бурной овацией.

Лакей, поставив шампанское и получив заказ, неслышно скользнул в буфет.

Аплодисментами была встречена певица Загорская. Она с успехом исполняла песни улицы. Подгримированная, одетая в черное платье кокетки, она улыбнулась всем, ушла в себя и бросила в зал страстные слова, полные тоски и щемящего ужаса одинокого человека, гибнущего на улице после вот таких кутежей, после этих сотен сладострастных рук, хватющих тело.

И уже накрашенные губы
Не искали жадно папирос,
И уже настойчивый и грубый
Не один я слышала вопрос.

Столики забылись. Все эти прожигающие жизнь, все эти ненавидящие простых людей, все эти выбрасывавшие на улицу не одну девушку, почему-то, во имя каких-то при-

чин, любили эти песни, бившие и оскорблявшие их, как представителей другого класса.

— Кто вот там сыдыт? Я дам им в морду!

— Это англичане, — ответил Энгер.

— Как? Представители Англии? Налэй бокал, пожалуйста.

— Зачем?

— Пойду, приглашу их к нам.

И князь нетвердой походкой спустился в зал.

Погоди. Ты, кажется, заплачешь.
Но не нужно больше глупых мук.
Ведь меня ты все равно не спрячешь
От вина и сладострастных рук.

Рвался голос Загорской в тоске. Руки срывали платье с тела, открывая белые плечи и гибкие руки для жадных взоров, отуманенных вином, для липких взглядов, раздевавших ее мысленно.

Князь, пошатываясь, подошел к столику Барлетта и, остановившись, поднял свой бокал. Барлетт невольно залюбовался яркой фигурой князя. Силой, молодостью, гибкостью, звериной чуткостью и страстью дышала каждая линия фигуры князя. Барлетт наполнил свой бокал. Он даже не подозревал того, что минуту назад мог быть избит этим князем за то, что его холеное лицо ему не понравилось.

Дройд набрасывал в блокнот заметки вечера, искоса поглядывая на князя и на сцену.

Барлетт и князь чокнулись.

Скрипки надрывали душу. Весь ужас улицы, все отчаяние перед кокаином и своим ненабожным концом под забором вложила Загорская в свои слова.

Где-то пили, плакали и пели,
И за стенкой поминали «мать».
Эх, если б мне добраться до постели,
И так заснуть, чтоб больше и не встать...

Овация. И сотни рук с бокалами протянулись к певице. Перегнувшись, взяв бокал, Загорская залпом выпила и разбила его о паркет... Спустилась в зал, и действительно в ее глазах все еще стоял ужас грядущего одиночества.

К ней тянулись, и липкие губы припадали к ее рукам.

Барлетт и Дройд, в сопровождении князя, прошли в ложу.

Снова тосты, снова вино. Отделились портьерами от зала.

Началась попойка.

Князь поднял свой бокал.

— За гэнэрала Шкуро!

— Кто этот генерал? — спросил Барлетт Дройда.

— Кто этот генерал? — громко спросил Дройд.

Сначала недоумение, но потом офицеры наперебой принялись объяснять англичанам.

— Это был очень храбрый...

— Бэзумно храбрый гэнэрал.

— Вы понимаете, он был большой шутник.

— Нэт, погоды, я расскажу. — И князь Ахвледиани, наклонившись к англичанам, смотря в упор своими черными зрачками, казалось, гипнотизировал Барлетта.

Князь, увлекшись, развернул живой эпизод из эпохи гражданской войны.

Как живой, встал в глазах слушателей генерал Шкуро, необычайно жестокий, хитрый, но действительно храбрый. Но в этом эпизоде вся его храбрость была проявлена только над беззащитными красноармейцами. Был день именин Шкуро. Все, изрядно перепившись, не знали, куда девать избыток энергии. Уже палили в потолок, рубили бутылки, но все это не помогало. Наконец Шкуро вспомнил о пленных и оживился.

— Освободить пленных!

Сначала недоумение, но потом офицерство сразу оживилось, поняв, что это одна из очередных шуток генерала.

Князь Ахвледиани бросился освобождать пленных.

— Я им говорю: ну, братцы, вас гэнэрал Шкуро освобождает. А они молчат. Мэнэ дажэ стыд стал брать. Приказал я их вывэсти за ворота и пустить. Ничэго. Пошлы. Поньмаэтэ, недалэко ушли, а мы на лошада́й, сабли наголо и

в атаку. «Рубы их в катлэту!» — кричал Шкуро, ну и рубыли! Одно удовольствие. Раз ударишь, другой нэ надо.

Иванова передернуло от рассказа, а Энгер усмехнулся. Дройд лихорадочно записывал, прикидывая в уме, сколько фунтов он получит за строчки. Барлетт плохо понимал.

В глазах Энгера тянулось шоссе, по которому бешеным вихрем мчалась кавалькада Шкуро. Рубка. О, он хорошо знает, что значит рубка в котлетку. Это рубят лицо с расчетом не убить, а изрубить. Потом пара хороших ударов по затылку, а потом, когда руки убиваемого будут хвататься за шашку, рубить по рукам, стараясь расщепить кость на тысячу острых щечок.

Князь кончил и выпил залпом бокал.

— Вот он какой был, гэнэрал Шкуро!

Барлетт улыбнулся.

— Если бы вы, князь, служили в наших колониальных полках в Африке, то увидели бы вещи попоикантнее.

Бесшумный лакей, зная час игры, приготовил столик.

Князь оживился, увидев зеленое поле.

— Господа, кто в жэлэзку?

Офицеры уселись кругом стола... К ним присоседились женщины. Началась игра.

Барлетт и Дройд даже не повернули головы, хотя князю страшно везло. Барлетта очень коробил этот князь, и он между залпами дыма косил глаза на кучу кредиток, которая росла с невероятной быстротой около князя. Дамы сделались сразу ласковыми, и их руки не раз скользили по шее и голове князя. Шла игра...

Здесь на карту ставились деньги...

А рабочие железнодорожного депо на свою железку ставили жизнь.

Экстренное заседание железнодорожной пятерки продолжалось. Записки «7 + 2» лежали на столе. Неопровержимые

доказательства измены одного, доказательства, что среди организации появился провокатор...

— Нам нужно немедленно установить связь с «7 + 2», — сказал Макаров.

— Кто хочет слова? — и взгляд Савелия чутко и внимательно обежал всю группу рабочих.

«Нет, не может быть, не может быть провокатора в нашей среде», пронеслась мысль в его голове, и он, наморщив брови, взглянул на записку, и слова записки вернули его к мысли, что есть провокатор и что его надо найти и уничтожить, раньше чем он сможет погубить дело.

— Отправьте меня, — сказал Лентулов.

Все глаза устремились на него.

— Нет, для этой цели необходима только женщина, — сказала Катя, — отправьте меня. Я справлюсь с задачей.

— Иди, Катя, — сказал Савелий, — и с тобой отправится туда Макаров.

Общее одобрение, их окружили, посыпались советы, шутки, и тягостная мысль сменилась другой: организации удастся войти в контакт с таинственным «7 + 2».

Глава XX.

Китайские тени.

Наступила ночь, улицы потонули во тьме, и только светлые пятна от фонарей у подъездов шантанов качались по земле. На улицах, заселенных преимущественно евреями, было жутко. Такая улица, со всеми своими домами, жадно слушала, притаив дыхание, у какого дома останятся четкие шаги офицерского отряда.

Идут...

Улица не дышит, и каждый шаг офицеров отдается гулко, как в колоколе, в пустой душе каждого дома. Около ворот, у глазка на улицу, вросли в землю очередные дежурные,

— Кажется, прошли.

— Остановились.

— Нет, идут дальше.

Удар прикладом в ворота нарушил тишину.

И сразу за воротами дома тихим эхом зазвучал в унисон первый удар в медный таз.

Через мгновение весь дом ожил, каждая комната кричала, била в тазы, чугуны, и весь дом, погруженный в мрак, кричал.

Крик в улицу...

Крик в ночь...

Отчаяние, бессильный протест против произвола.

Дом кричал... А через мгновение начинал кричать следующий дом, и наконец улица наполнялась невероятно жутким криком и шумом.

Тазы, чугуны и всякая посуда шла в ход. От малого до большого, в каждой семье, с напряженно испуганными глазами, били во что ни попало, кричали, бросали мебель и напряженно ждали в тоске и ужасе, не открылись ли ворота.

Очень часто такие отряды возвращались ни с чем, не имея сил бороться с кричащей улицей.

И сейчас, где-то вдаль, из города, до ушей Джона доносился крик улицы, создавая невероятно странный шум, создавая фантастику и без того фантастических ночей в царстве белых...

Из подъезда шантана вышла женщина, и на мгновение ее фигура замерла в ярком провале света, в отчаянии перед тьмой, в которую надо было идти.

Из тьмы появилась фигура высокого офицера.

На мгновение взгляды их скрестились. Оба смотрели в упор.

— Разрешите проводить, сударыня?

— Ах, поручик, вы меня крайне обяжете.

И под руку, любезничая, прошли они светлую качающуюся полосу.

Джон, покуривая трубку, спокойно смотрел. Он и не знал, что через несколько кварталов, у дома, где жила женщина, разыграется финал белого рыцарства.

Сначала элегантный диалог.

— Благодарю вас, вы так милы, что проводили меня!

— Не стоит благодарности! Это ваш дом?

— Да, еще раз позвольте поблагодарить...

— Ах!..

И женщина почувствовала вдруг холодное дуло у лба.

— Разденьтесь, сударыня, без крика! Ну, поживее.

Раздев женщину до рубашки, элегантный офицер целовал ее, если она была хорошенькая, потом, отдав честь и щелкнув шпорами, скрывался во тьме.

Но общество находило им оправдание и восхищалось их остроумием, корректностью и элегантностью.

Джон покуривал трубку, прислонившись к своему автомобилю. Мимо шантана уже не проходили и не проезжали.

Пара выстрелов.

Ветер налетел на фонарь и заставил заплясать причудливые тени на стенах шантана.

Тени то вытягивались, то укорачивались, создавая чудовищные сплетения фантазии художника-ветра, рисующего светом.

Неожиданно тень китайца вдруг выросла на фоне стены. Жалкий силуэт вжался в камень, и глаза, иногда выхваченные светом, с невероятно расширенными зрачками, дышали ужасом. Ветер рвал полы его костюма, создавая и без того совершенно фантастическую сцену из какой-нибудь сказки Эдгара По.

Джон вздрогнул.

Многим веяло от фигуры китайца: голодом, нищетой и страхом, животным нечеловеческим страхом, когда вот-вот нарушится грань между человеком и животным, когда вот-вот этот китаец бросится на четвереньки и начнет выть и колотиться головой о каменные плиты.

Снова три выстрела...

И Джон услышал учащенный бег но улице и порывистое дыхание бегущих.

Китаец отпрянул от стены, пошатнулся и упал на руки подскочившего Джона. Джон схватил его, как мальчика и бросил в автомобиль, едва разжав его пальцы, вцепившиеся в горло. И в момент, когда автомобиль двинулся, в качающейся полосе света появились три офицера.

Три нагана...

Три выстрела...

Но было поздно, автомобиль мчался по улицам, увозя с собой китайца. В автомобиле китаец очнулся. Дружеские «алло» Джона и похлопывание по плечу привели его в чувство. Он припал жаркими губами к руке Джона, и тот, отдернув руку, кроме поцелуев, почувствовал на ней две упавших слезы.

— Алло, куда?

— Туда, — и китаец, пересев к Джону, ориентировался и рукой указывал направление.

Проехав под Строгановским мостом, автомобиль закрылся сразу в грязных переулках, между домами, покрытыми плесенью.

Море бурлило, стараясь смыть грязь с этих улиц тайных притонов любви, тайных курилен и подвалов.

Автомобиль въехал в ворота мрачного дома.

— Здесь.

Китаец выскочил и потянул за собой Джона, униженно прося идти за ним. Джон, спрятав магнето и ощутив в кармане револьвер, пошел за китайцем.

Прошли лабиринт маленьких дворов, переулков, узких проходов, пока наконец попали на узкую лестницу.

Тридцать пять скользких ступеней привели к двери, вросшей в изглоданный кирпич.

Троекратный стук...

Щелкнула и отодвинулась фортка, и в круглом овале, в желто-бледном свете появилась голова нового китайца.

— Ван-Рооз, пусти.

Дверь открылась, и Джон, без всякого перехода границы, очутился в китайской комнате.

Циновки на полу и больше ничего.

Несколько китайцев клеило из бумаги свои складывающиеся веера. Искусно бегали пальцы, шуршала бумага, щелкали ножницы.

Несколько китайцев спало, тесно прижавшись друг к другу.

Китаец бросился к Ван-Роозу.

— Он спас Тзень-Фу-Синя... Три белых хотели его убить, но Тзень-Фу-Синь бежал, не имея сил, а в него стреляли. Тзень-Фу-Синь не мог больше бежать, а вот он увез меня на автомобиле от белых. Отблагодари его, Ван-Рооз. Тзень-Фу-Синь будет твой вечный слуга.

К Джону приблизилась голова китайца Ван-Рооза. Крупное лицо со спокойными, невозмутимыми чертами уставилось немигающими, странными глазами на Джона.

— Ван-Рооз никогда ничего не забывает. Если вам, англичанин, нужна будет помощь, идите в курительню Ван-Рооза.

И Ван-Рооз низко поклонился Джону.

— Запомните. Boulevard de France 29.

Глава XXI

Джентльмены играют на свои деньги.

Шмен-де-фер с поразительной быстротой перевел деньги от всех к князю.

Около князя сгруппировались все женщины, бывшие в ложе. Князю везло. Он, как в тумане, бил карту за картой, груда денег росла. Ряд офицеров, проиграв все, стаскивали с пальцев кольца и бросали на карту. Лица горели от жадности и подергивались от напряжения.

Жажда выигрыша влекла всех к столу.

А князь Ахвледиани все пьянел и пьянел.

Он торопливо целовал первую попавшуюся щеку женщины и твердил:

— Отстань, нэ мэшай, выдышь, занят...

Князь давал женщинам «на счастье», не считая.

Игра продолжалась...

По зеленому полю скользили карты.

— Даю.

— Беру.

— Банк.

А за занавесом, отделявшим ложу от зала, неслась страстная, волнующая кровь мелодия.

Там, изгибаясь, выказывая необычайную красоту линий тела и гибкость фигуры, танцевала Зоре.

В зале было привольно и весело.

Обнажались дамы, расстегивались френчи, чаще хлопали в потолок пробки, и очень часто смешивались вместе сильнее сукно с бархатом матовой кожи.

Пьяный туман наполнял зал.

Туман речей, туман страсти.

Этот угар ударил в лицо вошедшего Джона.

Ему стало не по себе, он остановился и провел рукой по лбу.

— Милый, — услышал Джон, и перед ним появилось лицо Загорской.

— Милый, не ходи.

— А кто вы?

— Кокотка...

Джон улыбнулся во все лицо и крепко пожал ей руку.

— Аллю, это ничего.

Загорская засмеялась и отодвинулась в сторону, к своим подругам. А Джон шел между столиками к ложе князя. Барлетт, следивший спокойно за игрой князя, невольно заинтересовался и, переглянувшись с Дройдом, подошел к почти опустевшему столику. Князь оживился, увидя нового партнера.

Замелькали карты.

— Банк, — сказал Барлетт.

— Дэвять, — ответил князь.

Барлетт спокойно отсчитал из запечатанной пачки сто фунтов и протянул князю.

Начался бой.

Барлетт спокойно, карта за картой, отдавал свои фунты. Ажиотаж охватил комнату. Вокруг столпились офицеры. Женщины перестали даже ласкаться к князю.

Ротмистр Энгер и капитан Иванов спокойно наблюдали за лицами бившихся.

Князь весь сиял, глаза блестели, карта шла к нему.

Барлетт спокойно проигрывал, и на его невозмутимом лице ничего нельзя было прочесть.

В ложе то и дело слышались выстрелы слов.

— Банк.

— Даю.

— Семь.

— Восемь.

И деньги все переходили к князю.

Джон незаметно вошел в ложу и остановился у стола.

Восточная мелодия сменилась грустным, сентиментальным, ироническим смешком Вертинского.

Барлетт спокойно поставил опять банк и открыл девять.

Это было Ватерлоо князя.

Карту за картой бил Барлетт.

И через несколько минут все деньги князя перешли к Барлетту.

Князь побагровел, заволновался, глаза выкатились и он судорожными руками рвал карты, желая вернуть себе волшебную талию.

Но золотой сон кончился.

И от князя все женщины сразу отхлынули, но ему было не до них.

Он проиграл все, торопливо шаря по карманам, вынимая все, что случайно еще уцелело. И последнее он отдал спокойному, невозмутимому Барлетту.

Барлетт мечет банк, карты легко ложатся около дрожащих рук князя. Слегка волнуясь, не смотря на Барлетта, князь взял мел и начертил на зеленом поле две тысячи рублей.

Барлетт невозмутимо, попыхивая вечной сигарой, спокойно взял щетку и спокойно вычистил написанную цифру...

Офицеры ахнули.

Дройд даже привстал и снова быстро набросал несколько строк в блокнот.

Джон мысленно тоже одобрил Барлетта. Князь вскочил. На мгновение его залитые кровью зрачки уставились на Барлетта. Он качнулся раза два и, пересилив себя, отошел от стола. Подошел к сервированному к ужину столу, залпом осушил два бокала шампанского и бессильно опустился в кресло.

Барлетт сгрэб кучу денег и методически стал их складывать. К нему подошли два офицера.

— Лорд, князь проиграл казенные деньги.

— Джентльмены играют на свои, — ответил Барлетт.

Дройд, увидя Джона, быстро подошел к нему.

— Подождите еще немного, Джон, сейчас мы поедем в курильню.

Князь встал, шатаясь пошел к выходу, товарищи остановили его.

— Неужели у тебя ничего не осталось?

— Нэт, смотри... — и князь вывернул свой бумажник. Какая-то записка упала у ног Джона. Он быстро поднял ее:

«Пленного, числящегося за князем Ахвледзиани, выдать по первому его требованию.

Г.-л. Биллинг».

И подал князю. Тот отмахнулся рукой.

— Зачэм она мнэ, дэнэг не стоит.

— Я покупаю, — сказал Джон, вытаскивая из кармана десяток английских фунтов.

Глаза князя сразу оживились.

— Идэт... — и, схватив деньги, князь бросился к столу.

Ротмистр Энгер следил все время за Джоном и, учтя происшедшую сцену, прошел мимо Джона к выходу, сверкнув

по шоферу холодным взглядом. У входа на мгновение остановился, посмотрел на Иванова, увлеченного разговором, и быстро вышел.

Дамы, издали увидев у шофера деньги, бросились с ласковыми объятиями к нему.

Джон получил два поцелуя и ответил на них, смеясь. Однако поглубже упрятал свои деньги в карман, боясь предприимчивых рук дам.

— Душка шофер.

— Милый.

Но Джон, обнимая за талии женщин, наблюдал за Барлеттом, игравшим с князем.

Игра шла недолго, князь вскочил снова пустым.

Придвигая бумажки к себе, Барлетт первый раз в жизни искренне удивился.

— Ого... английские фунты!

И он толкнул Дройда, приглашая его в этом удостовериться, а сам удивленно поглядывал на князя.

Джон не выдержал и засмеялся, он первый раз увидел удивленного Барлетта. Дамы, все время обнимавшие Джона, повлекли его к выходу. Отходивший от стола князь мгновенно вспыхнул, приняв смех Джона на свой счет. Напевая куплеты, веселое трио (две дамы и шофер) прошло через залу и по лестнице стали спускаться на веранду, выходящую к морю.

У входа на веранду Джона поджидал ротмистр Энгер.

— Остановитесь... Требую немедленно возвратить записку князя.

— Что? — возмутился Джон. — Получите! — и Джон поднес к носу ротмистра кукиш.

Ротмистр Энгер не пошевелился, но так взглянул на Джона, что дамы испуганно прижались к его плечам.

— Мы еще встретимся, английская собака!

И ротмистр Энгер, не поворачиваясь, пошел по лестнице вверх. Наверху на него наткнулся князь Ахвледзани, возбужденно державшийся за кинжал.

Глава XXII.

Гамбит шофера.

Веранда, причудливо освещенная матовыми шарами, тоннула в лунном свете. Высокие коринфские колонны протягивали свои тени через паркет веранды.

Между колоннами, обвитыми диким плющом и виноградом, за уютно сервированными столиками сидели парочки.

Звуки оркестра слабо доносились до веранды, сливаясь с рокотом моря.

Джон со своими дамами, вдыхая воздух, подошел к балюстраде. С восторгом он смотрел на развернувшуюся перед ним далекую гладь моря с серебряной дорожкой зыби.

Нетвердые шаги князя, сошедшего на веранду, отрывистое бормотание обратили внимание Джона.

Он обернулся. Встретились глазами...

Мрачный вид князя, его взгляд исподлобья напомнили Джону его неудачную игру и он не смог сдержать улыбку.

Джон улыбнулся, вспомнив удивленное лицо вечно невозмутимого Барлетта при виде английских фунтов.

Но князь и эту улыбку принял на свой счет.

Кровь бросилась ему в голову. Едва сдерживаясь, положив руку на кинжал, он пошел к Джону.

Дамы, не видя и не чувствуя разыгравшейся сцены, с лаской целовали Джона. Джон насилу освободился от них и сам пошел навстречу князю.

— Я тэбэ покажу, сволочь!

Но князь мало знал Джона. Вечная английская выдержка сразу оставила Джона. Он всем телом, каждым мускулом почувствовал врага. Лицо сразу побледнело, улыбка сменилась гневом. Один момент, одна сотая секунды, и князь почувствовал удар бокса, отбросивший его к колонне.

Глухой стук головой о цоколь, и князь в обморочном состоянии сполз вниз и замер в сидячем положении. Дамы

расхохотались и снова притянули Джона к себе.

— Здорово хватил!

— Брось его к черту!

— Пьян, как стелька. Идем!

— А то он тебе харакири банзай сделает.

И со смехом, схватив Джона под руку, они весело сбежали с веранды к морю.

Барлетт, посасывая свою сигару, наконец закончил подсчет выигранных денег. Спокойно уложил их в карман, бросил «на чай» один фунт. Дройд потянулся и встал.

— Становится скучно, сэр Барлетт.

— Что же делать?

Подошли вечно неразлучные ротмистр Энгер и капитан Иванов.

— Мы едем в одну курильню.

— Не желаете ли составить компанию?

— Это вам напомнит ваши колониальные приключения, — прибавил Энгер.

Около столика Барлетта остановился один офицер и усиленно стал раскуривать папироску.

Барлетт, привстав из-за стола, улыбнулся Энгеру. Ему этот немного иронический офицер импонировал.

— С удовольствием.

Всей группой вышли из ложи.

Как только Барлетт отошел от стола, офицер, старательно раскуривавший папироску, живо схватил оставленный на чай лакею фунт, бросив на его место «колокольчик».

— Разменял по курсу, — и, улыбнувшись собственному остроумию, офицер вышел из ложи.

За столиками в зале появились группы, и их эвакуировали в мертвецкую.

— Странно, где князь? — неожиданно спросил Энгер.

— Пьет горькую, — улыбнулся Иванов.

На веранде все было по-прежнему.

Только матовые шары погасли через один, отдав веранду в распоряжение луны.

Луна постаралась. И на паркете сделала такие бледные пятна, пятна света, что каждое лицо, попадавшее в полосу

света, становилось бледно-зеленым.

— Вот и князь!

— Он, кажется, спит, — и Иванов быстро подошел к нему.

— Ну, князь, вставай, — и толкнул его в плечо.

Тело князя бессильно опустилось на пол, и только сейчас все увидели лужу крови.

Над убитым быстро наклонился Энгер.

Его пытливые глаза сразу оценили положение и, смотря в упор на Иванова, он бросил:

— Это дело красных.

— Это не может быть, — запротестовал Иванов, — красные и здесь? Я не допускаю даже этой мысли.

Ротмистр Энгер выпрямился.

— Капитан, надо быть внимательным и осторожным: это дело красных.

Барлетт немного сморщился, ему претила кровь. Взяв Дройда под руку, он спустился с ним в аллею, ведущую к морю, оглянулся через плечо и, презрительно растягивая слова, сказал:

— Укразия...

Глава XXIII.

Курильня Ван-Рооза.

События в эту ночь продолжали разворачиваться с необычайной быстротой. Весь город, погруженный в тьму, грезил и изредка содрогался от выстрелов, нарушающих покой. Еще по улицам бродило несколько патрулей, да и то они уже потеряли и желание, и охоту искать и ловить, а больше думали об отдыхе. Больше сидели, чем ходили.

Ветер раскачивал громадный фонарь над проломом в стене. Это был вход в «курильню Ван-Рооза». И сейчас сюда с разных концов спешили разные люди с разной целью.

Ван-Рооз давно уже был на месте и флегматично давал распоряжения китайцам и Тзень-Фу-Синю...

Давно уже генерал Биллинг, полковник Каменщиков, Самарова и целый ряд других офицеров предавались пьянству и курению.

Макаров, элегантно одетый, вполне походил на джентльмена, спекулирующего валютой. Катя казалась чересчур благородной кокоткой, но это ей шло и должно было остановить слишком привыкшие к свободе руки.

Подъехали на извозчике к провалу в стене. Автомобиль № 6341, пыхтя, отодвинулся в сторону, зацепив лучами глаз обе фигуры, Макарова и Кати, быстро вошедших в аллею.

— Ну, держись, Катя.

— Я уверена в успехе.

— Только одно... Помни, ты кокотка.

— А ты валютчик.

И оба, засмеявшись, спустились по лестнице к сырому подземному коридору.

Липкий воздух, паутина цеплялась за шедших, и под ногами то и дело торопливо шлепали в сторону жирные серые лягушки и шмыгали, быстро цепляясь стрелкой хвоста, крысы.

— Стой!

— Тсс...

Макаров и Катя вросли в землю: мимо них быстрыми шагами прошли два офицера...

Через мгновение впереди мелькнул свет. Окно в тумане. Окно в синий свет, окно в фантастику. Мелькнуло на мгновение лицо Тзень-Фу-Синя, мелькнули два офицерских силуэта. Свет заструился в коридор не резким бликом, а какими-то неуверенными лучами. Уперся в ближайшую стену и струился, заставляя жмурить глаза.

Катя и Макаров, сделав несколько шагов, прикрыли лица руками.

— Ну и свет, черт побери!

— Я слепну.

Открыли глаза. Перед ними, шагах в десяти, спокойно стояла фигура Тзень-Фу-Синя, а за его спиной, в потоке струящегося света, фигура офицера. Сверкнул погон, на плече задрожал аксельбант: через плечо китайца протянулась рука, пальцем указывая на них...

Определить, кто был офицер, не было возможности, но Макарову и Кате было совершенно ясно, что это был или капитан Иванов или ротмистр Энгер. Офицер, видимо, что-то говорил, так как китаец утвердительно кивал головой, всматриваясь пристальными глазами в Макарова и Катю.

Это было мгновение. Все исчезло, и снова мрак, и снова под ногами шныряли крысы. Макаров щелкнул револьвером.

— Тсс... Спрячь, ради бога. Выдержка...

— Нет, я проверил.

— Китайская могила. Ничего не разберу.

Снова перед ними яркий синий туман, и Тзень-Фу-Синь, улыбаясь во весь рот, склонившись, открыл замаскированную дверь.

— Добро пожаловать...

Вошли. И сразу их шаги утонули в мягких, насланных на полу, коврах.

Катя и Макаров прибыли в «курильню Ван-Рооза».

Компания генерала кутила. Генерал Биллинг, в расстегнутом френче, с жаром рассказывал анекдот, сам первый трясаясь от смеха. Каменщиков усиленно ухаживал за Самаровой, стараясь сорвать поцелуй с ее красивых губ, и Самарова лукаво каждый раз уклонялась, поджимая губы, чтобы затем сразу улыбнуться неудачнику в лицо.

— Когда... Очаровательная?

— А вам зачем?

— Я не могу более.

— Причина уважительная — и смех Самаровой окончательно поощрил генерала и укрепил его веру в свои крупные дарования рассказчика. Он на мгновение остановился... Этим мгновением решил воспользоваться Энгер.

— Генерал, разрешите.

— Разрешаю, разрешаю и оставьте наконец меня в покое.

Капитан Иванов, нервно прихлебывая вино, улыбнулся глазами Энгеру, который закусив губу, отошел в сторону.

Другие офицеры «брудершафтились», бессмысленно выпучив глаза друг на друга, и говорили в упор:

— Болван.

— Идиот...

И целовались...

В уголку другая пьяная группа пробовала петь, но далее одного куплета никак не могла пойти.

И поэтому, когда Тзень-Фу-Синь, улыбаясь, снова раздвинул струящуюся занавесь перед входившими в общий зал Катей и Макаровым, их сразу встретил бессмысленный смех и куплеты

«Нам каждый гость дается богом...»

и две пары глаз этих вечно чутких, внимательных, проникнутых серьезностью и силой ротмистра Энгера и капитана Иванова. Генерал даже обернулся, наблюдая Катю, увидя ее изящную ножку.

Макаров, небрежно усевшись за столик, окинул внимательно веселым взглядом всю комнату. Катя села, заложив ногу за ногу так, что одну ногу, до колена, выставила совершенно напоказ. Тзень-Фу-Синь принес бокалы с вином...

Генералу стало не по себе, он усиленно стрелял глазами в Катю, не замечая, что его любовь, Самарова, с восторгом и страстью прижалась губами к губам Каменщикова.

Катя подняла бокал до уровня глаз и так взглянула на генерала, что тот даже привстал.

«Вот бабенка, огонь...» — пронеслось в уме генерала.

Макаров встал и, четко повернувшись к генералу, сказал:

— Разрешите мне выпить за героическую доблестную в лице ее славного представителя — вас, ваше превосходительство.

Каменщиков даже бросил целоваться и сразу отрезвленными глазами глянул на Макарова.

«Где я его видел?» — мелькнула у него мысль.

Генерал встал. О, он не мог отказать в удовольствии чокнуться с таким любезным господином. Самарова потянула его к себе, но генерал, освободившись, чувствуя себя неотражимым, пошел к Макарову в сопровождении Каменщикова.

Чокнулись. Особенно чокнулся генерал с Катей.

— Разрешите мне просить вас к моему столику.

И генерал предложил руку Кате. Торжествующий пошел с ней. Самарова резко повернулась и занялась Энгером. Макаров, непринужденно усевшись, подозвал Тзень-Фу-Синя и, вынув из кармана бумажник, ловко и быстро показал присутствующим наличие денег. Вынув очень крупную купюру и дав китайцу, Макаров сказал:

— Шампанского.

Этот жест понравился всем, и даже подозрительный Каменщиков улыбнулся.

Деньги произвели впечатление на всех. Самарова сразу сделалась любезна с Макаровым. Начался легкий диалог, легкий флирт и пьяный туман заструился из шампанского. Стало легко, весело. И только один Энгер иронически улыбался не то своим мыслям, не то маскаряду Кати и Макарова.

В комнату вошли англичане.

Генерал, увидя их, сразу вскочил и, торопливо застегнув френч как раз на две пуговицы выше, бросился к ним приглашать за столик.

Барлетт, улыбнувшись, поблагодарил.

— Благодарю за честь, генерал, я сяду рядом.

И прошел с Дройдом к столику рядом... Энгер, воспользовавшись приходом англичан, приведших в порядок генерала, отозвал его в сторону и сделал обстоятельный доклад о загадочном убийстве князя.

Генерал даже побледнел.

— Как? Да как они смели!

— Я не удивлюсь, если кто-нибудь из этой сволочи проберется ж сюда.

— Тоже скажете, — улыбнулся генерал. — Да я их сразу определю... Меня, старого стреляного воробья, на мякине не проведешь.

Энгер улыбнулся.

— К примеру, что вы думаете об этих...

— Что? Эти? Вот чудак!.. Ротмистр, вы меня уморите... и, смеясь, генерал снова сел за стол, а Самарова, овладев Энгером, тянула к нему свои обнаженные руки.

Дройд обратил внимание на Катю.

— Посмотрите, Барлетт, какая прелесть.

— Да. Я одобряю вкус.

Дройд, приподняв бокал, глазами улыбнулся Кате, губами посылая ей поцелуй. Катя, улыбнувшись, подняла бокал, и они вместе, мысленно чокнувшись, выпили.

Энгер и Иванов, не отрываясь, изучали Макарова и этим выводили его из равновесия. Он внушительно напрягал память, вспоминая, где он встречался с ними, и не мог вспомнить. Но это спокойствия ему не дало, и только железная воля и желание добиться намеченной цели удерживало его от ухода.

— Кажется, влопались...

Капитан Иванов, прихлебывая вино, прищурившись наблюдал за Энгером и Самаровой, и иногда его тонкое нервное лицо освещалось такой иронической улыбкой, что увидевшему эту улыбку сразу бы сделалось холодно.

Джон едва добрался до курильни, ругаясь и отпихивая крыс ногами, и прямо наткнулся в синем провале на Тзень-Фу-Синя.

— А, мы, кажется, немного знакомы?

— Тзень-Фу-Синь твой вечный слуга.

— Вот вы мне и понадобились.

И Тзень-Фу-Синь кольцевым коридором провел Джона в ложу, и сразу около Джона выросли и вино, и трубка, и лампочка для накаливания опийных шариков.

Несколько затяжек черного дыма, и голова Джона немного отяжелела. Перед ним, как в тумане, плавал общий зал, и Джон улыбнулся, узнав Барлетта и Энгера.

Перед Джоном вырос Ван-Рооз. Низкий поклон.

— Что угодно от нас благородному англичанину?

— Человека, — ответил Джон, вынимая трубку и все еще не имея сил сконцентрировать свою волю и мысль на реальности.

Как в тумане, плавали перед ним глаза Ван-Рооза.

Вот его руки разжались, и перед Джоном, на ладонях китайца, блеснули две костяные таблички.

— Красная или белая?

Джон вздрогнул, фантастика носила чересчур реальный характер. Всунул свою трубку с кепстеном в рот. Несколько привычных затяжек вернули Джону его обычное хладнокровие и ясность мысли.

Джон, улыбнувшись и выпустив залп дыма, коснулся рукой красной таблички.

Ван-Рооз поклонился и исчез, растворившись за струящейся занавесью.

Залп кепстена...

Тзень-Фу-Синь склонился перед Джоном.

— Что угодно?

Джон задумался. Он не мог привести в логическую связь мысль о красных с этим экзотическим китайцем. Он не знал, что Тзень-Фу-Синь был одним из командиров интернациональной бригады. Не знал и того, что несколько часов назад Тзень-Фу-Синь от офицера контр-разведки получил приказ следить за подпольниками-коммунистами.

Только сегодня замкнулся круг мечты Джона, только сегодня Тзень-Фу-Синь узнал подпольных лиц и только сегодня он связался с подпольем.

— Что угодно англичанину?.. — и нагнувшись ближе, прошептал: — красные здесь... что передать?

Джон вздрогнул,

— Передать деньги. Нет, нет... Записку об освобождении пленного.

Быстро, четко, решительно Джон вынул записку и передал китайцу. Китаец поклонился.

И снова в ложе только дым кепстена.

Макаров уже полулежал на диване рядом с Самаровой и, сложив в трубку пачку денег, дразнил Самарову, хлопая ими по ее ладони. Она не могла их схватить и заливалась счастливым смехом.

Через зал прошел Тзень-Фу-Синь.

И одновременно ротмистр Энгер и капитан Иванов встали и вышли из зала в противоположную дверь. Каменщиков, наблюдавший за ними, наморщив лоб, мгновение колебался. А затем, отправив в рот остатки вина, колеблющейся пьяной походкой направился к выходу.

Лентулов на мгновение остановился в провале под круглым качающимся фонарем курильни и казался черной летучей мышью, так как ветер злобно надувал пиджак. Ветер был прав, он один знал, что это провокатор. И он кричал, захлебываясь от бешенства.

Проооовооо-окаааатооор...

Но кроме ветра это знал также и «7 + 2».

Глава XXIV.

Последнее дело провокатора.

Кольцевой коридор замкнул круг деятельности провокатора и затянул вокруг его шеи смертельную петлю, из которой уже не было спасения. Если бы Лентулов знал, что здесь, в узком коридорчике, завешенном коврами, его ждала расшифровка, он не шел бы так смело и радостно. Но перед ним улыбались ему новые шуршащие деньги...

Деньги...

А они давали все; и жизнь, и свободу, раскрывали перед ним заманчивую перспективу обманчивых миражей. Лен-

тулов любил легкие деньги и для достижения их не останавливался ни перед чем.

— Позови ротмистра, — резко сказал он китайцу.

Китаец, обиженно оскалив зубы, внимательным взглядом скользнул по глазам Лентулова.

Лентулову стало не по себе. Китаец ушел, оставив зародившийся страх у провокатора. Страх провокатора.

С двух сторон одновременно подошли вечно неразлучные капитан Иванов и ротмистр Энгер и остановились, заложив руки в карманы.

Страх сковал язык Лентулова, перед ним всплыли сразу два офицера. Два, из которых один, а он наверное это знал, был «7 + 2». Он раскрыл рот и не мог вымолвить ни слова.

Но они в коридорчике были не одни. Пьяный Каменщиков сразу отрезвел и спрятался в пяти шагах от них, за ковер.

— В чем дело, ну? Мы ждем! — сказал Энгер, презрительно раскачиваясь перед провокатором.

— Мы ждем, — как эхо, улыбнулся Иванов.

И от его мягкой улыбки холодок пробежал по спине Лентулова.

— Сегодня. Сейчас...

— Ну?

— Живее.

— Должны прийти подпольники. Мужчина и женщина.

Каменщиков сильно дернул головой вперед, а потом назад: затылком стукнулся о камень так, что сразу потерял нить разговора и почти сознание. Иванов улыбался, слушая лепет провокатора.

— Нечего сказать, ценное сведение.

Ирония и безвыходность положения вернули Лентулову обычную наглость.

— Как хотите, а вы, ротмистр, остерегайтесь красивой женщины, пришедшей с ним.

— Спасибо... — И ротмистр Энгер, так же презрительно раскачиваясь, отсчитал пять тысяч рублей и протянул их провокатору.

— Получите за службу.

На мгновение раздвинулись ковры, и около них показалась голова Тзень-Фу-Синя. Пристальная съемка глазами. Снято. Закрылись глаза, и голова исчезла за коврами.

Небольшая пауза, и снова в кольцеобразном коридоре остался один провокатор.

И снова около него появился китаец.

— Нужно подождать, пять-десять...

— Хорошо.

— Идите за мной.

И китаец увел провокатора за собой.

Каменщиков, потирая затылок и охая, вышел из-за ковра и пошел, по-настоящему пошатываясь и проклиная свое любопытство.

Подойдя к столу и снова осушив бокал вина, Каменщиков огляделся и увидел, что Катя сидит с англичанами и весело показывает им зубы.

— Гм... Подозрительно, — пробурчал он себе под нос и, облокотившись подбородком на спинку стула, взглянул вниз, под столик.

Три ноги в центре под столиком: Кати, Дройда, а сверху, надавливая то на ногу Кати, то на ногу Дройда, двигался спокойный, уравновешенный полуботинок Барлетта. Кровь бросилась Дройду в голову. Он вообще был охотник до женщин, а тем более до красивых, стиля Кати.

Катя побледнела. Она не привыкла к таким шуткам и сейчас сидела вся бледная, полная гнева, забыв о том, что она кокотка.

Дройд улыбался ей радостной улыбкой. Барлетт же спокойно сидел и так же спокойно косил глаза то на Дройда, то на Катю.

— Извините меня, — сказала, вставая, Катя и быстро вышла из курильни.

Барлетт искренне рассмеялся, увидев удивленное лицо Дройда.

— Ну, как находишь украزيек?

Каменщиков, наклонившись к генералу и указывая на уходящую Катю, прошептал:

— Большевичка.

— Вы скоро всех нас будете подозревать в большевизме. Ну и выдумщик вы, батюшка. Молчите, молчите, а не то лошну, — и генерал залился полным звучным смехом, заставлявшим дрожать его живот. Каменщиков обиженно встал и перешел в другой угол курильни, где и подсел к другой группе офицеров.

Задыхаясь, Катя остановилась в коридоре.

Из-за ковра высунулась желтая рука и, схватив за руку Катю, прежде чем она успела вскрикнуть, вложила в ее пальцы записку. Катя, с остановившимся дыханием, затаив готовый сорваться крик, схватила записку, нервно прочла:

«Пленного, числящегося за князем Ахвледиани, выдать по первому его требованию.

Г.-л. Биллинг».

Катя оглянулась. Пустой коридор, увешенный коврами, и только как будто ветер иногда шевелил ковры. У Кати немного кружилась голова, ее и пугала эта таинственность и раздражала, раздражала до ненависти и против «7 + 2», и против...

— Кто здесь? — сдавленным голосом спросила Катя.

— Вы согласны? — склонившись, спросил Тзень-Фу-Синь, неожиданно появляясь позади Кати.

Как от удара, Катя повернулась и отступила на шаг.

— Молчите, молчите, товарищ, идите к выходу, автомобиль... Поедете, освободите.

И снова нет китайца, и снова в пустом коридоре одна, одна...

Решение быстро принято. Катя направилась к выходу.

В ложу Джона быстро вошел Тзень-Фу-Синь.

— Товарищ... Ступай к автомобилю... Поедешь с женщиной. Освободишь.

— Хорошо, — сказал Джон, вставая и натягивая на голову кепку.

При выходе молчаливый китаец быстро подал Кате шляпу и пальто. Момент — и Катя, опрометью пробежав под-

земный коридор, очутилась на свежем воздухе, одуряющим до головокружения.

У пролома Катю догнал Джон.

Генеральский шофер автомобиля № 6441 не проснулся от шума автомобиля. Джон любезно пригласил Катю сесть.

— Указывайте дорогу.

И автомобиль умчался.

Мелькнули на повороте его два глаза, и снова ночь.

Исчезновения Кати никто не заметил. Пили вино и наслаждались экзотическим танцем, приготовленным Ван-Роозом.

Под странно-шипящую музыку, посреди курильни, с двумя трубками опиума совершенно обнаженная китаянка танцевала танец «Черного дыма».

Энгер подозвал Тзень-Фу-Синя и что-то сказал.

И почти вслед за Энгером капитан Иванов, остановив Тзень-Фу-Синя, отвел его в сторону.

Танец продолжался.

— Можете идти, — сказал китаец провокатору.

На улицах ночь, в подвалах кокаин, опиум, клубы холодного безумного эфира...

В эту ночь совершенно непроницаемый туман затопил улицы.

Туман с моря.

Провокатор шел, оглядываясь по сторонам.

Он не видел, как за ним, шаг в шаг, шел Тзень-Фу-Синь.

Шаг в шаг, за провокатором шла смерть.

Улицы, переулки, задворки, дворы...

Качающиеся фонари вдруг освещали провалы дворов, и снова тьма, и снова тишина.

Ни одного выстрела.

Ни одного звука.

— Странно, — бормотал провокатор, — какая тишина.

Остановился, вздохнул полной грудью воздух, но поперхнулся густым туманом, закашлялся и пропал в одном узком переулке.

Тзень-Фу-Синь, как кошка, как смерть, шаг за шагом шел за ним.

Условный стук в дверь: три подряд, два через паузу.

И провокатор исчез за дверью. Тзень-Фу-Синь выждал и остановился камнем.

В комнате, куда вошел провокатор, было накурено.

Густой синеватый дым клубился, закрывая потолок,

Окна тщательно были завешены одеялами и рогожами.

Железнодорожная пятерка вместе с одним из членов Ревкома заседала.

Лентулову обрадовались.

— Мы думали, что ты уже влопался.

— Еще не добрались, — улыбнулся Лентулов, тихо поправляя в кармане деньги.

— Товарищи, мы растем, мы крепнем, скоро будет назначен час...

Стук в дверь.

Условный стук.

Три раза подряд, два через паузу.

Лица у всех побледнели. Один жест — и револьверы в каждой руке.

— Кого еще нет?

— Все.

— А Макаров и Катя?

— На работе.

Молчание. И только ветер, врываясь в разбитое стекло, поддувал рогожу.

— Я отворю.

И тихо, с револьвером в руке, скользнул к двери Горбов.

Приоткрыл дверь, и в руку ему — бумага...

В зажатые пальцы жесткая рука сунула записку.

Рванул дверь. Открыл.

Никого.

Ночь... Пустой переулок, глухой, беззвучный...

Ни звука, ни шороха...

Горбов бросился по переулку к улице.

Никого. Тишина.

Бледный, сжимая в руке записку, он вернулся в комнату.

— Нет никого.

— Что у тебя в руке?

Горбов взглянул на руку с сжатой бумагой между пальцев и удивленно передал записку Савелию. Савелий, прочтя записку, побледнел и, обведя всех глазами, положил записку текстом вверх.

«Последний вошедший — провокатор. Он получил сегодня пять тысяч рублей.

7 + 2».

Только отрывистое дыхание, а глаза, глаза впились в эту записку, до крови напрягаясь, вчитываясь в эти строчки.

Провокатор...

Провокатор... Эхом в мозгу. Провокатор — эхом в дулах револьверов.

Лентулов побледнел. Товарищи впились в него глазами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПОЛНЫЙ ХОД

Глава XXV.

Мадам «Ревком».

Танец «черного дыма» окончился. Офицеры обступили китайку плотным, сладострастным кольцом, мешая ей набросить шарф на голое тело.

Макаров, позевывая, подошел к столику англичан.

— Вот что, лорды, покупаю доллары и фунты.

— Не продаем, — немного резко ответил Дройд, раздосадованный уходом Кати.

Макаров зевнул, встал и, равнодушно оглянувшись, неожиданно поймал пристальный взгляд Каменщикова,

«Куда делась Катя?» — пронеслась мысль, и острая боль отразилась на лице Макарова.

Макаров ловко опрокинул бокал вина и, прицелкнув пальцами, беззаботно, немного наивно, предложил.

— Покупаю колокольчики, господа, покупаю...

— За какую валюту?

— Доллары, фунты.

— Ну, тогда только по официальному курсу.

— О, с удовольствием, генерал. Для вас готов и по официальному, — улыбнулся Макаров, раскрыв свой бумажник.

Деньги стали менять все. Даже Энгер и Иванов разменяли по колокольчику, дав их Макарову в сложенном виде. Не глядя и не разворачивая, Макаров положил небрежно деньги в бумажник.

Снова вино...

Англичане пересели к генеральскому столику. Дройд занялся Самаровой.

Легкий флирт, шутки, и через смех шла торговля с Самаровой, которая своими обнаженными плечами и томным взглядом обжигала Дройда.

Генерал ухаживал за Барлеттом. А Макаров, приняв меланхолический вид, бродил по курильне, думая найти Катю.

К тюрьме, глотая тьму, мимо кладбищ, мчался вихрем автомобиль.

Ветер рвал шляпу, но не мог охладить острого желания Кати спасти хоть одного красного из рук белой смерти.

Она не могла разобраться, ни откуда записка, ни каким образом вмешался шофер-англичанин.

Ворота тюрьмы. Окошечко. Старческое усталое лицо привратника и машинизированное лицо часового.

Переговоры...

— Проезжай, мадам, с богом...

— Немедленно пропустить.

— Ночью никого не велено.

— Болван, не видишь, с кем говоришь, — крикнула Катя и сунула записку в лицо привратника. Завтра же тебя арестуют.

— Простите, ваше превосходительство, простите, — забормотал привратник, — разве я виноват. Не признал, — и, открыв ворота, сторож плюнул в сторону и сквозь зубы: — Шкура генеральская.

Наконец Катя легко вбежала в караульное помещение.

Дым, чад от прикрученной лампы, чайники, кружки, куски хлеба, махорка, огрызки сахара, несколько брошенных засаленных карт, портреты «верховных правителей» Деникина и Колчака, перевитые георгиевской лентой, сразу бросились в глаза.

Катя, собрав все силы, смело вошла в караулку и направилась к замечтававшемуся начальнику.

Часть солдат спала вповалку на нарах, часть дремала. Караульный начальник, изрядно задремавший, испуганно вскочил.

— Вы караульный начальник?

— Да... — не соображая, каким образом очутилась перед ним женщина, ответил тот.

— Прочтите записку.

— Свиданий по ночам нет.

— Идиот! Я тебя не спрашиваю!

Караульный начальник вытянулся.

— Простите, ваше превосходительство. — Сделав честь, караульный начальник прочел записку.

Время тянулось на волах, минутная стрелка не хотела двигаться, а времени нет. Катя незаметно хрустнула пальцами.

— Сидоров, а ну, сыпь в двадцать седьмой, приведи этого... Да живо. Одна нога здесь, другая там.

Кровь стучала в висках. Катя нервно пробарабанила пальцами привычный дорогой мотив: «Это будет последний...» А время идет, идет.

Но за ней мчится уже проклятый Энгер,

Снова Катя хрустнула пальцами. Зазвонил телефон.

Молоточек равнодушно ввергал Катю в ужас, бился у нее в голове, заставляя ее пальцы судорожно сжимать браунинг.

Караульный начальник медленно подошел к телефону.

— Тюрьма... Караульный начальник... Нет... Не было... Да... Слушаю-с...

Повесил трубку и равнодушно стал скручивать собачью ножку.

Катя перевела дыхание. Холодное прикосновение стали вызвало холодок и четкость мысли. Уже секунды не были вечностью.

Снова революционная воля сменила напряжение расчетом... Две пули начальнику, в дверь, захлопнуть засов и...

Ввели Галайду.

Галайда, презрительно сплевывая, остановился в дверях, смотря на Катю. На мгновение в его глазах мелькнула ирония, и он весь расправился, чувствуя, как по его пальцам пробежала истома при мысли, что если это конвоир, то...

— Вы едете со мною в штаб...

«Спасен» — пронеслась снова мысль, и Галайда даже прищурил глаза, чтобы в них нельзя было ничего прочесть.

Караульный начальник страшно медлил.

— Ну, в чем дело?

— Распишитесь, ваше превосходительство. Вот здесь, — услужливо подал «книгу арестованных» начальник.

Катя подошла и, улыбнувшись, четко расписалась.

Не читая, начальник захлопнул книгу.

— Прикажете дать конвойных?

Галайда качнулся.

— Не надо, — сказала Катя, — у меня вот... — и, вынув браунинг, зажала его в руке.

— Иди, — и начальник толкнул Галайду к двери за вышедшей Катей.

Свежий воздух в лицо... ночь... сон...

Прошли ворота.

— Вы свободны, товарищ. — Пожатие руки.

Галайда вздрогнул, но спокойно прошел в ворота.

Автомобиль.

Сели.

В воротах все еще торчал силуэт караульного начальника.

— Товарищ, спокойно. Я член пятерки.

Галайда сжал пальцы Кати.

— А я хотел уже душить.

— Что прикажете, ваше превосходительство?

Не выдержало сердце партизана. Кровь бросилась в голову, а из глаз смех, юмор. Партизан обернулся и крикнул:

— Передайте, товарищ, от меня поклон своему генералу!

Караульный начальник ожил, слово «товарищ» ожгло сознание. Сонное оцепенение пропало, он дернулся, сжал винтовку.

— Скажи, кланялся ему Галайда!

И автомобиль полным ходом мчался по улице.

Легко взбросилась винтовка, но не выстрелил начальник. Он слышал когда-то это странное имя.

— Галайда, — повторил он.

И он все понял, но было поздно... Бросился к телефону.

Каменчиков был основательно пьян, но все же он не спускал глаз с Макарова.

— Вас просят к телефону, — прервал его мысли Тзень-Фу-Синь.

Каменщиков быстро пошел к телефону.

Четкие слова караульного начальника как-то не достигали его сознания. Но все-таки из отрывочных фраз перед ним вырос факт неслыханного освобождения пленного.

— Что пленный сказал? Повтори.

— Кланялся его превосходительству: скажи, говорит, кланялся ему Галайда.

— Как имя?!! Имя?!!

— Га-лай-да!

— Галайда!!! — Холодные капли пота проступили на лбу Каменщикова... Этот вечно неуловимый, этот вечный атаман, на тачанках постоянно несущий поражение, этот Галайда, чье имя приводило в трепет и ужас лучшие части, был в их руках и ушел.

В ушах Каменщикова звенело. На висках надулись жилки. Переводя дыхание, он крикнул, в последней надежде, что, быть может, его кто-нибудь взял из своих:

— Кто расписался? Кто?

Через мгновение хриплый голос доложил:

— Какая-то «Ревком»...

Швырнул трубку, весь красный отскочил от телефона Каменщиков.

— Проворонили... Идиоты!

И, бросившись к генералу, задыхаясь от злобы, сделал резкий доклад. Макаров сообразил, и холодок пробежал по спине, а в глазах сверкнула радость, и смех раздвигал его челюсти.

«Молодец Катя». И равнодушно пил вино, безучастно осматриваясь вокруг, а сердце все дрожало от радости.

Генерал даже привскочил.

— Что? Кто смел? Поймать! Арестовать! Повесить!

Энгер переглянулся с Ивановым. Встали и быстро вышли из курильни.

Улицы, поглощенные тьмой, едва разрезывались глазами автомобиля. Где-то высоко, вверху, качались бледные, расплывчатые пятна света.

В поле зрения глаз авто появились силуэты трех качающихся пьяниц... Они шли так, что объехать их не представлялось возможным.

— Пьяная сволочь! — крикнул Энгер, высовываясь из застопоренного автомобиля.

Три силуэта на мгновение замерли, остановились, и вдруг распались. Средний, качнувшись, упал. Остальных поглотил мрак.

— Проклятие!

Вылезли из автомобиля, подошли к лежащему. Энгер хотел приподнять голову, но отдернул руки.

— Мокро... Посвети.

Иванов щелкнул электрическим фонариком. Луч света осветил руки Энгера. На руках была кровь.

— Кровь, — сказал Иванов.

Перевернули лежащего лицом кверху.

В небо, в туман, во мрак смотрели холодные глаза Ленгулова. В них застыл страх, страх момента, когда глаза всех присутствующих товарищей уставились на него.

На груди странно белела приколотая записка. Луч фонаря скользнул по записке.

«Провокатор».

— Это дело красных, красных...

Глава XXVI.

7 8 9 2.

Где-то позади — тюрьма, допросы и расстрелы, а впереди леса, удадь, тачанки, хмель отваги и победа, победа... Автомобиль рвал расстояния. Джон превзошел себя. От предельной скорости автомобиль дрожал, как натянутая струна, готовая каждую минуту лопнуть.

Какие-то улицы, какие-то бульвары, какие-то офицерские патрули, беспомощно разводящие рукава перед авто-

мобилем. В лицо ударило море. Замедлил ход.

Джон, повернувшись к Кате и Галайде, в первый раз пожал им руки.

— Большевик, — произнес Джон.

Галайда так сжал руку Джона, что тот тряхнул пальцами и улыбнулся во весь рот.

— Рабочая рука... Большевик... — И засмеялся. Галайда тронул Джона за плечо.

— Ну, останови пока что. К рыбалке пойду.

Пожал руку обоим и отошел во тьму... А потом из тумана голос.

— Когда буду в безопасности — свистну.

Автомобиль отъехал в сторону.

Джон вынул из кармана пачку денег, завернутых в подписной лист, и сунул их Кате.

Катя недоумевающе развернула пакет и вздрогнула.

— Деньги!

— Yes. От рабочих Англии.

Полоса света уличных фонарей осветила автомобиль. Катя развернула бумагу.

Джон, увидя немного изумленное лицо, поспешил на помощь.

— Товарищ... Это так... Пролетарии всех...

— Я большевик... — радостно ткнул он себя пальцем в грудь.

Мимо прошел офицерский патруль.

— Пропуск.

— Вот! — и Джон ткнул автомобильный пропуск.

Галайда быстро шел по переулку. Высокие стены не давали возможности перемахнуть через них... Темно... Впереди кто-то чиркнул спичкой, закуривая папиросу. На мгновение блеснул погон.

Галайда повернул обратно, но налетел на камень...

Выстрел...

Пуля чмокнула около. Галайда прижался к стене... К нему шли...

Мгновение выждал, бросился бежать зигзагами по улице.

Переулок... другой...

Патруль бросился на выстрел.

Галайда очутился замкнутым с двух сторон. Он метался из одного переулка в другой, наталкивался на выстрелы и бежал обратно.

Новый переулок...

Тупик.

Галайда остановился.. Он решил задушить первого. Тихо, неслышно крался из тупика вдоль стены, щупая рукой камни.

Выстрелы приближались, заставляя напряженно биться сердце Кати и Джона.

Под рукой Галайды провал.

Момент — и он был по ту сторону забора. Отбежал.

Остановился. И, заложив пальцы в рот, свистнул.

Выстрелы... Но патрулям не под силу было найти уже Галайду. Он бежал к морю.

— Свист, — сказала Катя, — едем.

Позади них, в глубине улицы, мчались прямо на них два глаза... Приближались с каждым мгновением...

— Это Энгер. Я чувствую, — крикнула Катя, — скорей, скорей...

Автомобиль тронулся.

Глаза приближались неумолимо быстро.

— Нам не хватит бензина, — сказал Джон.

По Французскому бульвару мчались друг за другом автомобили.

Ночь не давала никому увидеть, кто в них сидит.

Шофер № 6341 старался лучами глаз попасть на номер автомобиля.

Мгновение, и Энгер прочитал выхваченный светом номер.

— 7892.

Автомобиль Энгера пролетел мимо. Катя выстрелила из браунинга... Несколько выстрелов...

Пуля оцарапала шею Энгера, а другая убила шофера. И автомобиль, не управляемый никем, налетел на фонарь, погнул его и, сломав радиатор, остановился.

Энгер выскочил из автомобиля и в момент, когда мимо пролетел автомобиль Джона, выстрелил.

Тьма... Автомобиль промчался.

Макаров измучился, взгляды его нервировали, он в каждом читал подозрение. А Кати все нет и нет.

Катя появилась. Он вздрогнул. Пошел. Навстречу добродушный Каменщиков, только что протрезвивший голову ушатом воды. Остановился.

И, дружески похлопывая Макарова по плечу, произнес:

— А я, батенька, где-то тебя видел...

Макаров, улыбнувшись во весь рот и приветливо похлопывая его по плечу, ответил:

— Ну, как же, у Робина, наверное.

Не удался номер Каменщикова, не так легко поймать и смутить подпольника. И он, отойдя к трем офицерам контрразведчикам, указывая глазами на Макарова, сказал:

— Он здесь с женщиной. Следите за ним в оба. При выходе арестуйте.

Макаров понял все. Подозвал Тзень-Фу-Синя и, раскрыв бумажник, вынул «колокольчик». Развернул его и нашел в нем записку.

«Не старайтесь узнать меня. Открыться организации сейчас не могу. Под павлинами (ширма) пакет для армии.

7 + 2».

Три пары глаз впились в Макарова. Он понял, что в этот момент сделал промах. Но железная уверенность в своей силе и превосходстве вернула ему обычное хладнокровие. Усмехнувшись, дав на чай китайцу, он спокойно разорвал записку и, скомкав ее, проглотил, а потом, улыбаясь трем офицерам, запил вином.

— Какая наглость, — возмутился Каменщиков.

Катя сидела в ложе Ван-Рооза. Тот спокойно посасывал трубку, цедя слова.

— Стены имеют глаза и уши. Сиди спокойно.

Вошел Тзень-Фу-Синь, принес трубку и, подавая ее Ван-Роозу, сказал:

— Англичанин арестован.

Катя вздрогнула, Ван-Рооз спокойно погладил ее по руке.

— Сиди спокойно. У него большие друзья, но тебе надо уйти.

Катя приподнялась и увидела через занавесь проходящего Макарова.

Глаза встретились... Момент... Макаров ушел далее, разговаривая с приставшим к нему офицером.

Каменщиков, отведя в сторону поручика и указывая глазами на Макарова, сказал:

— Этого в расход. Понимаете?

— Сейчас?

— На улице... на улице, батенька.

И, увидя проходящую мимо Катю, весь улыбаясь, пошел за ней.

Глава XXVII.

Сентиментальная история приобретения Горбовым маузера.

Бросив провокатора перед автомобилем, Горбов снова встретился с товарищем на следующем углу улицы.

— Это проехал проклятый Энгер.

— Я думаю завернуть к курильне.

— Зачем?

— На всякий случай, их ведь только двое...

И разошлись... Горбов пошел к курильне, и другой в типографию набирать прокламации.

Сколько печатали прокламаций, сколько расклеивали? А эти серые листки шероховатой бумаги с серыми буквами «Товарищи рабочие» создали панику в городе. Город не дышал, со дня на день ожидая переворота... Военные власти теряли голову, теряли самообладание, теряли власть как над населением, так и над гарнизоном.

И сейчас подпольный город не спал.

Где-то выкапывали оружие, куда-то носились патроны, где-то формировались дружины, рассеянные по всей окраине, чтобы в один момент соединиться в несокрушимую лавину революционной массы.

Горбов вою жизнь мечтал о маузере. Не о револьвере, не просто о нагане, нет, о маузере, о маузере в деревянной кобуре, маузере, стреляющем, как винтовка.

Эта тайная мысль и гнала его к курильне в надежде натолкнуться на офицера с маузером.

Мимо него проплелся извозчик с двумя офицерами.

Ветер разгонял туман. И еще час, час ночной тьмы, а потом рассвет.

Катя пробежала, улыбаясь офицерам, через зал, коридор, ложи. Сердце забилось. На стуле сидел прямой каменный Энгер, которому другой офицер делал перевязку.

Затаив дыхание, проверила браунинг и прошла мимо.

Ван-Рооз, вышедший откуда-то сбоку, успел шепнуть:

— Смелее...

Энгер, скользнув взглядом по Кате, кивком пальца подозвал китайца.

— Кто эта женщина?

Улыбка. Глубокий поклон.

— Ван-Рооз знает всех своих гостей... О тебе он знает, что ты храбрый офицер, а о ней, что она красивая женщина.

Снова долгий поклон. Мимо спешил Каменщиков, пристегивая к поясу маузер.

— Стой, полковник.

— Некогда.

— К черту... Меня чуть не убили.

Каменщиков сделал страдальческое лицо.

— Не могу, батенька, другой раз. Ой, тороплюсь.

И Каменщиков выбежал из курильни.

Энгеру хотелось поделиться своим приключением, но некому рассказать. Не рассказать же в самом деле Макарову, проходившему мимо с офицером, которому Каменщиков приказал вывести Макарова в расход.

Мимо Горбова, прижавшись к стене, прошла быстро Катя. Как тень, Горбов побежал за ней. На минутку остановилась и оглянулась назад.

— Нет, нет еще никого. Все в порядке.

Чертыхаясь, бежал к пролому Каменщиков.

«Выпустишь, уйдет баба...»

Пробежал, оглянулся... Увидел вдали силуэт Кати, бросился за ней. Каменщикова увидел Горбов. В два счета очутился на дереве и притаился на нижней ветке, затаив дыхание, поджидая Каменщикова.

Макаров и офицер спокойно шли по улице. Макаров выхватил бумажник, выронил несколько английских фунтов и бросился их поднимать, роняя из бумажника другие.

Офицер, забыв обо всем, бросился помогать Макарову. Макаров беспечно собирал, готовясь к решительному прыжку. Раз... и рука офицера, державшая наган, сжатая железной рукой Макарова, выпустила револьвер.

Макаров поднял наган. Бросил офицера.

— Соберите деньги! Ну...

— Что?!

Но дуло нагана имеет чрезвычайно верное свойство заставлять делать то, что хочет другой...

— Спасибо... — сказал Макаров, забирая деньги у офицера.

Его взгляд случайно упал на водопроводный люк.

— Поднимите крышку. Так.

И дуло нагана закачалось между глазами поручика.

— Честью прошу вниз...

В тот момент, когда офицер с проклятиями спускался в люк, на пробежавшего мимо дерева Каменщикова кошкой упал Горбов.

На земле бился клубок тел.

Каменщиков был очень силен, но все же не мог разнять пальцев Горбова.

Его тело вытянулось, задергалось, руки бессильно опустились, и вместе с хрипом вылетела на воздух душа начальника контр-разведки, полковника Каменщикова.

Макаров встал крепко на крышку, мешая офицеру отворить ее снизу, и стал спокойно закуривать папироску.

Горбов, задушив полковника, отстегнул маузер и весь даже побледнел от радости.

— Маузер...

И, ласково улыбаясь своим мыслям, мыслям, от которых стало бы жутко белым, Горбов любовно погладил маузер.

— Ни одного промаха... — вслух решил Горбов.

— Ни одного... — и поцеловал маузер.

Глава XXVIII.

И французская булка может укоротить жизнь.

Все с утра для генерала складывалось хорошо. И сейчас он, сияя, заложив руки за спину, бегал по кабинету, мурлыча себе под нос «Сильва, ты меня...» Еще бы ему радоваться! Утром у него была Катя, его очаровательная незнакомка из курилки, и так мило просила разрешения на свидание с арестованным вчера английским шофером. Конечно, он не мог ей отказать.

— А ловко я ей назначил прийти за пропуском в десять вечера. И он запел почти во весь голос «Сильва, ты меня не любишь».

В дверях застыл адъютант, ловя минутку генеральской передышки.

— «Сильва, ты меня погубишь». А, что угодно? Не дают работать, черт знает что такое.

— Виноват, ваше превосходительство.

— Работу прерываете. Да знаете ли вы, господин поручик...

— Ваше превосходительство, вас ждет представитель Англии.

— Что! Ну, они меня в гроб уложат... Просить...

В дверь спокойно, чуть улыбаясь, вошел Барлетт.

— Генерал, ваша армия отступает, не давая боя... Я требую, чтобы вы задержались на линии...

— Ваша светлость... по последним сводкам мы укрепились в районе...

— Довольно, генерал, я знаю цену вашим сводкам, — и Барлетт задумался.

— О, с такими стратегами скоро очутишься в море, и тогда прощай мечты о колониях.

Барлетт сел в кресло. Вынув свою записную книжку, стал отмечать последние новости. Ход его размышлений прервал совершенно нелепый вопрос генерала.

— Что прикажете делать с вашим шофером, ваша светлость? Он большевик. Его придется расстрелять.

— Ну, и черт с ним, одним большевиком меньше будет.

Молчание. Барлетт закурил сигару и, с усмешкой поглядывая на генерала, думал:

«Вот все они такие: “за святую Русь!”»

Генерал, сделав умное лицо, погрузился в сводки. Дройд, просидев у столика в приемной, строчил по обыкновению обширную корреспонденцию в «Таймс». Время деньги. И Дройд не любил терять времени. Написав длинную страницу, Дройд аккуратно подсчитывал слова и отмечал количество их на обороте, подсчитывая сумму гонорара.

В этот момент лицо Дройда было одухотворено.

День прошел, как и все... По штабу метались командиры полков, щетно разыскивая местонахождение своих частей.

— Полковник, ваш полк, э-э, расположен у деревни... Э... э... вот здесь...

— Я только что оттуда. Там не только моего полка нет, а и вообще ничего нет.

— Странно, не может быть.

У дежурного генерала было свое горе. Полк в составе трех тысяч офицеров, от полковника до поручика, отказался выступить на фронт, мотивируя отказ болезнью. Пришлось на-

значить комиссию, которая по воскресеньям пыхтела над проверкой полка. Во главе комиссии стоял безукоризненно честный доктор, генерал Гроссман, который при всякой власти одинаково свидетельствовал как белых, так и красных.

Коменданты одесского укрепленного района сменялись один за другим. И сейчас назначенный полковник Стессель-младший печатал приказ, обещая вешать каждого офицера, не вошедшего в добрармию, на первом попавшемся фонаре.

О столь доблестном полковнике из уст в уста носились иронические куплеты:

Мы любим водку пить при марше,
И нам не страшен даже черт.
Порт-Артур сдал наш Стессель-старший,
А младший сдаст Одессу-порт.

Куплеты пелись, читались, декламировались. Стессель печатал приказы, которые некому было выполнять. Караульные офицерские полки сами эвакуировались одиночным порядком. Оставались только те офицеры, которым некуда было деваться.

В солдатских частях шла пропаганда, и прокламации делали свое дело, превращая добровольческие части в большевистские.

Эта жестокая действительность заставляла офицеров английского генерального штаба выказывать полное презрение к русскому офицерству.

И снова рестораны, кутежи, обыски, аресты, вино, море вина, в котором хотели утопить свою тоску буржуазия и офицерство. Гремели оркестры, а с театральных эстрад неслись громкие задорные куплеты, высмеивающие генералов — вождей добрармии.

На юге вечер как-то сразу, без особых переходов, погружает улицы во тьму... Зажегся свет в окнах. А в комнаты обывателей вселился страх и ужас.

— Завтра красные... О, господи, что же делать?..

Срывали занавеси, прятали белье, ковры... На улицах можно было встретить странно-суетливых людей, несущих подмышкою тючки, чтобы спрятать у своей прежней прислуги или у приятеля прислуги, мещанина с Малой Арнаутской. Эти человечки метались по улицам, наталкиваясь друг на друга, и паника росла.

— В Харькове вырезали всех, даже детей...

— И не говорите, что в Харькове, — в Киеве даже дома разрушили.

Над Одессой висела Красная армия в лице бронепоезда «Ильич» и в лице отряда Галайды, который, бежав из тюрьмы, в настоящий момент ехал рысцой на простой телеге, мужик-мужиком, хитро улыбаясь при встрече с офицерством.

Всюду в городе кипела жизнь, и только была одна тоска в одиноких камерах тюрьмы.

В одной из камер Джон бродил из угла в угол. Сильные руки сжимались в кулаки от бессильной ярости.

— Меня расстреляют...

И снова бег, бег, бешеный бег по камере...

А в это время старый охающий монах поднимался на колокольню, на которой он провел не один десяток лет. Для него ничего не изменилось. Для него жизнь давно остановилась. И если бы не пристрастие к вину, которое с каждым днем все труднее и труднее доставалось, ничего не нарушило бы однообразие его жизни.

Влез на колокольню. По привычке взглянул на город, залитый огнями, тихо, со вздохом, посмотрел на большие часы и начал медленно отбивать удары...

На седьмом ударе, спугнув сову, монах истово перекрестился и задумался, потом вспомнил, что еще не добил время... Ударил два раза. Отошел и остановился у амбразуры, заглядевшись на город, думая о даром прошедшей жизни.

Станный бой часов, долетев до камеры Джона, поразил его. Он удивился.

— Семь и два. Девять... Через пару часов ночь и вероятный расстрел.

И, схватив глиняный кувшин, он с силой бросил его в стену...

Осколки, шум... Джон, схватив острый кусок, подбежал к стене.

Трудно царапалась стена, но Джон усердно царапал свое последнее прости товарищам рабочим...

Он царапал вечное, близкое, дорогое. Лозунг, звучащий одинаково на всех языках...

— «Workers of the world, unite!»

Последний крик перед смертью, крик, соединяющий его со всей рабочей массой всего мира... Крик, дающий силу спокойно посмотреть в качающиеся дула винтовок.

Джону стало сразу легко.

Что ж, он гибнет... Он единица из миллионов... Всех не расстреляют, и его товарищи, рабочие, как России, так и всего мира, придут к победе.

Джон спокойно лег на койку и заснул крепким сном молодости и силы.

Он мог спать...

Не могли спать и не спали два неразлучных, два не доверяющих друг другу офицера... Не спали Энгер и Иванов. Каждый, сидя в своем кабинете, в разных концах города, думали друг о друге.

Рука Энгера, вынув записную книжку, перелистывая страницы, остановилась:

«Дело капитана Иванова».

Перелистала дальше:

«Расстреляно контр-разведкой	
16-го сентября.....	11
17-го сентября.....	2
18-го сентября.....	4
19-го (именины Биллинга)	0
29-го сентября.....	46».

Мрачные глаза Энгера пронизывали эти страшные строчки и, казалось, видели, как в своем кабинете, этого вечно

улыбающегося Иванова, достающего желтое дело и старательно вырисовывающего буквы

«Дело ротмистра Энгера».

И задумавшись, покачивая головой, загибая один палец за другим, Иванов шепчет:

«Расстрел комбрига-42, Сушкова... Раз.
Разгромили явку. Два...
Повесили двух коммунистов... Три.
Арестовали английского шофера... Четыре».

И Иванов, мягко улыбаясь, встает и кошачьей походкой начинает ходить по кабинету. Его мягкие шаги скрадывают ковры, а глаза скрывает полутьма от абажура лампы...

Энгер продолжал работать над кровавым синодиком, когда в комнату ворвался Рунд...

— Господин ротмистр, при проверке тюрьмы...

— Ну?.. В чем дело?.. Короче, господин штабс-капитан.

— Вот передача англичанину, — Рунд положил перед Энгером французскую булку.

— Ну?..

— Вот, — и Рунд разломал булку пополам, и из середины выкатилась записка.

Энгер спокойно взял записку и прочел:

«Не беспокойтесь за свою судьбу.

7 + 2».

Мрачные глаза Энгера сузились от злобы. Он заскрежетал зубами, скомкал записку и, ударив кулаком по столу, вскочил.

— Проклятая сволочь, я потребую, чтобы этот бульдог был сегодня же ночью расстрелян.

— Кто это, «7 + 2»?

— Кто? О если бы я знал!.. — Энгер хрустнул пальцами.

— Даже в какой-то церкви, какая наглость, всему городу бьет этот таинственный шифр «7 + 2».

Рунд вздрогнул, ему сразу стало жутко. Он вспомнил недавний звон часов на какой-то церкви. Ударили сначала семь и через некоторый промежуток два.

— Действительно, — пробормотал Рунд. — Но все-таки завтра будет суд над англичанином.

— К черту суд... Я сам ему, сам сегодня же ночью все девять штук всажу в живот... Семь плюс два. Вот и весь суд!.. — и, схватив со стола парабеллум, Энгер в исступлении грозил в пространство.

Глава XXIX.

Неудачное свидание генерала.

С девяти часов у генерала Биллинга все было приготовлено к приему Кати. В глубине громадного зала, в уголке, убранном коврами, на маленьком столике стояли два прибора, фрукты, вино, ликер, цветы. Генерал сидел в глубоком кресле, тщательно полируя свои ногти, время от времени поглядывая на часы. Вестовой метался по комнате, и каждый раз генерал на него шикал...

— Френч!

Вестовой прибежал с френчем. Насвистывая ариетку, генерал в последний раз бросил взгляд на свою белоснежную рубашку, поправил манжеты и стал одевать френч.

— Ты смотри... Меня нет дома. Понял?..

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Меня нет дома для всех, а когда придет одна дама, проводишь ее сюда. Пшол...

Часы отбили последнюю четверть...

А через четверть часа генерал кусит радость с той прелестной, таинственной незнакомкой.

Вестовой направился к выходу и в дверях растерянно столкнулся с ротмистром Энгером. Не успел ничего сказать и только растерянно развел руками.

Ротмистр быстро подошел к генералу.

— Прочтите, генерал, — и подал записку.

— Ах, опять дела... Ради бога, Энгер, скорее. Чего вы хотите? — отстраняя записку, простонал генерал.

— Я прошу о немедленном расстреле англичанина-шофера.

— Что? Шофера... Что вы лезете с такими пустяками. Расстреливайте на здоровье кого угодно и когда угодно.

— Я его расстреляю сегодня ночью.

— Хорошо... Пожалуйста... Я не хочу сегодня дел. Не хочу!

— Подпишите требование о выдаче.

Генерал поглядел на часы и, увидев, что скоро десять часов, заторопился.

— Ради бога, бумажку. Подпишу.

Генерал был полон желания как можно скорее отделаться от Энгера. Нервно схватил бумажку и подписал.

— Довольны? Надеюсь, что вы меня освободите.

В это время в комнату быстрыми шагами вошла Катя. Изящная, как никогда. Вуаль, скрывающая черты лица, делала ее еще пикантнее.

Подняв вуаль и бросив сумочку на преддиванный столик, Катя подошла к генералу. Генерал, поглядывая беспомощно на Энгера, приглашал его взглядом как можно скорее выйти, но Энгер не понимал и сухо стоял, не имея желания двинуться с места.

Катя, сняв перчатку, посмотрела на часы.

— Я пришла точно, генерал. Вы должны исполнить обещание и дать мне пропуск.

— К Джону Фильбанку? — сухими губами спросил Энгер. Катя обожгла взглядом ненавистную фигуру ротмистра.

— Да.

Генерал умоляюще взглянул на Энгера и поднес палец к губам. Но Энгер, игнорируя генерала и, смотря в упор на Катю, отчеканивая слова, произнес:

— Он сегодня в три часа ночи будет расстрелян лично мной.

Холодно поклонился и отошел к преддиванному столику. Делая вид, что одевает перчатки, Энгер быстро схватил сумочку Кати и, вынув браунинг, спрятал его в карман. Оглянувшись на растерянного генерала и окаменевшую Катю, Энгер, жестко улыбнувшись, вышел.

Генерал успел все-таки отвести Катю в приготовленный угол и суетился, желая снять с нее пальто.

Катя забылась. Вечно на дороге этот проклятый Энгер. Вечно он, он и он... Ни одного шага, чтобы не столкнуться с его волей, с ним. Опомнившись, отвела руки генерала и, схватив сумочку со столика, выбежала из комнаты.

Генерал остался совершенно ошеломленный. Он испустил глубокий вздох и упал в кресло, вытирая выступивший на лбу пот.

На улице Катя подбежала к извозчику.

— Занят.

Катя пробежала дальше. Остановилась. Где Энгер? Она должна вот сейчас, сегодня убить... убить, уничтожить его, чтобы он не сорвал их работы, чтобы не помешал подготовке восстания.

Оглянулась.

В пролетку сел Энгер.

Вся — порыв, Катя раскрыла сумочку, но рука не столкнулась с холодной лапкой стального металла.

Энгер, проезжая мимо и видя растерянное лицо Кати, улыбаясь, небрежным жестом швырнул ей под ноги револьвер.

Проехал дальше.

Катя, схватив револьвер, задрожала от злости. Побежала по улице. А в голове одна мысль:

«Сегодня в три часа ночи... Сегодня в три часа ночи...»

Генерал вскочил с кресла, позвонил и со всей генеральской яростью обрушился на вошедшего вестового.

— Идиот!.. Я приказал никого не принимать? Прикаазаал?!

И, заложив за спину руки, генерал побежал по комнате.

— Пойди скажи, чтобы тебя, сукин сын, поставили усиленным под винтовку.

Вестовой пошел к выходу.

— Да в полной выкладке, — крикнул вслед ему разгневанный генерал.

Глава XXX.

Небывалое легкомыслие Джона.

В железнодорожной пятерке Макаров делал доклад.

Савелий внимательно слушал, и его умные глаза то и дело обегали лица сидящих товарищей.

— Итак, вот, из-под павлинов я вытащил этот пакет, — и Макаров положил пакет перед Савелием.

— Это диспозиции белых и сводки их положения.

— Вот что, ребятки, этот пакет надо отвезти к «Ильичу». Кто прошлый раз ездил?

— Я, — встал Горбов. Рискованно, но прошло благополучно. Разрешите поехать сейчас.

— Хорошо. Возьми двух, — и Савелий передал пакет.

О провокаторе не было сказано ни слова. Он ушел из жизни. Его не стало. А говорить о больном вопросе некогда, да и не стоит.

В комнату вбежала Катя.

— Товарищи, англичанин, привезший деньги от рабочих Англии, будет сегодня расстрелян.

Перевела дух.

— Его лично расстреляет ротмистр Энгер.

Молчание. Ротмистр Энгер был той кровавой тенью, которая мешала дышать пятерке. Его убрать было бы не долго, но так как партия была против террора отдельных лиц, он все еще жил. Хотя не раз горячие головы молодежи мечтали об его убийстве.

— Надо его освободить, — сказал Макаров.

— Стыдно, — сказал Савелий, — у нас подготовка восстания, каждый на счету, и мы не имеем права идти на приключения.

— Но его надо освободить, — сказала Катя, устало опускаясь на стул. — Он ведь помог освободить Галайду.

Жуткое молчание. Двое рабочих отошли в сторону, посоветовались и подошли к Савелию.

— Савелий, мы два — не партия, мы пойдем, попытаемся его освободить. Только двое.

— Горячие головы, — улыбнулся Савелий.

— Мы пойдем. Мы не так нужны организации. Мы можем рискнуть.

Савелий промолчал. Молча подошел и молча пожал руки. Рабочие быстро вышли из комнаты.

Катя, вынув браунинг, бросила его на стол.

— Дайте патронов.

Макаров подставил стул, достал из отдушины обоймы, зарядил браунинг и подал Кате.

Уже ночью разошлась пятерка. Железной рукой ревком диктовал действия пятеркам и строил мощную подготовку восстания. Ревком был неуловим. Ревком был ужасом контрразведки и штаба. Приказы ревкома, расклеенные на стенах города, были более обязательны, чем все приказы командующего областью.

К тюрьме торопливо, неслышным шагом шла группа рабочих, человек в шесть. У некоторых на поясах были «лимонки», а под пиджаками торчали, отдувая их, обрезы.

Остановились у ворот.

— Ну, братва, надо связаться с тюрьмой. Для сигнализации.

— Я.

— Я, — сказали одновременно отпросившиеся у Савелия рабочие.

— Хорошо. Лезьте через стенку и караульте двери. Как выведут через ворота, — бомбу во двор для отвлечения, а другую в начальство. Понятно?

— Да.

— А ты залаг здесь.

Два силуэта поползли к стене. Далеко маячил силуэт часового. Раз... Крюк зацепился за стену. И двое рабочих были на той стороне стены.

Замерли. И тихо, тихо пошли вдоль здания.

Джон спокойно спал на койке. Крепкий сон освежил его мускулы. И не верилось, что этого красивого, сильного, энергичного человека через десять-пятнадцать минут расстреляют.

На далекой колокольне пробило три часа.

В камеру вошел солдат.

Джон вскочил.

— Уже... На расстрел?

— Да. Приедут забрать «под травку».

Джон подошел к солдату, схватил его за руку, поднял его ладонь кверху и показал свою...

— Мы рабочие.

— Это правда, — согласился солдат, — но ты большевик.

— Мы все большевики, — обрадовался Джон.

Солдат вдруг тихо, тихо, еле шевеля губами, прошептал:

— Если будешь бежать, я не буду стрелять. Не буду.

Джон крепко сжал руку и вышел из камеры.

Грузовоз Энгера с шестью солдатами заставил задрожать дом, в котором жила Катя. Грохот разбудил Катю, и она, вскочив с постели, бросилась к часам.

Будильник в ее руках пробил три часа, и она сквозь циферблат увидела приближающееся, смотрящее на нее в упор лицо Энгера.

«Три часа... Сейчас Энгер расстреливает Джона».

Быстро торопясь, Катя стала одеваться. Не отдавая себе отчета, Катя положила браунинг за лиф. Выбежала из комнаты, накинув на голову шарф.

— Три часа...

А грузовоз мчался к тюрьме только за одним шофером, которому делал честь Энгер, принимая лично участие в расстреле.

Рабочие тихо крались вдоль стены, но все-таки один поскользнулся о камень и тем произвел шум.

Часовой остановился и, выхватив свисток, засвистал.

— Беги!

— Я останусь.

— Беги... у меня лимонки. Отвлеки от меня.

Рабочий побежал.

Выстрел. Другой.

По веревке через стену... Команда выскочила из караулки.

К воротам подъехал грузовоз.

Рабочий остановился, быстро-быстро вынув пачку денег, стал завертывать в них камешки и целыми горстями бросать по земле, отступая все далее и далее... Спрятался за угол.

В ворота ворвались солдаты и, увидя бегущий караул, бросились за ним.

Под ногами деньги.

— Деньги, — кричал первый солдат и бросился их поднимать.

Магическое слово сорвало и шофера с грузовоза, и привратника от ворот. Все бросились за деньгами, ловя, хватая жадно бумажки.

— Мерзавцы! Буду стрелять, — кричал Энгер.

Джона конвоир вывел из тюрьмы во двор.

Одним ударом в живот Джон опрокинул часового обратно в дверь и захлопнул ее на засов.

И очутился около Энгера, стоявшего у грузовоза.

За горло... Сильные пальцы Джона сжали так, что Энгер сразу потерял сознание. Некогда душить Энгера. В автомобиль его, сам за руль, и грузовоз вылетел из ворот.

Промчался мимо засады.

— Он спасся!

— Ну и ловкач!

— Сразу видно — большевик.

И засада со спокойным сердцем отправилась обратно. Остановившийся рабочий, прижавшись к стене, пропустил мимо себя солдат, подбиравших деньги, метеором подскочил к веревке, молнией перескочил стену и только по ту сторону пришел в себя. Грузовоз мчался.

Джон забылся и мчался к окраине, к «Одесской заставе», забыв и про лежащего Энгера и про все окружающее.

От тряски ротмистр пришел в себя. Приподняв голову, вынув осторожно револьвер из кармана, Энгер подкатился к Джону.

С револьвером в руках он тронул Джона за плечо.

Перед глазами Джона мелькнуло дуло револьвера и улыбающееся лицо Энгера.

В лице не было жестокости, а только насмешка, ирония и сознание своей силы, которую нельзя побороть.

Глава XXXI.

Оборот приказа.

Спрятав тщательно пакет и взяв связку приказов Биллинга, где на обороте были напечатаны прокламации, Горбов с двумя товарищами в эту же ночь мчался на дрезине.

Ветер целовал эти энергичные крепкие лица и радовался их бодрости и энергии.

Дрезина мчалась по уходящим вдаль серебрящимся рельсам.

Промчались мимо полустанков, обвеянных ночной свежестью. На повороте вырос пост, последний пост, где были еще расположены белые.

— Стой! Кто идет?

Горбов, остановив дрезину, выскочил и пошел навстречу.

Щелкая хлыстом по ботфортам, подошел штабс-капитан.

— Что это за сволочь?

— Везу по линии приказ о мобилизации.

— А... Гм... — штабс-капитан мельком взглянул на пачку приказов.

— Прикажете пропустить?

— Да.

И сев на дрезину, улыбаясь, Горбов сунул солдатам пачку приказов.

И снова ветер и снова рельсы, уходящие в даль.

Снова полустанок. Лес... И наконец станция, на которой положится по ветру красный флаг. У станции застыл массивный бронепоезд «Ильич».

— Где комиссар?

Подожли двое в кожаных куртках, с открытыми биноклями на ремешках. В руках у командира карта.

— А, старые знакомые!

— Вот, из штаба...

И пакет очутился в руках комиссара.

Вскрыли. Беглый просмотр.

— Ну, вот что, товарищи, — сказал командир. — Значит завтра. Мы с одной стороны, Галайда с другой, а вы в городе. Начинайте с рассвета. Никаких изменений. Хоть тресни..

Командир и комиссар пошли в вагон совещаться о полученных сведениях.

На посту же солдаты нехотя просматривали приказ. Одному пришлось в голову перевернуть приказ.

«К товарищам рабочим».

Громкий хохот солдат приветствовал воззвание.

— Молодцы!

— Не нашим чета!

— Вот эти работают!

И углубились в чтение. Солдатам нравилась эта беззаветная храбрость, удаль рабочих, которых каждую минуту могли расстрелять за подобные приказы. Риск жизнью, значит есть за что рисковать, значит идея большая, великая идея. Солдаты с наслаждением читали, поддаваясь убедительности простых, но крепких слов.

«Нет иного выхода, кроме вооруженной борьбы.

Будем готовы. Смерть или победа.

Да здравствует Советская Власть...

“Ревком”».

— Дда, — хотел еще что-то сказать солдат, но остановил-

ся и пытливым взглядом оглядел товарищей.

— Правы они, — сказал другой.

— Наша судьба с ними, — решил третий.

И снова серьезно углубились в чтение.

— Что читаете? — раздался голос штабс-капитана.

— Приказ, ваше благородие.

Повертел равнодушно приказ и случайно перевернул на оборот. Сразу побагровел и, скомкав приказ, он вырвал из рук солдат остальные листы.

— По местам, сволочь!

Солдаты разошлись, крепко сжимая винтовки. Еще раз они почувствовали, что их правда не здесь, с офицерством, а там, с рабочими.

«Ну, ничего, наш час придет» — думали они, улыбаясь, предвидя победу красных.

Горбов с товарищами получили письменные инструкции. Прошли на станцию и наткнулись на один сиротливо стоящий паровоз. Одна мысль, одно желание. И паровоз живо, почуяв жизнь, двинулся по рельсам, ведомый опытными руками.

Вихрем промчался паровоз мимо поста, мимо полустанков, через мост и, несмотря на закрытый семафор, Горбов ни на минуту не замедлил хода.

— Одно слово: жарь всюю!

И паровоз вихрем ворвался на станцию Одесса. Наступило утро.

Через сутки начнется восстание.

Играла кровь у Горбова и он, мечтая о восстании, ласково улыбался своему маузеру, спрятанному в железнодорожном депо.

Глава XXXII.

Записки Дройда.

«Положение ухудшается с каждым днем. В тылу белых вакханалия. Грабеж, спекуляция, кутежи, самый утонченный разврат и издевательство над населением. Население с нетерпением ждет красных, и этого ждут не только рабочие окраин, но и обыватели, которые, разуверившись, отвернулись от белых.

Офицерство распустилось. Оно, уверившись в своей безнаказанности, живет как угодно, оставляя фронт, дезертируя, кутя и грабя. Офицерство не верит в свои идеи, и у него одна идея — деньги. Прожигая свою жизнь в шантанах, махнуло на все рукой. Кража казенного имущества идет всюю. Обмундирование, присланное нами, не доходит на фронт. Оно распродается на месте.

Коменданты городов меняются как перчатки. Печатают только одни приказы, бесконечные приказы, которых никто не читает и не выполняет.

Полным контрастом является Красная армия. Руководимая выдержанными товарищами, она бьет белых на каждом шагу. И неудержимо продвигается вперед, тесня сбитые части. О красных рассказывают чудеса. Танки, перед которыми бежали немцы на Марне, берутся красной пехотой.

Партизанские отряды совершают также рейды в тыл, перед которыми бледнеют все исторические рейды великих стратегов. Тачанки, изобретенные красными партизанами, наводят панику всюду. Партизаны — это крестьяне, восставшие против Деникина, отнявшего у них землю. Они массами уходят в лес, где формируются в отряды.

Партизан разбить нельзя. Они рассеиваются, чтобы снова, в другом месте, собрав группу, нанести неожиданное поражение белым.

В тылу у белых организованно действуют неуловимые большевики, создавая панику, терроризируя командова-

ние. Контр-разведки расстреливают сотнями, но бессильны поймать и уничтожить ревком.

О ревкоме ходят сказки, создавая ему еще большую силу. Белые совершенно беспомощны. Во всех своих начинаниях подражают красным. Организованный ими «осваг» — это просто трата наших денег. Издают тощие книжки беспомощных авторов. Нет мысли, нет яркости суждения. Печатаемые плакаты кричат об одном: о ненависти к евреям. И вместо того, чтобы зажигать против идеи большевизма, они разжигают ненависть к еврейству и способствуют погромам. Плакаты производят совершенно обратное действие, агитируя против белых. Чувствуется приближение их гибели. Мобилизации производятся принудительным порядком. Для проведения их в село назначаются конные отряды со взводом артиллерии.

Дезорганизация. Развал. В рядах армии свирепствует сыпной тиф. Целые поезда прибывают на станции, груженные трупами. Белое командование ничего не видит. Оно ослеплено и все время проводит или за мемуарами для истории, или с женщинами. Каждый уважающий себя генерал имеет по несколько женщин, на которых и тратит колоссальные суммы, отпускаемые нами для армии. Протрезвление белых начнется после эвакуации.

Банки заблаговременно эвакуируют. Катастрофу не хотят видеть, не чувствуют ее приближения».

Дройд остановился, задумался, закусив карандаш, и перечеркнул написанное.

«Правду писать нельзя — не выплатят гонорара». И стал писать снова.

«Добрармия дерется за каждую пядь земли, орошая геройской кровью своих доблестных офицеров и солдат родную землю, захваченную узурпаторами-большевиками.

Но близок час — час освобождения».

Дройд писал, а в соседнем номере «Европейской» нежил-ся в постели сэр Барлетт, посасывая свою неизменную сигару.

Генерал Биллинг, после совещания в штабе, немного озабоченный, нервно вошел к себе.

Повесил пальто. Рука его нащупала бумажку, прикрепленную к вешалке. И он прочел:

«Товарищи! Смерть наемникам иностранного капитала!»

Скомкал и швырнул на пол.

Снял френч и, подойдя к письменному столу, повесил его на спинку кресла и нахмурился. На письменном столе, под чернильницей и всюду, лежали серые листы прокламаций.

Отовсюду на генерала смотрели проклятые слова: «Товарищи».

Комкал, рвал и бросал.

Ударило в пот. Пошел к постели — на подушке прокламация.

— Черт знает что такое!

Разделся, потушил свет и ринулся под одеяло. Зашуршали бумаги под телом. Вскочил, зажег свет.

Вся простыня была устлана прокламациями.

Словно бешеный, генерал с наслаждением рвал каждый листок, и скоро хлопья разорванных на клочки прокламаций, как снег, покрыли ковер. И генерал, с наслаждением натянув на голову одеяло, заснул.

Глава XXXIII.

Тринадцатая трубка генерала.

Сегодня был вечер «черного дыма». Генерал, откинувшись на спинку дивана, сосредоточенно втягивал черный дым, глубоко его вдыхая. Он курил уже одиннадцатую трубку.

Генерал Гаврилов, назначенный вместо убитого Каменщикова, не мог привыкнуть к курению и, затянувшись два раза, долго кашлял и держался за горло.

Самарова кошечкой расположилась на кресле и разговаривала с Энгером, изредка бросая на него томные взгляды.

Иванов углубился в трубку, полузакрыв глаза, и только чуть заметное трепетание век показывало, что он все великолепно слышит и чувствует. И по обыкновению, даже выпуская дым, он складывал углы рта в ироническую улыбку.

— Вы понимаете, — говорил Энгер, чуть пригубивая бокал вина, — он мне так сдавил горло, что я потерял сознание. Очнулся от тряски где-то у заставы... Ну, конечно, за револьвер и, вы понимаете, приставил ему ко лбу. Не будь шофер глуп, он должен был бы прикончить меня.

Генерал потрепал Энгера по плечу.

— Молодчина, Энгер!

Веки Иванова дрогнули и приоткрыли его внимательные, чуткие, настороженные глаза.

— Автомобиль мчался — я управлял. Влетел на мост, а на встречу курьерский, я едва выскочил и едва успел отбежать к перилам. Шум, треск, автомобиль вдребезги... И вот, я здесь.

Иванов снова открыл глаза и старался заглянуть в самую глубь Энгера.

— Трубку, — крикнул генерал. И, затянувшись из трубки, генерал налил себе бокал и, подняв его, торжественно провозгласил.

— За Энгера! У кого крепче нервы, тот победит. Мы ученики Гинденбурга.

Чокнулись. И снова дым. Молчание.

— Трубку.

Тзень-Фу-Синь быстро накаливал опийный шарик. Из глубины появился Ван-Рооз и, обращаясь к Тзень-Фу-Синю, спросил:

— Какая трубка?

— Тринадцатая.

И подал трубку генералу.

Генерал милостиво протянул руку для поцелуя. Тзень-Фу-Синь улыбнулся и отошел.

Генерал грезил. Черный дым покрыл сознание и перед ним вырос «Кремль». Белые стены, тысячные толпы наро-

да, а он едет на белой лошади... Несут ключи. Несут корону. Поют. Поют ему, генералу Биллингу, «боже, царя храни». Он уже на троне, в порфире. Он величественно поднял руку... Зигзаги молний, и из тьмы матрос. Злобное лицо, горящие глаза, а на ленте надпись: «Алмаз». Матрос протягивает руку, тянет ее к генералу. Корона падает. Генерал хочет крикнуть и не может. Наконец обернулся, перед ним взвод матросов и ряд черных ружейных дул. Генерала бросило в холодный пот, и он очнулся.

Голова трещит, в глазах красные круги, ничего не может ни сообразить, ни понять. Во всем теле боль и напряжение. Острая злоба пронизала мозг. Сжав бокал в руке, он раздавил его и, не замечая крови, вскрикнул.

— Завтра утром обыск на всех заводах. Всех к одному знаменателю. Поняли? Энгер, поручаю это дело вам.

Энгер вытянулся в струнку и щелкнул шпорами.

— Будет исполнено!

Иванов, медленно отложив трубку и полуоткрыв глаза, прикрывая от всех свои мысли, пошатываясь вышел из комнаты.

В другую же сторону твердым шагом направился Энгер.

Снова дым, снова вино. Но на этот раз генералу снились страстные женщины, дивные объятия и такие танцы, от которых кровь стучала в висках, и сердце, казалось, вырвется из грудной клетки от напора желаний и похоти.

Ночь перед выступлением. Последняя ночь, а завтра к победе. Бились сердца рабочих, собравшихся на последнее подпольное собрание.

И сейчас в депо шли все начальники сформированных дружин за инструкциями, за назначением района.

А весь город трепетал, охваченный последними судорогами умирающего старого мира. Агония не будет слишком долгой. Еще недолго продолжаться утару, недолго литься вину, недолго любоваться фарсами с раздеваниями.

Сегодняшнюю ночь они еще живут, живут. Не все ли равно, что будет завтра. Эвакуация, бегство, бои. Быть может, смерть... Не все ли равно агонизирующим трупам, что будет завтра. Они сейчас еще живут. Да здравствует жизнь.

Рабочие сгруппировались около Макарова.

— Все отряды выступают в семь часов! По гудку.

Савелий сосредоточенно раздавал оружие. Из топок недействующих котлов выгребали патроны.

— Макаров, тебя к телефону, — подбежал рабочий.

Катя вздрогнула и схватила за руку Макарова.

— К телефону?.. Меня?.. — удивился Макаров и, оторвавшись от плана города, пошел в контору.

На территории депо никого из чужих. Сторожа зорко следили за проходящими и стучали в свои колотушки.

Взял трубку. Рабочий, позвавший Макарова, стал у дверей следить на всякий случай.

Громкий, немного заглушенный телефоном, голос передал:

— Пришлите за информацией в «Сахалинчик». На столе будет семь бутылок плюс два стакана.

— Что? Как?

Но отбой. Никто не отвечает.

Звонит... Звонит...

— У телефона Тзень-Фу-Синь. Что угодно?

— Кто говорил вот только что сейчас?

— Наверное, один из офицеров штаба.

Глава XXXIV.

Семь бутылок плюс два стакана.

В машинное отделение быстро вошел Макаров.

— Товарищи, странная телефонограмма.

— Ну, скорее!

— Кто-то из офицеров штаба просил прийти в «Сахалинчик», к столику, на котором будет семь бутылок плюс два стакана.

Сразу сделалось тихо, на рабочих вдруг дохнуло снова таинственным шифром. И сердце сжалось от тревоги.

Кате представился сразу столик с бутылками и двумя стаканами.

— Семь плюс два. Семь плюс два, — прошептала она, но вдруг недоверие, сомнение, и ей ясно представилось холодное, жестокое лицо Энгера, смотрящее на нее в упор. Она воскликнула:

— А вдруг это провокация Энгера?

— Провокация, — повторил рабочий.

— Товарищи, время не ждет. Провокация это или нет, мы должны пойти.

— Да... Да. А записки за этой подписью всегда приносили нам пользу.

— Восстания мы не задерживаем. Мы сами сделали все и без помощи «семь плюс два». Он был полезен, но и только.

— Надо идти.

— Да, хотя бы для того, чтобы убить Энгера, если это его штучки.

— Да, если это Энгер, то пристрелить его, как собаку. Довольно церемониться.

— Я пойду! — запахивая пальто, сказала Катя.

— Зачем?

— Свести счет, хотя бы за шофера.

— Иди... и пристрели...

— Ну, а я провожу, — сказал Горбов. — Все же спокойнее будет.

Из курильни шел задумавшийся Иванов. Все его мысли были направлены к одному, к уничтожению ротмистра Энгера. Он ему мешал действовать, он парализовал его волю.

«Я доведу дело до конца» — шептал Иванов, смотря вперед и не видя ничего, так как его взгляд был направлен внутрь себя, в свою мысль.

«Он далеко зашел. Зашел. Может погубить дело».

Ночь, хоть и осенняя, была очень тепла, но Иванова лихорадило. Лихорадило от мысли, от желания. Он ускорил шаги и скрылся в переулке.

Мимо него на извозчике проехал куда-то спешащий Энгер. Но они не видели друг друга. Энгера поглощала та же мысль. И его тоже охватило лихорадочное настроение.

— Доведу дело до конца, — сквозь зубы шептал Энгер, сжимая рукой парабеллум.

— Доведу!

Где-то из подворотни пьяный парень, наигрывая на гармонике, пел «яблочко»:

Офицерик молодой,
Куда котишься?
На «Алмаз» попадешь —
Не воротисься.

На мгновение Энгеру бросилось освещенное фонарем лицо пьяного, а рядом с ним, прижавшись к его плечу, девушка, повязанная платочком. Она любовно тянулась к нему.

— Идиллия, — прошептал Энгер, и на мгновение сердце сжалось от тоски, от сознания, что у него нет личной жизни.

— Ну, и что ж! Прежде дело... дело... дело, — в остервенении бросил он в ночь слова, желая заглушить трепет сердца.

И снова ночь. На улицах никого. Пусто.

И только откуда-то доносился отдаленный стон очередной улицы.

Это белые справляли свои последние ночи.

Не доходя до «Сахалинчика», самого низкопробного подвала проституток, мравихеров, зухтеров, альфонсов и сутенеров, где постоянными посетителями были и офицеры, Катя остановилась.

— Ну, ступай, Горбов.

— Нет, я подожду тебя здесь.

— До свидания.

— Ну, иди, — и Горбов крепко сжал руку Кати.

И долго смотрел он на освещенную вывеску «отдельные кабинеты» и на лестницу, вниз по которой спустилась Катя.

Перед дверью, откуда доносилось разнузданное пение, Катя остановилась, проверила револьвер и, опустив вуаль, решительно вошла в дверь.

Пьяный угар, тяжелый запах, спертый воздух, дым ударили в голову.

За тесно уставленными столиками, глотая водку, ругаясь и смеясь, сидели вперемежку женщины, оборванцы, изящные офицеры и таинственные люди в нахлобученных апашках с поднятыми воротниками пальто.

Оркестр кабачка состоял из трех лиц: худого скрипача, игравшего на двух струнах, толстого виолончелиста и полусгорбленного тапера.

Жарили вовсю.

Одна проститутка вскочила из-за стола и, подняв юбки, истушенно кричала.

— Ну, иди, сволочь! Бери!.. Ну!..

Толстый офицер снова с силой опрокинул ее на колени и прямо из бутылки стал вливать ей в горло вино.

Меланхолически покачиваясь перед лакеем, оборванец подтягивал брюки и в такт ругани лакея кивал головой.

Один из апашей, заложив руки в карманы, с удовольствием наблюдал за сценкой.

— Да как же ты, сволочь, без денег пил?

— Пил, — качался оборванец.

— А кто за тебя платить будет?

— Дай в морду, — советовал пьяный сосед.

Катя спустилась по лестнице вниз. Голова закружилась, и ее охватил ужас при виде этого кабачка.

В углу одна проститутка сидела верхом на коленях у офицера и, подпрыгивая, смеялась.

Тут не стеснялись.

И под звуки оркестра женщины тянули мужчин в какой-нибудь укромный уголок, где они расплачивались за угощения.

Меланхолический апаш вдруг размахнулся и ударил оборванца в лицо.

Тот упал. Поднялся и, не отирая крови с лица, продолжал качаться перед лакеем.

В глубине, под зеркалом, сидел Энгер с женщиной. Пил вино.

Ротмистр не спускал глаз с зеркала, в котором отражался весь кабачок. Он сразу увидел Катю, пробирающуюся между столиками.

Быстро встал.

— Ну, поедем спать?

— Дело, некогда. — И Энгер, бросив на стол пару «колокольчиков», быстро отошел в нишу.

Катя озиралась вокруг. В ее глазах отражался страх, и щеки покрылись красными пятнами. Она шла, уверенная в том, что увидит Энгера.

Взгляд ее упал в одну из комнат, и через приоткрытую дверь она увидела накрытый стол — семь бутылок и два стакана.

Оглянулась. Никто за нею не следил. И решительно вошла в комнату.

Остановилась у стола.

Неслышно в дверях появился Энгер, закрыл дверь, задернул занавеску на окне и подошел к Кате.

Катя вздрогнула, обернулась. Инстинктивно ее правая рука потянулась к сумочке за револьвером.

Энгер улыбнулся, подошел, взял ее за руку и крепко сжал.

А потом, смотря в упор, взяв одну бутылку, налил два стакана.

— Семь бутылок, — сказал он.

Катя машинально взяла стакан и, подняв, пристально посмотрела на Энгера. Вздрогнула от неожиданности. В глазах Энгера, или ей это показалось, она прочла глубокую тоску... Нет! Это ей показалось.

— И два стакана, — добавила Катя, отвечая своим мыслям.

Чокнулись.

А в голове Кати одна мысль, что, быть может, вся подготовка к восстанию погибла, но вспомнила про револьвер, улыбнулась. Ее рука тихо-тихо вынула револьвер из сумки. Еще момент.

Энгер задумался к тихо прихлебывал вино. «Вот сейчас», — думала Катя, приподнимая револьвер.

В комнату ворвались пьяные офицеры.

— «Красотки, красотки, красотки кабаре...»

— Вот так цаца!

Энгер холодно выпрямился и, наклонившись к Кате, которая спрятала револьвер в сумочку, и глазами указывая на пьяных, прошептал:

— Мне известно все... Здесь говорить нельзя. Да?

— Да, — однозвучно ответила Катя.

Не все ли равно, где ей убить его. Здесь ли, в кабачке, или на квартире. Только отсрочка его жизни на несколько часов.

Взяла его под руку. Вышли.

Глава XXXV.

Это «семь плюс два».

Вестовой Энгера уже несколько раз огрел сапогом Мата, собаку Энгера, за то, что она пробовала несколько раз повить. И сейчас, в остервенении начищая сапог, вестовой неодобрительно косил глаза на Мата.

— Ишь, черт, повить захотел. Я тебе повою!

Но Мат скучал. И, обежав несколько раз квартиру, подбежал к вестовому и, теребя лапами, жалобно повизгивал.

— Я тебе повою на ночь.

Мат жалобно взвизгнул и, опустив хвост, ушел в гостиную, где растянулся на ковре, уткнув морду между передними лапами. И, казалось, задремал. Но Мат не спал. Он чутко ждал.

Звонок.

И вестовой, и Мат сразу бросились к двери.

Вошел Иванов.

— Дома ротмистр?

— Никак нет, ваше благородие.

— Я подожду.

И Иванов прошел в кабинет, улыбаясь тому, что наконец он доведет свое дело до конца.

Сел за стол. И начал перебирать бумаги, лежавшие на столе.

Иванов вздрогнул. Ему в руки попала записка, вынутая Энгером из французской булки.

«Не беспокойтесь за свою судьбу.

7 + 2».

Иванов оглянулся через плечо и сжал записку в руке. Его подозрительные глаза настороженно обежали кабинет.

Вестовой, лаская Мата, прошел гостиную, приемную и только тогда, когда он скрылся в кухню, в квартиру вошли Энгер и Катя.

Их никто не видел.

И Энгер никого не спросил и не знал, что Иванов сидит в его кабинете.

Энгер провел Катю в гостиную.

Извозчик повернул в сторону и не заметил, как от задка отделилась фигура бесплатного пассажира. Это был Горбов. Он прошел мимо окна несколько раз, чутко прислушиваясь. И, остановившись в воротах, стал закуривать.

— Прошу, разденьтесь. Только на пару минут.

— Хорошо. — И Катя сбросила пальто и шляпу.

— Да. Хорошо, что пришли именно вы.

— Да, хорошо.

— Я искал встречи с вами, мне нужно поговорить наедине.

Катя засмеялась.

— Я тоже искала встречи.

Энгер отошел. Пристукивая пальцами по столику и повернувшись к Кате, сказал:

— Я не могу больше притворяться. Я должен вам сказать, что...

Легкий шум в кабинете долетел до слуха Энгера. Он вздрогнул.

Катя по началу разговора сразу заподозрила, что Энгер хочет объясниться ей в любви. Жандарм — революционерке. Мгновенная вспышка радости женщины сменилась холодным презрением.

Чеканя слова, встав, Катя произнесла:

— Я прибыла за сведениями. Прошу!

— В таком случае я вам дам сейчас все, что вам нужно, — холодно щелкнул шпорами Энгер.

Повернулся и быстро вошел в кабинет.

Выхватив револьвер, Катя очутилась около двери. Затаив дыхание, раскрыв дверь, она в спину офицера, стоящего у стола, выпустила несколько пуль.

Падая, офицер зацепил и уронил настольную лампу.

Катя замерла.

Свет от камина давал причудливые, колебания теней.

«Убила или нет?»

Вскочила в кабинет. Дверь захлопнулась.

Американский замок запер Катю в кабинете.

Труп лежал, лицом уткнувшись в ковер. Одна рука судорожно вцепилась в ковер, а другая зажала кончик записки.

«Убила». И Катя вынула записку из рук.

«Не беспокойтесь за свою судьбу.

7 + 2».

— Не может быть... Не может быть Энгер нашим информатором.

Но все-таки ужас охватил Катю, что она опрометчиво, не подумав, убила Энгера.. Почему у него записка «7 + 2»? Неужели это он, он, дающий сведения, предупреждающий события?

Почти с любовью Катя нагнулась к трупу. Перевернула на спину.

Руки стукнули мертво о ковер. Катя обеими руками приподняла голову.

Свет из камина осветил остановившиеся остеклевшие глаза Иванова и его вечно ироническую улыбку.

Разжала руки, схватилась за голову. Голова Иванова глухо стукнулась о ковер.

Катя вскочила с криком.

— Это не Энгер. Это «семь плюс два»!

Подняла револьвер. Бросилась к двери.

Дверь заперта.

Острая мысль:

«Попалась. Все погибло...»

Почти с отчаянием обернулась и отшатнулась,

В портьерах перед ней стоял иронический Энгер.

Браунинг щелкнул, но выстрел не последовал.

Энгер бросился к ней, выхватил револьвер и зажал ладонью ей рот.

— Молчите! Молчите!

Катя упала в обморок.

Энгер положил ее на грудь Иванова и пристально всмотрелся в лицо Кати, этой все отдающей революции и партии женщины.

По лицу пробежала гримаса. Энгер настороженно прислушался.

Тихо...

Выстрелы не обратили ничьего внимания.

Только Мат начал усердно царапаться в дверь и жалобно взвизгивать.

Энгер подошел к окну и на мгновение задумался, глядя в ночь, угадывая неизбежное будущее.

Глава XXXVI.

Алло, барышня.

Энгер вышел из кабинета и запер дверь на ключ. Мат бросился к нему на грудь, радостно повизгивая, выражая необычайную радость, преданность и ласку.

На мгновение в глазах Энгера промелькнуло теплое чувство, и он с улыбкой ласково потрепал Мата по шее. На мгновение из-под формы, из-под вечно вычеканенного лица на все случаи жизни, выглянуло другое лицо.

Лицо человека.

Энгер провел рукой по лицу. Ему жаль, бесконечно жаль эту женщину, которой угрожает расстрел. Но снова целый рой воспоминаний сразу ожесточил лицо, и Энгер твердым, решительным шагом подошел к телефону.

Резко, пронзительно зазвонил телефон, наполняя комнату звоном, нестерпимым звоном, когда нервный человек готов разбить проклятый телефон.

Мат вертелся у ног.

Вбежал вестовой, с перекошенным от испуга лицом. Его не испугали выстрелы, но необычайный звон, пробуждающий мертвых, звон «ножом по коже» сорвал вестового.

— Ты мне нужен, постой.

И Энгер закричал в телефон.

— Алло. Неужели надо звонить час? Черт побери! Барышня, дайте 69-32.

— Готово. Соединено, — донесся заспанный голос телефонистки.

Снова неистовый звонок.

— У телефона... Да перестаньте звонить. У телефона.

— Кто у телефона?

— Номер 69-32. Что угодно? — ответил недовольный голос.

— Попросите к телефону генерала Биллинга.

— Никакого Биллинга здесь нет. Это ап-те-ка!

— Это номер 69-32?

— Да! да! тысячу раз да. Это аптека, — и аптекарь повесил трубку.

Энгер, повесив трубку, обернулся злобно к вестовому.

— Стань у двери кабинета. Живо.

Вестовой растерянно бросился к двери и прислонился к ней спиной, так что дверь задрожала.

— Никого не выпускай! Понял?

— Так точно, понял ваше благородие.

Энгер снова зазвонил в телефон. Нервно, злобно крутя рукоятку. И снова нестерпимый звон наполнил все уголки квартиры. Мат заволновался и завертелся на одном месте.

— Будьте внимательны. Я просил дать 69-23.

— Готово.

На этот раз это была дежурная пожарного депо. На скамейках вдоль стен спали пожарные. Дежурный мирно похрапывал, положив отягченную медной каской голову на руки.

Нестерпимый звон заставил некоторых проснуться.

— Пожар, братцы! — и пожарные быстро и ловко стали надевать снаряжение. Дежурный схватил трубку.

— Где пожар? Адрес?

— К черту пожар! Какой? Позовите к телефону Биллинга. Биллинга, живо!

— Нет у нас Биллинга. Здесь пожарное депо. Пожарное.

— Дайте отбой.

Энгер вышел из себя, толкнул ногой пристающего Мата и тот, жалобно взвизгнув, отскочил в сторону, недоумевающе смотря на своего ротмистра.

— Алло! Да проснитесь, наконец, барышня. Я, кажется, ясно сказал вам: 96-22, 96-22.

— Соединила. Не кричите.

Ротмистру не повезло и на этот раз. Хотя номер был и настоящий, но генерал Биллинг был занят решением государственных дел.

Удобно расположившись на полу, около письменного стола, генерал играл с котенком, дергая привязанную к нитке бумажку. Грациозное животное прыгало, извивалось и бросалось. А генерал, весь улыбка, при ловком прыжке самодовольно смеялся.

Зазвонил телефон.

Привычным жестом генерал взял трубку, но котенок повел такую непредвиденную атаку, что Биллинг, оставив трубку, занялся игрой.

Телефон зазвонил.

В дверях появился вестовой, но не решался подойти к его превосходительству.

Не оставляя игры, генерал снял трубку и положил на стол. Вестовой быстро подошел и взял трубку.

— Да!

— Генерала Биллинга.

— Ваше превосходительство...

— Оставь, оставь, — отмахнулся рукой генерал. — Видишь, занят.

— Его превосходительство занят.

— Скажи, требует Энгер... Энгер.

Вестовой подал трубку генералу. Биллинг, не бросая игры, приложил трубку к уху.

— Да, у телефона генерал Биллинг.

И сразу лицо генерала изменилось. Он бросил игру и крепко прижал трубку к уху.

— Что! Что вы сказали?

— У меня убит.

— Кто? Скорее.

— Иванов. Задержана. Еду.

Генерал вскочил с пола и бросился к телефону. Но Энгер уже повесил трубку.

— Сколько раз, болван, я приказывал немедленно дать трубку! Они меня в гроб уложат.

И генерал в нетерпении зашагал по комнате.

Энгер отошел от телефона. От напряжения немного кружилась голова, и эта слабость поразила его.

«Сегодня убит Иванов. Ну и что ж! Завтра меня». И Энгер засмеялся.

Вестовой вздрогнул. Столько горечи, жути было в смехе Энгера, что он еще плотнее прижался к двери.

— Пальто!

Со всех ног вестовой бросился к пальто и подал Энгеру.

И снова размеренный шаг, и снова только одно холодное спокойствие. Энгер не торопясь вышел из комнаты.

Мат, обиженный Энгером, сел против двери кабинета и начал выть, подняв морду кверху.

— Завыл, проклятый, — и вестовой отшвырнул ногой Мата от двери.

Мат отошел к дивану и снова завыл. Вестовой, опасливо поглядывая на дверь, схватил Мата за ошейник и выбросил из гостиной.

На цыпочках, не дыша, вестовой подошел к двери и прильнул к замочной скважине. Сначала ничего не увидел, а вглядевшись, увидел в полосе света от камина труп Иванова и рядом полулежащую Катю.

Катя зашевелилась.

Вестовой испуганно отскочил и, переводя дыхание, прислонился к двери. Он ничего не соображал и знал только одно, что должен никого не выпускать.

Мат выл на дворе, подняв морду вверх, прямо на качающийся на улице фонарь.

Рука Кати упала на руку Иванова. Мертвый холод ожег ее руку. Катя приподнялась.

Темно.

За окном ночь и вой, протяжный вон собаки.

Осторожно Катя подняла револьвер и наткнулась на записку. Тут же взяла бумажник, выпавший из кармана Иванова. Схватила записку.

«Из квартиры есть второй выход. На черный двор по лестнице вниз. Желаю успеха.

7+2».

Как кстати эта записка. Катя вскочила в сильном волнении. Она вспомнила все. И ей стало жутко при мысли об Энгере, об этом ротмистре. Неуловимый, неведомый, сильный, полный энергии. О, вот это противник. Но они еще с ним встретятся. И тогда уже не будет между ними никого. Бросилась к двери. Закрыта.

И около чувствовалось дыхание караульного.

Тихо... Тихо...

Отошла на середину. Ищет глазами другую дверь, не находит, не видит, хотя дверь почти против нее. Правда, тем-

но, а свет от камина скрывал все предметы, давая только мигающие, скользкие блики, погружая постоянно все в струящийся сумрак.

Подошла к окну.

Рядом балкон, лестница, карниз, крыша.

И выход найден. Катя подошла к Иванову и еще раз взглянула в мертвые глаза. Она не сомневается более в том, что убила своего, красного, и только не могла представить себе всей картины убийства.

Не могла.

Ведь она стреляла в Энгера, в Энгера...

А убила Иванова, убила «7+2».

Снова злоба и ненависть к Энгеру охватили ее. Быстро подойдя к столу, написала записку.

Вылезла в окно и очутилась на балконе. По улице быстро мчались друг за другом два автомобиля.

Сердце сжалось, и Катя, перевесившись через балкон, начала спускаться по пожарной лестнице.

Около дома остановился автомобиль.

Четыре офицера вбежали в подъезд.

На момент Катя остановилась. А потом решительно, и быстро начала спускаться.

Глава XXXVII.

Охота на человека.

Около подъезда дома Энгера с ревом остановился автомобиль Биллинга, и из него выскочили генерал, Энгер и два офицера.

— Занять подъезд, — крикнул генерал, вбегая в парадную.

Четыре приехавших офицера вбежали в подъезд Энгера.

Бросились к кабинету.

— Ключ.

— Никак нет, не могу знать, — отрапортовал вестовой.
Дернули дверь. Заперта.

— Придется ломать.

— Поищи ключ, идиот.

— Их ротмистр взяли с собой.

Начали ломать. Тяжелая дверь гнулась, но не поддавалась ударам офицеров.

Вбежал, задыхаясь, Биллинг. А за ним совершенно спокойный, выдержанный Энгер.

— Ну, открыли?

— Нет ключа.

— Скорее, скорее! — прокричал генерал.

— Не ломайте. Ключ у меня... — подошел Энгер, спокойно отстраняя офицеров...

Открыл дверь, распахнув ее, вошел в кабинет первым.

— Убежала, черт подери!

Вбежали в кабинет. Энгер стоял у окна и скрежетал зубами.

— Убежала. Мы опоздали.

Генерал, облокотившись на угол стола, с любопытством наклонившись, вглядывался в труп Иванова. Но в его остеклевших глазах ничего не мог прочесть.

В комнате стало тихо.

Кто-то из офицеров, сняв фуражку, перекрестился.

— Проклятие! За несколько дней и столько убийств, — пробормотал генерал.

Подошел Энгер. Мрачные и решительные глаза метались по комнате.

— Вестовой! — крикнул он.

Вестовой вытянулся, не чувствуя себя от страха. Он не знал никакой вины за собой, но чувствуя грозу, вытянулся и ждал.

Генерал отвел глаза от трупа.

— Уф, просто жутко, ротмистр.

Офицер, взяв со стола лист бумаги, протянул генералу.

— Оставлена записка, ваше превосходительство.

Генерал схватил.

«Негодяй, убью в упор».

— Это по вашему адресу, ротмистр. Не завидую.

— Я не боюсь, генерал. Эй, ты, стань ближе.

Вестовой сделал два шага вперед и, вытянувшись, считал минуты. Увидев его, генерал рассвирепел. О, на нем, на солдате, он может сорвать всю злобу.

— Арестовать его, ротмистр!

— Слушаюсь.

— И пусть сидит, сукин сын, и кормит вшей, до тех пор, пока не поймают эту большевистскую стерву.

И генерал погрозил кулаком перед лицом вестового.

Вестовой то бледнел, то краснел, и в груди его просыпалось неодолимое желание схватить за горло генерала и бить его головой о стены, о пол.

Катя спускалась с лестницы. Увидав вбежавших во двор офицеров, она притаилась.

Спускаться вниз нельзя. Дорога отрезана.

Минута колебания, и Катя, затаив дыхание, с лестницы перешла на карниз и, цепляясь руками за камин, как тень, заскользила под воротами.

Внизу офицеры бегали по закоулкам двора... Скрылись во втором дворе.

Мат, сидя посреди двора, изредка, подняв морду, пронзительно выл...

Катя шла по карнизу.

В одном месте стена осыпалась и большая груда камня поднималась почти до середины стены. Осторожно ухватившись за карниз, Катя спустилась и спрыгнула на камни. Камни покатались вниз и вместе с ними, теряя сознание, Катя.

Шум...

Офицеры выскочили со второго двора.

Мат бросился на них и начал яростно лаять. Офицеры отступили назад. И увидели, как мелькнул силуэт женщины в воротах...

Два выстрела...

И побежали.

Отвалилась штукатурка. Мат завизжал и бросился в угол двора и стал ожесточенно лаять.

Офицеры выбежали на улицу. К ним присоединились выбежавшие из квартиры генерал, Энгер и офицеры.

— Где? Где?

— Побежала по улице.

— Куда? Машину!

— В ту сторону.

— Не могла далеко уйти.

Вскочили в автомобиль. Понеслись.

Катя, задыхаясь, бежала по улице... Все заперто. Пусто... Пусто... Напрягая все силы, борясь с неодолимой усталостью, Катя бежала по улице. Вдали шум автомобилей.

Катя, теряя сознание, уцепилась за железную решетку окна. Остановилась, тяжело дыша.

Это была типография.

Там рабочий в больших очках, с окладистой бородой, получал прокламации.

— С утра. В четыре часа. По гудку.

— Хорошо, товарищ.

Взял прокламации, глянул в окно и вздрогнул.

Он увидел Катю, судорожно вцепившуюся в решетку окна.

Пришла в себя. Побежала дальше.

— Помните, в четыре! — крикнул рабочий и выскочил на улицу.

Вскочил в мотоциклет с корзиной сбоку, помчался за Катей.

Катя бежала посередине мостовой. Ее шатало.

Мотоцикл догнал ее. А сзади, нагоняя их, неслись два автомобиля.

Рабочий, направив корзину под ноги Кати, замедлил ход. И, проезжая мимо, подбив ее, сильной рукой втащил в корзину и дал полный ход.

Катя не растерялась. Выхватила револьвер и, повернувшись, выстрелила в рабочего в упор. Но от движения, от толчков, от слабости пуля пролетела мимо, застряв где-то в добродетельной стене.

Рабочий выхватил револьвер и резко швырнул его на дорогу.

— Товарищ!

— Что?

— Свой!

Катя вздохнула, пожимая ему руку, и без сил откинулась в корзину.

Автомобиль развил скорость и мчался за мотоциклом.

Офицеры открыли стрельбу.

Возмущенный Энгер, вскочив с сидения, крикнул офицерам:

— Не стрелять! Взять живьем!

Автомобили уже мчались по бокам мотоциклета и ехали так близко, что мотоциклету не было возможности что-либо предпринять.

Так и проконвоировали мотоциклет к контр-разведке.

Генерал легко выскочил из автомобиля. К нему подбежал дежурный.

— Ваше превосходительство, восстание.

Катя и рабочий вышли из мотоцикла и сразу обратились в слух.

— Что?! — заорал генерал. — Да говорите толком! Что? Что?

— Восставшие рабочие наступают на вокзал.

— Черт побери вас всех! — заорал генерал. Катя с торжествующей улыбкой взглянула на выходящего из автомобиля Энгера.

Энгер закусил губу.

— Чего стоите! — кричал генерал. — Арестовать вот этого голубчика.

А потом, приблизившись к Кате, генерал, помахивая запиской, написанной Катей, спросил:

— Это вы писали?

— Да.

— Ну, Энгер... Вы ее заслужили.

Энгер подошел и, откозыряв, спросил:

— Что угодно приказать?

— Нет... Нет... Я разрешаю вам, ротмистр, если вы хотите, минут десять с ней покататься в моем автомобиле.

Катя отшатнулась.

— Подлец!

Генерал засмеялся.

— Он вас заслужил, сударыня.

Энгер, вынув револьвер, подошел к Кате.

— Садитесь.

— Нет! Ни за что. Расстреливай здесь.

— Это успеется, не правда ли, ротмистр? — засмеялся генерал.

Энгер, сжав руки Кати, толкнул ее в автомобиль и сел рядом.

— Трогай.

Шофер завозился у машины.

Рабочий, оттолкнув офицера, хотел вскочить в автомобиль к Кате.

Борьба. Во время борьбы борода рабочего осталась в руках у офицера. Она была приклеена.

— Трогай! — крикнул Энгер.

Автомобиль тронулся, и Катя, обернувшись, все же успела узнать Джона Фильбанка.

«Он жив!» — чуть не вскрикнула она. Автомобиль умчался.

— На вокзал! — приказал Энгер.

Перед изумленным генералом во весь рост стоял расстрелянный Энгером шофер. Генерал провел рукой по лбу.

— Ничего не понимаю.

И быстро подошел к Джону.

— Нет, это невероятно! Как фамилия?

— Джон Фильбанк, — последовал спокойный ответ.

К генералу подбежал дежурный по контр-разведке.

— Ваше превосходительство, генерал Гаврилов просит вас на минутку...

Полный удивления генерал вбежал в кабинет начальника.

Посреди комнаты стоял, как живой, правда, оборванный, истрепанный, пожилой с проседью человек.

Генерал остолбенел.

Перед ним стоял комбриг 42, Сушков, генерал генерального штаба.

— Вот, полюбуйте, вот он, комбриг Сушков, тот самый, которого расстрелял собственноручно ваш ротмистр Энгер.

Генерал изменился в лице. Подошел к Сушкову и даже потрогал его пальцем.

Сушков с презрением улыбнулся.

— Где вам воевать с нами. Вам у юбок сидеть!

Генерал Гаврилов, подойдя к Биллингу и в упор смотря на него, отчеканил:

— Я требую немедленного ареста ротмистра Энгера.

Глава XXXVIII.

Начало конца.

Окраины лихорадочно готовились к восстанию. Отряды то и дело проходили по улицам, спеша занять исходные пункты к четырем часам, чтобы ровно в четыре начать наступление сразу со всех пунктов.

На заводах шла раздача оружия. Сосредоточенно, молча получая оружие, рабочие расходились.

Решительность. Энергия.

В четыре часа восстание.

На улицах торопливо расклеивали прокламации: «К населению», «К солдатам белой армии».

В железнодорожном депо, в машинном отделении Макаров, окруженный рабочими, давал последние распоряжения.

— Здесь штаб повстанкома. Держите связь.

Задыхаясь, вбежал Горбов.

— Где Макаров?

— Вот он... Макаров, тебя зовут.

Горбов бросился к Макарову.

- Катю арестовали, видно, ухлопала кого-то.
- Энгера?
- Нет. Этот прохвост ее и арестовал.
- Товарищи, время дорого, Катю надо отбить.
- Я иду! — воскликнул Горбов.
- К Горбову подошли пять человек.
- Мы тоже пригодимся, не подгадим...
- Бери по лимонке.

И все группой вышли на улицу. Город спал. Безмятежно храпели жители, не чувствуя того, что проснутся они уже не в Укразии, а в УССР.

Безмятежно спал Барлетт, улыбаясь во сне, улыбаясь ласковому шелесту шелка в клубе «Голубых фраков».

Радостно спал Дройд. И перед ним разворачивал «Таймс» листы с его корреспонденциями. Тянул Дройд руки к своим столбцам, озаглавленным «В стане большевиков» и подписанных — Виллиам Дройд. А на него из каждого слова падал шиллинг, дождь шиллингов, шиллинги падали, катились, звенели.

Стекла номеров Барлетта и Дройда задребезжали. Мимо мчался первый грузовоз.

Пулеметы. Люди... Пулеметы... Ленты...

Восстание.

Гудел грузовоз.

Шум разбудил Дройда и Барлетта.

Хватились за трубки телефонов.

— Дройд.

— Барлетт.

— Что это за шум?

— Мистер Барлетт, это восстание.

— Что? Так скоро?

— Я говорил вам.

— Good!

Мгновение, и оба в пижамах выскочили из номеров, взглянув друг на друга, скрылись опять для того, чтобы через пару минут выйти совсем готовыми.

— Позвоните, Дройд, в гараж.

— Звонил. Не отвечают.

— Безобразия, беспорядок.

— Я вас предупреждал, мистер Барлетт. Это Украина.

Барлетт и Дройд с баульчиками в руках вышли на улицу.

Начало светать... Переплетался треск выстрелов со строчкою пулемета.

Шли не оглядываясь, спокойно продолжая курить — Барлетт сигару, Дройд трубку. Они шли к гаражу. Сюда же спешили Горбов с рабочими. Они опередили англичан. С лимонками в руках ворвались в гараж.

— Руки вверх!

Несколько шоферов подняли руки, а один подошел к Горбову.

— Брось, братва, форсись. Мы тоже рабочие.

И, обращаясь к шоферам, крикнул:

— Довольно дурака валять.

— Нам надо, товарищи, хороший автомобиль.

— Есть... Давай английский.

Выкатили автомобиль Барлетта.

Около Горбова сгруппировались шоферы, жадно слушая о восстании.

На улицах начиналась паника.

Понемногу паника подействовала и на англичан, и они побежали рысцой по улице.

Барлетт ничему не удивлялся и не волновался. Он — представитель Англии, и его никто не смеет трогать.

На углу Барлетт остановился и перевел дыхание.

— Бегите в гараж, Дройд.

— А вы, мистер Барлетт?

— Я подожду вас с автомобилем.

— All right, — и Дройд, смешно размахивая руками, побежал к гаражу.

Горбов сел в автомобиль.

— Вы, товарищи, останьтесь охранять гараж.

— А ты?

— Я один отправлюсь.

В гараж вбежал Дройд.

— Автомобиль! Скорей автомобиль!

Шофер нагнулся к Горбову.

— Это и есть хозяин.
Молнией Горбов сразу учел все.
— Ребята, давай хозяина... Пригодится... — и направил свой маузер на Дройда.
Дройд отшатнулся, но рабочие, схватив его довольно невежливо, усадили на место шофера.
— Будет за шофера.
— Ни слова. Едешь сам по своим делам.
И убедительный маузер сразу сделал чрезвычайно податливым Дройда.
— Уберите револьвер. Я согласен.
— Ну и сыпь для начала к контр-разведке.
Дройд вздрогнул. Хотел что-то сообразить, но его волю окончательно убили слова Горбова.
— Только не вздумай... там чего-нибудь... Понял?..
И для большей убедительности дуло маузера нащупало затылок, и Дройд стал мягок, как воск.
Он поедет к черту, к дьяволу, надо будет драться за большевиков — будет драться...
Автомобиль вылетел из гаража. Промчался вихрем мимо ожидающего на углу Барлетта.
— Дройд! — закричал Барлетт.
Он ничего не мог понять. Понял одно, что надо спешить в порт, во что бы то ни стало. И быстро пошел пешком.
— Укр-азия! — проговорил он, пуская взволнованно клуб дыма.

Глава XXXIX.

Три автомобиля.

Все шло полным ходом. Только что автомобиль Энгера отъехал от контр-разведки, как около группы офицеров, стоящих вокруг Джона, с разгона остановился автомобиль Дройда.

Холодный маузер кольнул журналиста в бок.

И Дройд, приветливо улыбаясь, поздоровался с офицерами.

— Не видели ли мистера Барлетта?

— Нет. Куда едете?

— Лучше бы вам возвратиться, пока все не кончится.

— О нет. Время — деньги... Я корреспондент. Ничего не случилось?

— О, только что сейчас ротмистр Энгер увез на расстрел одну интересную большевичку. Целая история...

Один офицер подозрительно взглянул на Горбова, и резко спросил:

— А это что за тип с вами?

— Это, — засмеялся Дройд, — это мой проводник в тыл восставшим рабочим. Ведь каждое слово в «Таймс» — золото.

— Есть случай заработать.

Джон, рванувшись, обратил на себя внимание Дройда. Дройд протер глаза.

— Джон, это вы?

— Да, мистер Дройд,

И Дройд, схватив его за руку, втянул в автомобиль.

— Он арестован, — закричал офицер.

— Он англичанин, — ответил Дройд, — он мой шофер.

— Он арестован, — упорно продолжал офицер.

— Я не могу ехать без шофера... Я тороплюсь. Если хотите, пусть его сопровождает кто-нибудь из вас.

Джон сел за руль. Рядом с ним уселся офицер. Из контрразведки выскочили генерал Биллинг с генералом Гавриловым и офицеры.

— Автомобиль.

Маузер пощупал бок Дройда...

— Автомобиль, — кричал генерал.

В поданный автомобиль вскочили офицеры.

— Немедленно арестовать этого подлеца.

Генерал Гаврилов торопливо разъяснил:

— Ротмистра Энгера.

И автомобиль помчался вслед за автомобилем Дройда. К генералу подбежал офицер.

— Вокзал в наших руках. Мы отбили рабочих, но они захватили телеграф. Надо еще роту.

— Сейчас. — Генерал побежал к телефону.

— Начало конца, — произнес один из офицеров.

— Какая разница, где ни пить... Будем пить крымское.

— Или кавказское...

К вокзалу, не зная о захвате его белыми, мчался Энгер, полубняв Катю, мешая ей вырваться. Она тяжело дышала и с ненавистью смотрела в холодное, замкнутое лицо.

— Товарищ, — пробовал заговорить Энгер.

Но Катя с таким презрением посмотрела на Энгера, что он понял, что ему нечего сказать. Ему не поверят. И он еще плотнее уселся и еще крепче сжал Катю.

За ними Горбов, нажав на Дройда, мчался в полный ход. Мелькали здания, люди... Где-то чмокали шальные пули. И автомобиль неумолимо приближался, догоняя первый автомобиль.

За вторым автомобилем, развивая бешеную скорость, мчался третий с офицерами, спешившими арестовать Энгера.

Все три машины шли предельной скоростью.

Горбов, приподнявшись, ударил маузером по голове офицера и, схватив его, выбросил из автомобиля.

Офицер глухо стукнулся на мостовую и остался лежать, раскинув руки.

Третий автомобиль, пронесясь мимо выкинутого офицера, остановился, так как его узнали товарищи.

Задержка на минутку. Взяли в автомобиль. И опять в погоню.

У вокзала все еще шел бой.

Рабочих здорово теснили, но они не оставляли площади, ведя яростный обстрел вокзала. В группу рабочих влетел автомобиль Энгера.

Один из рабочих, узнав ненавистного Энгера, швырнул лимонку под автомобиль.

Взрыв.

Обломки автомобиля.

Дым еще не успел рассеяться, как с разгону на обломки автомобиля налетел автомобиль Дройда, увеличив и без того сумятицу.

Энгера и Катю выбросило из автомобиля. В полусознательном состоянии Энгер все-таки, приподняв Катю, прислонился к развороченному автомобилю.

Он ничего не сознавал. В глазах стоял туман.

Дройд, Джон и Горбов бросились к Энгеру и Кате.

Рабочие с винтовками наперевес, прекратив обстрел вокзала, грубо схватили Энгера и приставили к фонарю. Отошли, заряжая винтовки.

— Попался, сволочь!

Катя, поддерживаемая Горбовым и Дройдом, смотрела ничего не понимающими глазами. Сообразила. Рванулась. Но, вспомнив, сколько ужаса и тревог принес этот Энгер, закрыла глаза. Ждала залпа.

Воспользовавшись замешательством, белые сделали удачную вылазку и почти очистили площадь.

Вместо расстрела, рабочим пришлось отступить, отстреливаясь.

Взрывались лимонки.

Всюду дым.

В этот момент влетел на площадь третий автомобиль.

Офицеры бросились к Энгеру.

— Вы арестованы, ротмистр, сказал один офицер, — снимая револьвер.

— Уже! — холодно улыбнулся Энгер.

— Взять всех присутствующих в тюрьму.

Джон не стал ждать своего ареста. Отличным ударом бокса повалил первого офицера и, перепрыгнув через обломки, скрылся в дыму взрывов.

Всех посадили в автомобиль. На Горбова, Катю и Энгера навели револьверы.

— В тюрьму.

И третий автомобиль умчался, увозя с собой лиц, связанных друг с другом работой и приключениями.

Энгер поглядывал на Катю и улыбался. Катя, закусив губы, презрительным взглядом отвечала на улыбку.

Дройд, вспомнив свои злоключения, уселся удобней, запахнувшись в пальто.

О, он и отсюда выйдет сухим.

Горбов с тоской думал о маузере.

— Отобрали, сволочи.

Тюрьма приближалась, подавляя всякую мысль о бегстве.

Громадные ворота, высокие стены.

Ворота раскрылись, пропустив арестованных.

Глава XL.

Ротмистр Энгер.

С рассветом началось наступление на Одессу. Галайда мчался через поля, направляясь к шоссе, которое в настоящий момент было совершенно не защищено, так как генерал Биллинг перебросил несколько рот в город для подавления восстания.

Мчались тачанки... Скакали партизаны...

На вокзале шел упорный бой...

Рабочие железнодорожного депо ударили в тыл белым, и бой развивался между рельсами.

К станции равномерно, уверенно шел «Ильич».

Макаров наступал во главе железнодорожников.

Его энергичная фигура была то там, то здесь, а голос часто покрывал ружейную трескотню.

— Даешь вокзал!

Наступали и с площади.

Откуда-то выкопанные или отобранные пушки громили вокзал.

Циферблат был разбит, и скоро трехцветный флаг был снесен снарядам.

Белые защищались стойко. Им отступить было некуда, и они сражались, как звери. Сосредоточенно косили рабочих

из пулеметов. И очень часто несколько офицеров, засев за камни, отбивали целые отряды рабочих.

Бронепоезд подошел, и отряд из него с криком «даешь!» ударил снова.

Деморализация полная.

Отовсюду наступали рабочие и партизаны.

Паника...

Офицеры стали метаться, ища спасения.

Один пулеметчик-офицер, выпустив последнюю ленту, застрелился.

Вокзал был взят.

На крыше вокзала взвился красный флаг.

Красные победили, но не имели сил удержаться на захваченных позициях.

Но белые этого не знали. Превышая в десятки раз рабочих, они предали панике.

Скоро паника передалась в город.

Улицы наполнились людьми, женщинами, извозчиками, тачками, сундуками, картонками, хлынувшими сразу в порт.

Бежали тысячные толпы.

Бежал буржуа.

Бежала интеллигенция и офицерство.

Паника заражала всех, и весь город бежал.

Снаряды рвались над городом.

Это вел обстрел штаба «Ильич».

В тюрьме все было тихо, спокойно, и только в камерах, слышавших выстрелы, бессильно металась от окна к двери арестованные.

В камеру 27 втокнули Энгера, Горбова, Дройда, Катю и двух рабочих, захваченных вместе с ними.

Горбов, Катя и двое рабочих отделились от Энгера и Дройда.

Энгер, горько усмехнувшись, посмотрел на часы.

Катя смотрела на ротмистра и не могла понять, почему его арестовали.

— Это штучки белых, — шепнула она Горбову.

— Наверное...

Энгер, улыбнувшись, гордо отчеканивая слова, сказал:

— Через двадцать минут здесь все будет кончено. Город будет взят.

— Мы это знаем и без вас, господин ротмистр, — усмехнулась Катя.

— Ну, конечно, если за это время нас не расстреляют, то...

Взгляды ненависти и презрения.

— Нас, но не вас, господин ротмистр, — бросил Горбов.

— Меня раньше всех, — горько улыбнулся Энгер и, обращаясь к Дроиду, пристально смотрел на него, почти гипнотизируя.

— Помните, Дройд, однажды...

Дройд изумленно посмотрел на Энгера.

— Помните деревушку, сельскую колокольню. Помните, как вы, я и летчик бежали через огороды, прыгали через заборы, а за нами чмокали пули... Вбежали на колокольню... Веревка, ворвались солдаты... И...

— Откуда вы это знаете? — закричал Дройд и, схватив за руку Энгера, стал пристально вглядываться.

Рабочие, Катя и Горбов, невольно подвинувшись, стали прислушиваться.

— Там был я с вами.

— Не может быть!

— Не находите ли вы, Дройд, что я похож на того партизана, с которым вы бежали от белых.

— Нет, не может быть! Вы, и партизан! Нет, нет... Я помню этот случай, и мне кажется, я вам его рассказывал.

Энгер улыбнулся, увидя насмешливые взгляды рабочих.

— А это помните?

И Энгер, засучив рукав левой руки, показал шрам от пули Дроиду.

Туман в глазах. Дройд отступил, прикрыл рукой глаза, и перед ним вместо Энгера встал взлохмаченный, энергичный, полный жизни партизан, массирующий шрам на руке.

Дройд схватил за левую руку Энгера.

Оба — глаза в упор. Тяжело дышат...

В камере стало тихо.

Все внимательно всматривались в Энгера.

— Осторожно. Не давите так, Дройд.

— Значит... Значит... Это вы, тот человек, который...

Энгер медленно и отдельно:

— Да. Я тот самый человек, — и, сорвав погоны и аксельбанты, Энгер повернулся к Кате, протягивая их ей.

— Возьмите на память от...

И через паузу:

— Семь плюс два!

Тихо...

Вдали выстрелы, бои, а здесь, в камере, слышен каждый удар сердца,

Катя готова была броситься к нему и крикнуть: «Прости, прости, я хотела тебя убить», но в последний раз, пересилив себя, крикнула:

— Это ложь!

Энгер взял Катю за руку и обратился ко всем.

— Слушайте, товарищи, я был в партизанском отряде Галайды. Отряд Галайды состоял большей частью из крестьян, присоединившихся к нам. Наш отряд — осколок банды Григорьева, после того, как Махно ухлопал его на одном свидании. Босые, на подушках вместо седел, отряд наводил ужас на добровольческие части. Лихо рубились, лихо насккивали на штабы и исчезали, чтобы в другом месте, оперевшись на крестьянскую массу, устремиться для новых побед. Крестьянство нам сочувствовало, и мы имели постоянную помощь. Дисциплиной была — смерть. Расстрел за пустяк. Но этот отряд был слит, как один. Масса в кулаке Галайды. Босой, весь заросший, в разорванной рубашке, он был неумолимо жесток. Трусов убивали на месте. Офицеров в плен не брали. Расстрел — и все. Мы носились в тылу, и имя Галайды наводило такую панику, что белые бежали при одном его имени... В последние дни нам ужасно не везло: нас били, ловили, и мы никуда не могли сунуться, чтобы не попасть на сильнейший отряд. Я пошел в засаду и убежал тогда из плена вот с этим англичанином. Я стал следить, и наконец все мое внимание остановилось на одном партизане. Он был подозрителен. Отлучался от отряда. И вот, после безумного рейда, проскочив верст 80

в тыл, мы наткнулись на деревню, объявившую себя республикой. Белые выслали карательный отряд с бронепоездом «Коршун». Нас не должны были чувствовать, знать и видеть. Отряд расположился в лесу. Галайда послал развивать рельсы. Пошло пять человек. В отряде каждая сабля на счету. Работали усердно. Один партизан, за которым я следил, воспользовался моментом и ушел в гущу леса. Наступивший вечер, густой лес мне с трудом позволяли следить за его силуэтом. Я шел за ним шаг в шаг. Шел, как могут идти тени. Ни одна ветка не хрустнула под ногой. Партизан, беззаботно насвистывая, бежал, то появляясь, то пропадая между деревьями. Полустанок. Вошел в сторожку. Я притаился у окна. Партизан подошел к телефону и позвонил. Я на крышу к проводу. Перерубить! Слышу ясно, невозможно ошибиться: «Кто у телефона? Да. Это командир бронепоезда “Коршун”». Вынув нож и захватив проволоку в руки, я, когда он говорил: «Господин полковник», перерезал провод и последние слова долетели только до моих ушей: «путь разобран, в лесу засада». Стиснув зубы, я слез вниз. Бешенство душило меня. Как, среди нас есть предатель! И я понял, что все наше поражение — дело его рук. Передо мной стал ряд погибших, изрубленных, расстрелянных товарищей. И когда партизан вышел и, беззаботно улыбаясь, пошел обратно, я камнем на горло. Его тело билось, в глазах стоял ужас, но я его задушил. Лунный свет, тени деревьев, — и я тогда, в первый раз почувствовал жуть при убийстве человека вне боя. Обыскал. Деньги, документы, георгиевский крестик. Раскрыл паспорт. Он был выдан на имя:

Ротмистр лейб-гвардии Гродненского полка Энгер.

Общее движение, Катя схватила за руку Энгера.

— Значит, вы не Энгер?

— Я партизан.

— Кто же вы?

— Один из тысяч, гибнущих за революцию.

Молчание. На Энгера смотрели с удивлением, любуясь его сильной фигурой. Дройд записывал.

— А потом, товарищи, все ясно. — Галайда чуть не сломал кулаком стол. Я предложил ему, что перейду к белым под фамилией Энгера и буду информировать отряд о белых. Комиссар и Галайда одобрили, но сомневались, чтобы я — партизан, босой голодранец, оборванный, мог сыграть роль офицера. Я их успокоил, так как был солдатом. Побрился и уже это сразу изменило меня. Правда, Галайда, посмотрев на меня, оказал, что из меня офицер, как из палки ружье. И, стукнув меня по плечу, сказал: «Не засыпсья, гляди, иначе вся твоя работа пойдет к черту. Держи связь со мной, а я-то не подгажу». Под утро бронепоезд «Коршун» налетел на разобранный путь и сошел с рельс. Его окружили крестьяне и мы. Бились недолго. Я в лесу жадно ловил момент бегства офицеров. Мимо пробежала группа. Я подбежал к ним. «Я знаю здесь каждую тропку. Я выведу вас», — сказал я. Бежали долго. На меня офицеры с любопытством смотрели и перешептывались. Узнав из разговора, что здесь и начальник бронепоезда, я сказал: «Я вызывал вас по телефону, но, вероятно, эти головорезы испортили провода». Все остановились. Начальник схватил меня за плечо. «Кто вы такой?» И я ответил: «Ротмистр Энгер». Имя было знакомо и вызвало одобрение. Мне жали руки, мной восхищались. Я не успевал отвечать на вопросы. Полковник тряс мне руку. «Мы вам очень обязаны, ротмистр, вы нам столько раз помогли и так удачно». Меня при этих словах бросило в дрожь. Столько людей погибло из-за этого проклятого Энгера. Я сдержал себя и скромно ответил, подражая молоденькому офицеру в интонации: «Ну, это пустяки». А потом город, попойки в среде офицеров. Я экипировался с ног до головы, наблюдая и изучая офицерство. По целым часам простаивал перед зеркалом, повторяя все движения офицеров, вырабатывая офицерский тип. И выработал, кажется, удачно. Бежал со штабом Бредова из Киева. На станции Одесса поезд Бредова обстреляли рабочие. Я понял, что Одесса пороховой погреб, который взорвется при первом появлении красных. Явился в штаб за назначением. Был

лично принят генералом Биллингом. Этот глуповатый генерал, мечтающий почти о короне, принял меня величественно. «Как фамилия?» «Ротмистр Энгер», — ответил я. Генерал подумал минутку и, наверное вспомнив о том, что я давал им сводки и указывал пути отряда, сделался вдруг любезен. «Вы Энгер, я помню что-то. Ах, да, вы тот самый Энгер, который был в партизанах», и генерал засмеялся, встал, пожал руку. «Очень рад, господин партизан, очень рад. Вы молодчина. Я вас оставлю при штабе моим личным адъютантом. Мне нужны твердые с крепкими нервами люди». И вот я тогда надел эти украшения.

Энгер с презрением посмотрел на погоны, на крест и аксельбанты, бросил их на пол и растоптал погон.

— С этого момента, став адъютантом, я жил, как на динамите. Я не мог открыться организации, так как были провокаторы. Я пошел здесь в контр-разведку, желая найти, уловить связь с вами.

Рассказ Энгера прервала сильная орудийная канонада. Это бронепоезд обстреливал штаб и порт. Все бросились к окнам, забыв обо всем. Все мысли на улицу. Все мысли с дерущимися товарищами.

— Через десять минут Галайда должен войти в город... И если нас не расстреляют...

— Нет, — крикнула Катя, — я не хочу этого!

Все улыбнулись. Дройд лихорадочно записывал в книжку. У него получилась блестящая корреспонденция. Из строчек падали фунты, фунты, и Дройд вкушал радость их растраты.

Глава ХLI.

Последние часы Украины.

Раннее утро встретило генерала Биллинга в штабе. С театрализованной решимостью генерал мерил кабинет, бросая серьезные взгляды из-под нахмуренных бровей.

— До последней капли крови!.. Держаться во что бы то ни стало!

Генералы и офицеры слушали и думали: «когда же ты кончишь», и косились в окно на улицу.

На улице то и дело мелькали толпы спешащих людей, в панике бегущих в порт в последней надежде на иностранные пароходы.

Бегут...

Паника...

— Да, держаться. Мы ученики Гинденбурга! Я буду руководить лично всей операцией, — и, подумав, добавил: — из порта.

В штабе замерла жизнь. Все, кто успел, сбежали, и теперь последние, находящиеся в штабе, добыв из цейхгауза солдатские шинели, поспешно переодевались.

Утро, как назло, было хорошее. Солнце манило на улицу, но у всех офицеров была тоска, острая тоска по жизни. Никаких идей, а только одно — жить, жить и жить...

Стрельба не умолкала...

Это брали еще вокзал и здание судебных установлений.

Потом вдруг тишина.

Подозрительная тишина, ни одного выстрела.

Зазвонил телефон.

Биллинг быстро подошел и снял трубку.

— У телефона командующий областью.

— Вокзал в наших руках. Прекратите бесполезное сопротивление. Говорит комендант города Макаров! — резко прозвучало в телефон.

— Мерзавец! — захлебываясь прокричал Биллинг. — Я тебя первого расстреляю, подлеца. Через час я вас всех успокою.

— Все будет успокоено раньше, чем через час, — с насмешкой ответил Макаров.

Биллинг нервно сорвал трубку телефона и нервно бросил на пол.

— Мерзавцы, я им покажу!

Офицеры не имели случая покинуть комнату и с тоской поглядывали на дверь, ища этого удобного случая.

В дверь вбежала в распахнутом манто Самарова. В руках был баульчик, из которого выглядывал шелковый чулок.

— Спасайтесь, генерал, спасайтесь!

Манто упало, и она без сил опустилась на руки генерала. Она была в одной рубашке, сорванная страхом прямо с постели.

— Помогите! Воды! — закричал Биллинг.

Но офицеры, воспользовавшись случаем, эвакуировались через дверь. И теперь бежали по лестнице, срывая погоны.

— Воды! — крикнул генерал, укутывая в манто Самарову.

И, усадив ее в кресло, генерал бросился к звонку. Но звонок никого не вызвал из пустых коридоров и комнат штаба.

Бежать, бежать... И торопливо открыв ящик стола, генерал стал вынимать деньги.

Самарова, приоткрыв глаза, следила за генералом и, увидев деньги, пришла в себя. Открыв баульчик, стала помогать генералу упаковывать деньги.

Работали лихорадочно.

По улице мчались извозчики, тянулись возы, бежали люди. То и дело мелькали офицерские погоны и косынки сестер милосердия.

Вся эта волна по разным улицам катилась в порт, где ранее прибывшие брали пароходы с боя.

Английские матросы едва успевали отбивать атаки людей, пропуская только лиц, имеющих пропуск.

Прыгали в лодку, перегружали ее и плыли к пароходам, стоящим на рейде.

Опрокидывались... Тонули...

Всех охватила паника, и все стремились только к одной цели — в море.

Барлетт, отдуваясь, уже достиг порта. Остановился и вместе с платком случайно вытянул красную ленточку. Прикрепив ее бантиком к груди, он пошел спокойно, вытирая пот.

Он думал, что красный цвет, что красный бантик избавит его от неприятности.

Джон, спасшись с вокзала, бежал по улицам и вспомнил о том, что ему надо встретить отряд Галайды, который сейчас уже находится где-нибудь поблизости.

Навстречу мчался перепуганный велосипедист. Одним ударом Джон сбил его с велосипеда и, вскочив, понесся по улице. Не зная хорошо города, Джон летел прямо к зданию контр-разведки. Был замечен стоящим офицером. Повернул обратно. Прозвучали выстрелы.

Офицер вскочил в мотоциклет и помчался за Джоном.

От мотоцикла не уйдешь.

Замедляя скорость, Джон соскочил с велосипеда и бросил его под мотоцикл. Мотоцикл упал. Не давая опомниться офицеру, Джон дважды стукнул его головой о камень. Поднял мотоцикл и понесся по улицам.

Гаврилов сидел в контр-разведке и давал распоряжения.

— Вся большевистскую сволочь, находящуюся в тюрьме, расстрелять. Еще есть время. А ротмистра Энгера я шлепну сам.

В сопровождении двух офицеров, Гаврилов поехал к тюрьме.

Джон мчался уже по шоссе. Вдали, навстречу ему, неслась удалая конница Галайды.

Глава XLII

«7 + 2»

Рассказ Энгера произвел ошеломляющее впечатление, но все-таки у каждого копошилась мысль, а что, если это не совсем так... Ну, был партизаном, был, и стал контр-разведчиком. Очень уж был ярок Эгер в роли офицера. Катю также не убедил рассказ Энгера, и она проницательно взглянула в его глаза.

Эгер понял ее взгляд и мягко, мягко...

— А вы помните первую записку, предупреждающую о разгроме явки?

Все вздрогнули. Если это не писал Эгер, то откуда он знает?

— А вы помните, — обратился Эгер к Кате, — когда я вошел в кабинет и увидел Иванова, роющегося в моем письменном столе, я сразу спрятался за портьеру, а вы в этот момент, открыв дверь, выстрелили ему в спину. Иванов упал убитым. Вбежали вы и сразу закричали: «это убит “семь плюс два”». Выстрелы должны были переполошить всех. Я не мог убедить вас, да и не пытался. Это убийство срывало мою работу, расшифровывало меня. Вы упали в обморок, и я положил около вас записочку о черном ходе. А сам начал яростно звонить в телефон, чтобы пробудить вас.

— Так это вы писали записку?

— Да. Я писал. Я писал все записки.

— Но кто же Иванов? Кто?

— Иванов был душой и вдохновителем контр-разведки, в нем сочеталась мягкость и невероятная жестокость.

— И я вас чуть-чуть не убила!

— Я каждый день шел на смерть от пули своих.

— Какая канонада! — сказал Горбов.

— Это «Ильич». Через десять минут Галайда должен быть здесь.

Рабочий, смотревший в окно, отскочил.

— Приехали контр-разведчики.

Энгер быстро выхватил лимонку и, зажав ее в руке, бросился к двери.

В воротах контр-разведку задержали. Привратник ни за что не хотел открыть ворота.

— Пропуск.

— Я сам начальник контр-разведки.

— Ничего не знаю. Мне бумажку с пропуском.

— Идиот!

Но окошко захлопнулось перед разъяренным Гавриловым.

Мимо бежала рота офицеров к шоссе, переброшенная из города.

— Десять человек ко мне! — крикнул Гаврилов.

— Бей ворота.

Удары прикладов посыпались на ворота.

В окошко высунулась голова привратника, и убедительный револьвер сразу заставил открыть ворота.

Ворвались во двор.

Канонада усиливалась. Офицеры задержались во дворе.

Из окошка камеры высунулся Горбов.

Часовой выстрелил. Пуля засыпала штукатуркой глаза Горбова.

Горбов отскочил.

— Стоят во дворе... Ну, до свидания, товарищи.

Все отшатнулись от двери, к стене. Стояли в ожидании смерти.

Энгер застыл с лимонкой.

А по полю мчался Галайда со своим отрядом, посланный степью, лесом, на освобождение города.

Навстречу на мотоцикле Джон.

— Скорее, скорее, — кричал Джон, — дорога свободна.

И отряд понесся вихрем... Трещали тачанки, цокали копыта и изредка свист шашек прорезывал воздух. Это партизаны готовились к рубке.

Камеры притаились в тишине. Арестованные, прислонившись к глазкам дверей, слушали, ожидая приближения шагов контр-разведчиков.

Внизу скрипнула дверь.

Выстрелы...

Началось... И кровь быстрее и быстрее заставляла стучаться сердце.

Неужели, вот сейчас, когда освобождение близко, близко, когда, быть может, город уже взят красными, расстреляют.

Тоска... Бессильная ярость...

В коридорах тихо.

Глухо хлопают двери.

Шаги... Звон шпор...

Торопливые шаги... Голоса...

— Стыдитесь.

— Господин генерал.

— Да, да, вы офицеры. Все равно гибель, хоть этих сначала.

Хлопнули двери.

Камера 27, притаив дыхание, не сводила глаз с двери. Энгер спокойно сжимал в руке лимонку.

Выстрелы... Выстрелы...

Шаги... Лязг засова.

Напряжение... Кровь бьет в виски.

Дверь открылась.

В камеру ворвался Джон с несколькими партизанами и рабочими.

Молчание... Слишком была велика радость. Джон, не выпуская винтовки, бросился к Энгеру.

Катя, забыв все, бросилась перед Энгером и заслонила его собой. Хотела крикнуть, но не могла.

Джон схватил ее за руку и потянул в сторону.

Вся напряжение, Катя схватила руку Джона и вцепилась в нее зубами.

В голове туман и одна мысль. Мысль не дать убить его — Энгера. Этого таинственного «7 + 2». Она не даст. Не даст совершиться ошибке.

Джон расхохотался и его смех нарушил тишину камеры.

Бросив винтовку, он освободившейся рукой схватил руку Энгера, и дружески пожал ее.

Катя пришла в себя.

— Он свой, свой!

— Да, он наш, — сказал один из партизан.

— Здорово, давно не видались!

Крепкий поцелуй.

Выбежали из камеры и натолкнулись на трупы контрразведчиков.

— У самой камеры хлопнули.

— Собаки!

И пробежали к выходу.

Канонада уменьшилась. Винтовок не было слышно...

Укразия перестала существовать.

В городе развевались красные флаги УССР.

Глава XLIII.

Генеральский пипифакс.

Выбежали из ворот тюрьмы. Вдали шел отряд Галайды. Пыль. Побежали. Пошли шагом.

— Товарищи, — крикнул Энгер и остановился в смущении. — Я так давно не говорил этого слова.

Дройд с каждым шагом отставал. Видя, что на него никто не смотрит, он опрометью вбежал на кладбище и, прыгая через кресты и могилы, бежал к другому выходу.

Он торопился к броненосцу «Император Индии».

Он не хотел оставаться в Украине, не зная того, что Украина перестала существовать вместе с белыми. Что перестали существовать беззаконие, произвол восточного деспотизма, а что осталась Украина, Красная, которая вскоре покроется сотнями дымящихся фабричных труб.

Дройд бежал без оглядки. Да он и не нужен был стране.

На автомобиле, бешено гоня его, мчался генерал Биллинг и Самарова. Генерал смотрел перепуганными глазами на Пушкинскую улицу, по которой мчались, ехали, бежали остатки буржуазии.

Порт представлял море голов, рук.

Атака сходень пароходов. Английские матросы едва могли отстаивать свои позиции и не пропускали никого.

На поверхности моря плавали картонки, баульчики, чемоданы, шляпы.

Матери теряли, бросали детей и в исступлении бросались в каждую отходящую лодку.

В Александровском парке шла перестрелка между офицерами и рабочими.

Остатки офицерства и армии бежали по Большефонтанской дороге на Румынию.

Биллинг и Самарова, пробираясь через толпу, вбежали на сходни, предъявив пропуска.

У сходней стоял изможденный офицер на костылях. Увидя генерала, он в исступлении выхватил револьвер.

— Вот они. Погубившие все дело родины. Мерзавцы!

Выстрел... Но толпа, снова атаковав сходни, смяла стрелявшего.

Порт стали обстреливать сверху, и это еще увеличило панику.

Барлетт сидел в каюте и радостно посасывал свою сигару, чувствуя всеми фибрами тела радость... О, ему уже не нужно таких командировок. С него довольно. И он с удовольствием разглядывал свое лицо в зеркало.

«Император Индии» отошел.

В это время Дройд без шляпы влетел в порт и с размаху бросился в море. Погрузился и, оттолкнув чемодан, яростно поплыл к броненосцу. Догнал лодку и, несмотря на протесты, влез в нее.

Через пять минут Дройд, весь мокрый, вошел, шатаясь, в каюту Барлетта.

— С вас течет вода.

— Я думаю, — сказал Дройд и, став в уголок, старательно выжимал пиджак.

Барлетт раскрыл чемодан.

— Оденьтесь, Дройд.

Барлетт, присев к столу, стал из кармана вынимать сувениры. Раскрыл бумажник и вынул из него колокольчики, донские, а вместе с ними «дамские панталоны», розетку клуба «Голубых фраков».

Барлетт усмехнулся, посмотрев на эту розетку.

«Последнее достижение европейской цивилизации», — подумал он и подбросил розетку на ладони.

Все-таки Украина научила его иронически относиться к своей жизни в Лондоне.

Бросив розетку, взяв добровольческие деньги, Барлетт вышел из каюты. На минутку вошел в кабинку уборной, где на крючках с надписью «pirifaks» повесил добровольческие деньги.

А потом, разлегшись удобно на койках, Барлетт и Дройд стали с улыбкой вспоминать свою краткую жизнь в Украине.

— Мне кажется, я набрался материалу по горло, — отвечая своим мыслям, сказал Дройд.

— О, да, «Украина» даст много денег вам, мистер Дройд. И погрузились в курение.

Насвистывая песенку, по коридору в уборную шел генерал Биллинг. Он был счастлив. Деньги есть. Отчета некому спросить. Бегство. Переворот.

— Амалия и так далее... — и вошел в кабинку. Расстегнул френч и, улыбаясь своей будущей жизни, генерал вспомнил об истории и сразу сообразил, что и он историческая личность.

— Теперь я засяду писать мемуары.

И остолбенел, увидя на крючке добровольческие деньги.

Осторожно снял, разгладил и спрятал в карман. Он был удивлен, почему здесь очутились деньги. Но на всякий случай, пригодятся.

Глава XLIV

Workers of the world, unite!

Везде развевались флаги.

Красные полотнища в синем небе приветствовали мчащуюся по улицам конницу Галайды, идущие отряды бронепоезда «Ильич» и рабочие дружины.

Ветер ласкал знамена, целовал загорелые лица. Ветер свободных полей, лесов, сел, городов весело мчался по улицам.

Радость...

Ветер целовал толпу. Ветер радовался тому, что погибла Украина, что нет более буферной Украины, что погиб плацдарм для наступления на РСФСР, что за одну ночь родилась новая республика.

Шли толпы рабочих...

Пели «Заповит», пели «Интернационал».

А внизу, в море, черными силуэтами пароходы, отходящие, увозящие с собой всю гниль страны, всю накипь на рабочем организме...

Из порта началась реэвакуация.

По одному, группами возвращались обратно в город не взятые на пароходы...

Ждали расстрела...

Но странно — их никто не арестовывал, не убивал и даже на них никто не обращал внимания. Они пошли смелее, и у многих зарождалось чувство благодарности к этим варварам-большевикам.

Мчался ветер по улицам, стуча в окна. Хлопал форточками и звал на улицу тех, кому дорога свобода, кто хочет радоваться вместе с рабочими рождению УССР.

Не Украины, нет, а СССР.
Из тюрьмы бежали Энгер, Катя, двое рабочих и Джон.
Откуда-то мчался броневик, где-то еще выбивавший последние офицерские части.
Стали. Загородили дорогу...
И остановившийся броневик взяли штурмом.
Горбов, Катя, Энгер и Джон влезли на самую крышу и расположились на башне. Рабочие вскочили внутрь.
Помчались в город...
— Жаль, нет знамени...
— Есть, — закричал Джон, — есть... У меня приготовлено,
— и вынул знамя из-под рубашки.
— Я его намеревался нацепить над штабом.
Укрепили красное полотнище, на котором Джон мелом и кривыми буквами написал: *Workers of the world, unite!*
Мчался броневик, мелькали дома улиц, приближались к радостной толпе, к флагам, а ветер ласкал, развевал знамя и целовал буквы вечного, всегда зовущего на борьбу лозунга рабочих всего мира.

ПРИЛОЖЕНИЕ

УКРАЗИЯ

Волы мои, степями и полями,
Помахивая сивой головой,
Вы в лад перебираете ногами,
Вы кормитесь дорожной травой.
По ковылям, где дрофы притаились,
Вблизи прудов, где свищут кулики,
Волами двинулись и задымились
Широкой грудью броневики.
По деревням ходил Махно щербатый,
И вольница, не знавшая труда,
Горланила и поджигала хаты
И под откос спускала поезда.
А в городах: молебны и знамена,
И рокот шпор, и поцелуй в уста.
Холеный ус, литая медь погонов,
И дробь копыт, и смех, и темнота.
Прибрежный город отдыхал в угаре,
По крышам ночь, как масло, потекла.
Платаны гомонили на бульваре,
Гудел прибой, и надвигалась мгла.
Прибрежный город по ночам чудесней,
Пустая тишь и дальний гул зыбей,
И лишь нерусские звенели песни
Матросов с иностранных кораблей.
И снова день, и снова рестораны
Распахнуты. И снова гул встает.
И снова говор матерный и пьяный,
И снова ночь дорогою кровавой
Приходит к нам свершать обычный труд.
Тюрьма и выстрелы. А здесь зуавы
С матросами обнялись — и поют...

Мы в эти дни скрывались, ожидали,
Когда раздастся долгожданный зов,
Мы в эти дни в предместьях собирали
Оружие, листовки и бойцов.
Ты, иностранец, посмотри, как нами
Сколочен мир, простой и трудовой,
Как грубыми рабочими руками
Мы знамя поднимаем над собой.
Ты говоришь: «Укразия». Так что же,
Не мы ль прогнали тягостный туман,
Не мы ль зажгли вольнолюбивой дрожью
Рабочих всех материков и стран?
Бей по горну — железо не остынет,
Оно сверкает в огненной пыли.
Укразия! Примером будь отныне
Трудящимся со всех концов земли...

ПРЕДШЕСТВЕННИК ШТИРЛИЦА

(«Укразия» Н. Борисова)

...Где-то мы это читали: не то у Г. Брянцева в «Конце осинового гнезда», не то в одном из романов Ю. Семенова о великом разведчике Владимирове-Исаеве-Штирлице. А может, видели на экране – то ли в «Своем среди чужих, чужом среди своих», то ли в «Бриллиантах для диктатуры пролетариата», то ли в «Семнадцати мгновениях весны» или в недавнем «Исаеве». Кто их всех исчислит – образ искусно замаскированного агента в тылу врага глубоко въелся в плоть и кровь советской и новорусской популярной культуры.

Но первым запоминающийся образ бесстрашного, хладнокровного, умного и ловко выходящего из всех передряг «красного» разведчика в сердце вражеского стана создал не Ю. Семенов и не Н. Михалков в паре с С. Урсуляком, а забытый писатель Николай Андреевич Борисов.

Знаем мы о нем, как о многих других «приключенцах» и фантастах двадцатых годов, очень и очень мало. Родился в Черкассах 11 октября 1889 г. Против пункта «что делал во время революции и Гражданской войны» стоит прочерк. Судя по некоторым строевым выдержкам в «Укразии» – воевал. В 1924 г. выпустил роман «Укразия», написанный в модной в те годы технике «киноромана»: максимум действия и минимум психологии, головокружительная карусель эпизодов, планов, кадров, героев. Борисов со вкусом живописал подвиги большевистских подпольщиков, лихие побегы, перестрелки и погони, разлагающихся белых офицеров в кабаках и притонах Одессы. Пружиной романа стал заклятый враг большевиков, ротмистр Энгер из белой контрразведки, сдержанный, проницательный, благородный и по-своему привлекательный офицер; и только в самом конце романа читатель узнавал, что под именем Энгера скрывался безвестный партизан, загадочный доброжелатель, предупреждавший красное подполье о происках врагов записками с загадочной подписью «7 + 2»...

«Укразия», при всей своей фантастичности, построена на реальном материале: в роман включены некоторые действительные эпизоды работы большевистского подполья (включая рабочее восста-

ние), падения и эвакуации белой Одессы. О чудовищной коррупции, казнокрадстве, погромах, разгуле и кутежах офицеров, засилье всевозможных контрразведок можно прочесть не только у «красных» пропагандистов, но и у А. Деникина, об одесских нравах того времени – у В. Шульгина: «Улицы Одессы были неприятны по вечерам. Освещение догорающих “огарков”. На Дерибасовской еще кое-как, на остальных темень. Магазины закрываются рано. Сверкающих витрин не замечается... Среди этой жуткой полутемноты снуют толпа, сталкиваясь на углу Дерибасовской и Преображенской. В ней чувствуется что-то нездоровое, какой-то разврат <...> Окончательно перекокаившиеся проститутки, полупьяные офицеры... “Остатки культуры” чувствуются около кинотеатров. Здесь все-таки свет. Здесь собирается толпа, менее жуткая, чем та, что ищет друг друга в полумраке».

«Кинороман» уже по определению ориентировался на кинематографические трюки – отсюда все небывалые приключения и невероятные подвиги партизан и подпольщиков. По сути дела, «Укразия» – это революционный лубок со всей присущей ему условностью, это бульварная революционная литература. Борисов никак не являлся выдающимся стилистом, художником слова, и в его «кинороманах» можно найти немало огрехов. Слог Борисова разухабист и небрежен, встречаются стилистические и грамматические нелепицы. М. Маликова, автор статьи о советском «псевдопереводном» романе эпохи НЭПа, справедливо отмечает комический диссонанс между «южнорусским мещанским языком» Борисова и «изображениями жизни западной буржуазии и аристократии»¹. Совершенно несправедливо, однако, ее описание романов Борисова как «лишенных всякой пародийности банальных “коммунистических пинкертонов”»: любой непредвзятый читатель безошибочно различит в «Укразии» и других произведениях писателя налет характерной для многих приключенческих и фантастических текстов 1920-х гг. иронии и автопародии.

В марте 1925 г. «Укразия», экранизированная на одесской киностудии Всеукраинского фотокиноуправления (ВУФКУ) знаменитым П. Чардыниным (1873-1974), вышла на экраны Киева; в том же году фильм был представлен ВУФКУ на парижской Международной выставке декоративного и современного промышленного искусства, а в феврале 1926 г. состоялась московская премьера.

¹ Маликова М. Халтуроведение: советский псевдопереводной роман периода НЭПа // Новое литературное обозрение. 2010. № 103.

Плакат фильма «Укразия». Неизвестный художник (1925)

Масштабная лента по сценарию Борисова и Г. Стабового (209 минут, две серии, 20 эпизодов) полюбилась советскому зрителю; современные украинские киновееды считают ее первым украинским приключенческим фильмом. «По технике эта выдающаяся фильма не уступает пресловутым “американским” детективам, а по содержанию, конечно, несравнима с последними. В то время как у американцев все строится на трюке, преследующем цели занимательности, – и, это главное и единственное, а вся картина в целом бессодержательна, – в “Укразии” сумели достичь высшей занимательности и большой насыщенности революционным сюжетом» – писал анонимный рецензент журнала «Кино». А Эдуард Багрицкий даже посвятил фильму стихотворение «Укразия» (оно приведено нами в приложении) – проходное, но не лишенное некоторых проникновенных лирических описаний:

Платаны гомонили на бульваре,
Гудел прибой, и надвигалась мгла.
Прибрежный город по ночам чудесней,
Пустая тишь и дальний гул зыбей...

Кадры из фильма «Укразия» (1925)

Сотрудничество Борисова с Чардыниным вылилось также в несохранившийся фантастический фильм «Генерал с того света» (1925) о пробуждении царского генерала в советской России; Борисову принадлежат и сценарии снятых ВУФКУ короткометражек «Аристократка» (1924), «Вендетта» (1924), «Советский воздух» (1925) и «Герой матча» (1926), частью написанные в соавторстве. Но, видно, не все в жизни Борисова шло гладко – в 1925 г. он был «вычищен» из партии (где состоял с 1920 г.) как «чуждый элемент».

В 1927 г. в харьковском издательстве «Космос» вышла интересная экспериментальная книга Борисова «Зеленые яблоки». Полное название ее звучало так: «Зеленые яблоки. Коллективный роман. Перевод с американского Н. Борисова». Монтажом разнородных отрывков, газетных цитат и т.п. в двадцатые и начале тридцатых годов увлекались многие, от дадаистов до Б. Пильняка и Д. Дос Пассоса – но Борисов пошел, кажется, на небывалый в мировой литературе эксперимент. «Коллективный роман» был, конечно же, полнейшей фикцией: введя сквозных персонажей, Борисов соединил воедино переводные тексты семнадцати популярных в России иностранных писателей, включая таких корифеев, как М. Твен, Р. Стивенсон, Д. Лондон, Г. Уэллс и С Цвейг. Роман-коллаж, намного опередивший ряд литературных экспериментов наподобие «нарезок» У. Берроуза, пародировал и штампы советского и западного приключенческого романа, и дореволюционные и советские коллективные романы («Три буквы», «Большие пожары»).

Между прочим, именно эта пародийная направленность, честно отмеченная М. Маликовой, мгновенно завела исследовательницу в тупик. Ведь самостоятельные романы Борисова, по Маликовой, лишены всякой пародийности и в целом банальны. Как быть? Выход найден: раз уж «Космос» выпустил прогремевший сборник пародий «Парнас дыбом» и пародийно-авантюрный «Запах лимона» Л. Рубуса (Л. Успенского и Л. Рубинова), то и «идея “Зеленых яблок” принадлежала самому весьма любопытному харьковскому частному издательству». Неясно только, отчего в таком случае «Космос» отдал свою многообещающую идею на откуп столь бездарному исполнителю...

В 1929 г. в «Молодой гвардии» Борисов выпустил продолжение «Укразии» – «Четверги мистера Дройда». Авантюрно-приключенческий роман-лубок превратился теперь в роман авантюрно-фантастический: действие было продлено в будущее, появлялся профессор, изобретший гипнотические лучи и т.д. Известен еще один роман Борисова – «Слово за наганом».

В 1937 г. кинофильм «Укразия» был перемонтирован и сокращен с 5750 до 2223 метров и 74 мин. (7 эпизодов). Но кинолента, получившая в сокращенной версии название «7 + 2», была запрещена – как пояснял отдел репертуарного контроля Управления по делам ис-

кусств УССР, «автор сценария Борисов оказался врагом народа». Писатель был арестован в Киеве 17 марта 1937 г., обвинен в участии в «контрреволюционной троцкистской организации» и 3 сентября 1937 года расстрелян. До 1964 г. все его книги находились под тотальным запретом². Кинофильму «Укразия» пришлось дожидаться своего часа до 2012 г., когда лента была реставрирована и вновь перемонтирована на киностудии им. Довженко.

² См. Блюм А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов 1917-1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб, 2003. № 86. Поскольку Н. А. Борисов погиб в 1937 г., предположение автора о его тождестве с писателем Н. Борисовым, чей роман «Выговор» готовился к изданию в Челябинске в 1940 г., не имеет под собой оснований.

Примечания

Книга публикуется по изд.: Волоккружна державна літо-друкарня, 1924 с исправлением ряда опечаток и некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

С. 9. ...*типперери* – «It's a Long Way to Tipperary» («Долог путь до Типперери»), песенка Д. Джаджа (1912), которая приобрела всемирную известность как одна из песен британской армии в годы Первой мировой войны.

С. 10. ... *S'il vous plaît* – Пожалуйста (франц.).

С. 11. *Omnia mea tecum porto* – Все свое ношу с собой (лат.).

С. 12... *один шиллинг, да и тот со штемпелем* – Шутка обыгрывает фамилии одесского градоначальника в 1919-1920 гг., генерала барона М. И. Штемпеля, и командующего войсками Новороссийской области генерал-лейтенанта Н. Н. Шиллинга (1870-1946). Последний выведен в романе в образе генерала Биллинга.

С. 12. *A propos...* – Кстати, между прочим (франц.).

С. 12. *Зухтер...* – Доносчик, осведомитель (уголовный жаргон юга бывш. Российской империи).

С. 21. *All right...* – Ладно, хорошо, прекрасно (англ.).

С. 29. «*La folie des femmes*», «*Das Indische grabmal*», «*Die bettlerin Stambul*» – «Безумие женщин» (франц.), «Индийская гробница», «Стамбульская нищенка» (искаж. нем).

С. 30. ...*Strand* – Стрэнд, одна из центральных улиц Лондона.

С. 31. ...*objets des luxe* – Предметы роскоши (франц.).

С. 51. «*Сильва, ты меня...*» – Ария из оперетты И. Кальмана (1882-1953) «Сильва» («Королева чардаша», 1915).

С. 69. *Boulevard de France* – Французский бульвар, улица в Одессе (франц.).

С. 75. ...«колокольчик» – «Колокольчиками» в годы Гражданской войны прозвали денкинские 1000-рублевые купюры с изображениями московского Царь-колокола и Георгия Победоносца.

С. 79. «*Нам каждый гость дается богом...*» – Цит. из старинной застольной песни, известной в цыганском и казачьем («Аллаверды») вариантах.

С. 102.*вылетела на воздух душа начальника контр-разведки, полковника Каменщикова* – Начальник контрразведки при штабе войск Новороссии полковник Г. А. Кирпичников, ставший прообразом Каменщикова, был убит в январе 1920 г. Существуют различные версии этого убийства, вплоть до офицерского заговора.

С. 105. ...*полковник Стессель-младший* – А. А. Стессель (1876-1933), в конце 1919-начале 1920 г. начальник внутренней обороны и комендант Одессы.

С. 105. *Порт-Артур сдал наш Стессель-старший...* – Отец одесского коменданта генерал-адъютант А. М. Стессель (1848-1915) во время Русско-японской войны был комендантом Порт-Артура и сдал крепость японцам. В 1908 г. был приговорен к расстрелу, замененному 10-летним заключением в крепости, около года спустя – освобожден по указанию Николая II.

С. 107. «*Workers of the world, unite!*» – «Пролетарии все стран, соединяйтесь!» (букв. «Рабочие мира, соединяйтесь!», англ.).

С. 120. ...«*осваг*» – Осведомительное Агентство, информационно-пропагандистская организация белых сил на юге бывш. Российской империи (1918-1920), взявшая на себя также некоторые функции контрразведки.

С. 121. *Тринадцатая трубка генерала* – Намек на книгу И. Эренбурга «Тринадцать трубок» (первое полное изд. 1923).

С. 123. ...«*Алмаз*» – В 1918 г. крейсер «Алмаз» принимал участие в установлении в Одессе советской власти; на судне заседал матрос-

ский трибунал и происходили расправы с захваченными офицерами.

С. 126. ...*маравихеров* – Т.е. воров-карманников (уголовный жаргон).

С. 144. *Good!* – Хорошо, замечательно (англ.).

С. 163. ...*пицифакс* – туалетная бумага; эвфемизм от нем. *Pipifax*, чепуха, ерунда.

С. 165. ...*донские* – Дензнаки, выпускавшиеся в 1918-1920 гг. конторой Государственного банка в Ростове-на-Дону, а также за пределами Донской области. Имели широкое хождение на всех южных территориях, занятых белыми армиями.

С. 166. ...«*Заповит*» – «Завет» («Завещание»), программное стихотворение (1845) Т. Шевченко, которое приобрело в украинской культуре значение национального символа веры и стало основой множества музыкальных произведений.

Оглавление

Укразия. Кино-роман.	6
Приложение <i>Э. Багрицкий. Укразия</i>	169
<i>А. Шерман. Предшественник Штирлица</i>	171
П р и м е ч а н и я	177

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.